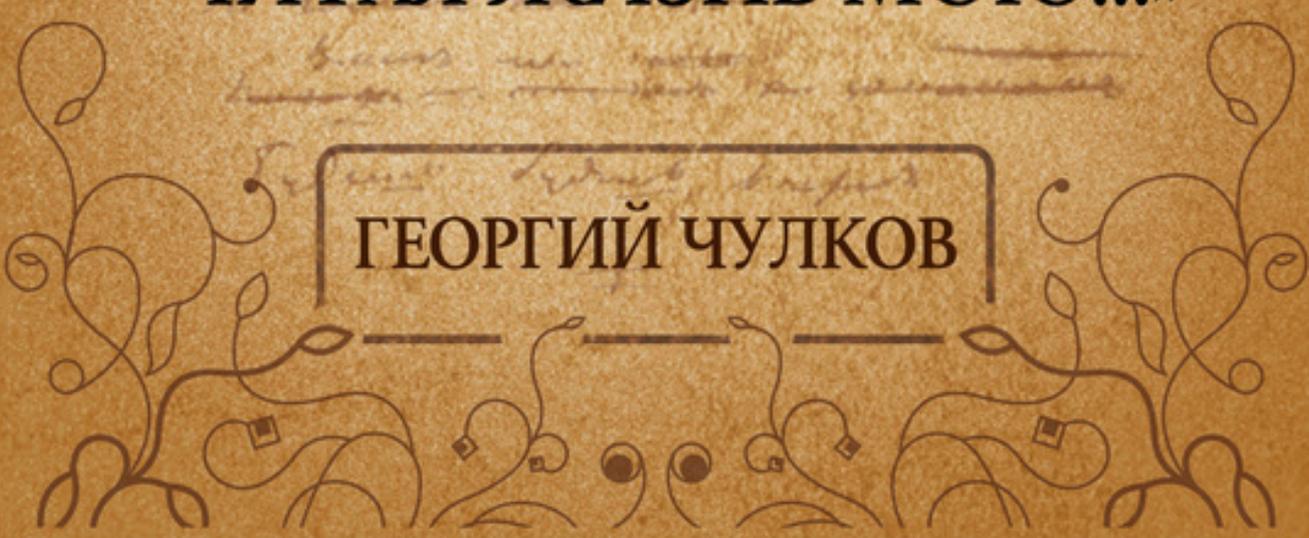

Жизнь Пушкина

**МИСТИКА
СУДЬБЫ
ПУШКИНА**

**«И С ОТВРАЩЕНИЕМ
ЧИТАЯ ЖИЗНЬ МОЮ...»**

ГЕОРГИЙ ЧУЛКОВ

Жизнь Пушкина

Георгий Чулков

**Мистика судьбы Пушкина.
«И с отвращением
читаю жизнь мою...»**

«Алгоритм»

1936

УДК 82-94
ББК 83.3(2)

Чулков Г. И.

Мистика судьбы Пушкина. «И с отвращением читая жизнь мою...» / Г. И. Чулков — «Алгоритм», 1936 — (Жизнь Пушкина)

ISBN 978-5-4438-0532-0

Эта одна из лучших книг отечественной пушкинианы впервые была издана в 1936 году и встречена далеко не восторженно, хотя и признана оригинальной. В ней оказалось немало нетрадиционных и неожиданных прочтений даже ставших уже хрестоматийными фактов. Это касалось не только истории женитьбы, поведения Наталии Гончаровой и дуэли Пушкина, но и «жертв», которые он приносил «вечно юному Бахусу». Задавшись целью создать объективное жизнеописание русского гения, его живой психологический портрет, автор книги – известный поэт-символист, прозаик, мемуарист, сторонник мистического анархизма Георгий Иванович Чулков (1879–1939) отталкивался от воспоминаний и признаний самого Пушкина, чье творчество во многом биографично. И нужно лишь внимательно прочитать великого поэта, чтобы увидеть, что хотел сказать о себе он сам.

УДК 82-94
ББК 83.3(2)

ISBN 978-5-4438-0532-0

© Чулков Г. И., 1936

© Алгоритм, 1936

Содержание

Предисловие	7
Глава первая	8
I	8
II	13
Глава вторая	22
I	22
II	29
III	34
IV	36
Глава третья	39
I	39
II	44
III	48
Глава четвертая	55
I	55
II	60
III	62
IV	65
V	70
Глава пятая	74
I	74
II	80
Глава шестая	83
I	83
Конец ознакомительного фрагмента.	84

Георгий Чулков
Мистика судьбы Пушкина. «И
с отвращением читая жизнь
мою...» («Жизнь Пушкина»)

© ООО «Издательство Алгоритм», 2014

Предисловие

Труды наших советских пушкинистов обогатили науку превосходными исследованиями – текстологическими и биографическими. Мы восхищаемся детальной разработкой частных проблем пушкинианы, но у нас почти нет работ, в которых подводились бы итоги нашим знаниям текста и биографии Пушкина. У нас нет жизнеописания поэта. Отдельные большие монографии о той или другой поре его жизни или слишком краткие биографические очерки о нем у нас есть, но эти труды не могут заменить простого, но связного и обстоятельного изложения событий жизни поэта. Еще менее могут заменить биографию беллетристические произведения, где героем является мнимый Пушкин и где подлинные факты произвольно сочетаются с вымыслом, и читатель остается в недоумении, где истина и где ложь.

К столетию со дня смерти поэта я хочу издать книгу об его жизни, дабы заполнить этот пробел нашей пушкинианы. Моя книга не будет соперничать с теми обширными критико-биографическими исследованиями, которых мы вправе ждать от наших пушкинистов, но и мой простой и – смею думать – точный рассказ о жизни, трудах, борьбе и смерти Пушкина не будет, надеюсь, лишним.

В основу моей книги я положил воспоминания и признания самого поэта. Он не оставил своей автобиографии, но черновая программа его записок, отрывки юношеского дневника, дневник 1833–1835 годов, его письма и удивительная автобиографичность его поэзии – вот что представлялось мне самым ценным. Мне хотелось написать книгу так, чтобы в ней слышался голос самого Пушкина.

Глава первая Детство

I

В Москве, 26 мая 1799 года, в ветхом, с продырявленной крышей деревянном домике комиссариатского чиновника Скворцова на Немецкой улице родился Пушкин. В этот день по всем церквам шли молебны, гудели колокола и на улицах обыватели кричали «ура». Москва праздновала рождение внучки императора Павла. Поэт родился как раз в день семейного торжества Романовых, с коими пришлось ему вести нелегкую тяжбу всю жизнь: первое столкновение его с императором случилось, когда ему было года полтора. Эта любопытная встреча произошла в петербургском Юсуповом саду, когда семейство Пушкиных, после поездки в сентябре 1799 года в Псковскую губернию к тестю Ганнибалу,¹ проживало в Петербурге у тещи Марии Алексеевны Ганнибал.² У нее в это время был свой домик в Преображенском полку. Няня, гуляя с маленьким Пушкиным по Юсупову саду, примыкавшему к великолепному дворцу, построенному знаменитым Кваренги, наткнулась на Павла,³ который и сделал ей строгое замечание за то, что она не сняла картуз с ребенка при появлении его величества.

«Видел я трех царей, – писал Пушкин жене весною 1834 года, – первый велел снять с меня картуз и пожурил за меня мою няньку; второй меня не жаловал; третий хоть и упек меня в камер-пажи под старость лет, но променять его на четвертого не желаю: от добра добра не ищут...»

В начале XIX века господа Пушкины отнюдь с царями не водились и по своему положению представителей древнего, но захудалого рода были весьма далеки от правящих кругов и царского трона. К несчастью, опальному поэту пришлось под конец жизни, по примеру предков, приблизиться к этому самому трону, который, по словам Лермонтова, «жадную толпой» окружали «свободы, гения и славы палачи».

Пушкин поздно понял, что ему несдобровать в этой компании. В 1830 году, когда еще можно было спастись от царских объятий, поэт писал:

Упрямства дух нам всем подгадил:
В родню свою неукротим.
С Петром мой пращур не поладил
И был за то повешен им.
Его пример будь нам наукой...

Петром I в самом деле был повешен 4 марта 1697 года Федор Матвеевич Пушкин,⁴ сын воеводы Матвея Пушкина,⁵ за деятельное участие в стрелецком заговоре Соковнина.⁶

¹ Ганнибал Осип Абрамович (1744–1806) – дед Пушкина.

² Ганнибал Мария Алексеевна (1745–1818, урожд. Пушкина) – жена О. А. Ганнибала, мать Н. О. Ганнибал, бабушка Пушкина.

³ Павел I (1754–1801) – российский император с 1796 г.

⁴ Пушкин Федор Матвеевич (ум. 1697) – сын М. С. Пушкина, в 1696 г. стольник; казнен за участие в стрелецком бунте.

⁵ Пушкин Матвей Степанович (ум. 1706) – в 1679 г. – воевода в Астрахани, в 1682 г. – боярин; в 1697 г. назначен воеводою в Азов, но за провинность сына Федора сослан в Енисейск и лишен «боярской чести».

⁶ Соковнин Алексей Прокофьевич – окольный, казнен за участие в стрелецком бунте в 1697 г.

Поэт равнодушен был к истории. Он живо интересовался, между прочим, судьбою своих предков. Среди них были примечательные умом, волею, характерами и страстями. Многие были порочны и преступны.

Лет за десять до казни мятежного Федора Пушкина в Разрядный приказ была подана его родственниками родословная роспись, в которой сообщалось, что при Александре Невском «прииде из немец муж честен именем Радша». Этот легендарный Радша считался родоначальником многих фамилий – в том числе и Пушкиных, что и дало повод поэту в «Моей родословной» написать известные строки:

Мой предок Рача мышцей бранной
Святому Невскому служил...

Однако если Пушкины и были потомками Радши, или Рачи, то, вероятно, в седьмом колене. А сам Радша не был современником Александра Невского. Он приехал в Новгород едва ли не за сто лет до того. Род Пушкиных ведется от некоего Григория Пушки, жившего в конце XIV и в начале XV века. Это уже лицо не легендарное, а историческое. Среди многочисленных его потомков иные упоминаются в летописях, и поэт встречал их имена в «Истории государства Российского». Он начал было писать в тридцатых годах свои записки.

«Имя предков моих встречается поминутно в нашей истории, – писал Пушкин. – В малом числе знатных родов, уцелевших от кровавых опал царя Ивана Васильевича Грозного, историограф именует и Пушкиных. Григорий Гаврилович Пушкин⁷ принадлежит к числу самых замечательных лиц в эпоху самозванцев. Другой Пушкин во время междуцарствия, начальствуя отдельным войском, один с Измайловым, по словам Карамзина, сделал честно свое дело. Четверо Пушкиных подписались под грамотою о избрании на царство Романовых, а один из них, окольный Матвей Степанович, под соборным деянием об уничтожении местничества (что мало делает чести его характеру)...»

Последнее замечание в скобках в духе пушкинской мысли о значении родовитого дворянства, и, в частности, «шестисотлетнего» дворянства Пушкиных. Впрочем, Пушкин был достаточно умен и трезв и понимал, что «имена Минина и Ломоносова вдвоем перевесят, может быть, все наши родословные». А впоследствии в заметках по поводу «Бориса Годунова» поэт писал: «Изо всех моих подражаний Байрону дворянская спесь была самое смешное...» Это не мешало ему, однако, живейшим образом интересоваться предками. В «Моей родословной» Пушкин напомнил, между прочим, о судьбе своего деда Льва Александровича,⁸ служившего в артиллерии. В 1762 году он был посажен Екатериной⁹ в крепость и просидел там два года.

Мой дед, когда мятеж поднялся
Средь петергофского двора,
Как Миних, верен оставался
Паденью третьего Петра.
Попали в честь тогда Орловы,

⁷ Пушкин Григорий Гаврилович (Косой, ум. 1656) – сын Гаврилы Григорьевича; 1607 г. – сокольничий, 1627 г. – стольник; 1644 г. – окольный; 1646 г. – посол в Швеции; 1650 г. – посол в Польше.

⁸ Пушкин Лев Александрович (1723–1790) – дед А. С. Пушкина; в 1759 г. майор, после переворота 1762 г. заключен в крепость как сторонник Петра III, где пробыл 2 года; в 1763 г. уволен в отставку подполковником артиллерии.

⁹ Екатерина II Великая (1729–1796) – русская императрица, урожденная принцесса Анхальт-Цербтская. Вступила на престол в 1762 г. Ее нелюбимые характеристики содержатся в эпиграмме Пушкина «Мне жаль великия жены» и в «Исторических замечаниях», где он назвал ее «Тартюфом в юбке». Однако в некоторых его произведениях присутствует и ее идеализация («К вельможе», «Перед гробницею святой» и др.).

А дед мой в крепость, в карантин,
И присмирел наш род суровый,
И я родился мещанин.

«Дед мой, – рассказывал Пушкин, – был человек пылкий и жестокий. Первая жена его, урожденная Воейкова,¹⁰ умерла на соломе, заключенная им в домашнюю тюрьму за мнимую или настоящую ее связь с французом, бывшим учителем ее сыновей, и которого он весьма феодально повесил на черном дворе. Вторая жена его, урожденная Чичерина,¹¹ довольно от него натерпелась. Однажды он велел ей одеться и ехать с ним куда-то в гости. Бабушка была на сносях и чувствовала себя нездоровой, но не смела отказаться. Дорогой она почувствовала муки. Дед мой велел кучеру остановиться, и она в карете разрешилась чуть ли не моим отцом. Родильницу привезли домой полумертвою и положили на постелю всю разряженную и в бриллиантах».

Этот жестокий феодал был, однако, человеком «просветительной эпохи» и родившегося весной 1770 года сына, Сергея,¹² будущего отца поэта, воспитал в духе французского вольнодумства. Сергей Львович был типичным российским «маркизом». Незамысловатую философию XVIII века Сергей Львович усвоил не без удовольствия из книг Вольтера, Гельвеция, Руссо и поэтов, эротических и сентиментальных. Это не мешало ему быть суеверным и поддерживать видимость бытового православия, то есть служить молебны, приглашать на дом приходских батюшек и раз в год говеть. Утром он исповедовался и приобщался, а вечером декламировал со смехом стихи Парни, в коих автор издевался над церковными таинствами. Он служил в лейб-гвардии Егерском полку. В 1798 году он вышел в отставку в чине майора и зачислен был куда-то в комиссариат по продовольственной части. Он, конечно, был масоном. Летом 1814 года, командированный в Варшаву, Сергей Львович вступил в ложу «Северного щита». Пройдя четыре предварительные степени, к концу 1817 года он получил звание «свободного каменщика». К этому времени он уже вышел в отставку и больше никогда не служил.

Сергей Львович постоянно нуждался в деньгах и почитал себя человеком, обиженным фортуною, а между тем в Нижегородской губернии у него было семь тысяч десятин и более тысячи крепостных крестьян. Он не терпел никаких дел и забот. Поместья управлялись бессовестными приказчиками, которые разорили крестьян. Сергей Львович ни разу не удосужился заняться судьбою своих имений. Крестьянскую депутацию он прогнал, не выслушав. Зато он был не ленив на удовольствия. Он полагал, что мир устроен для наслаждений таких изящных и милых господ, как он, Сергей Львович, или его братец, Василий Львович,¹³ небезызвестный стихотворец, автор поэмки «Опасный сосед», в коей описываются нравы публичного дома. У самого Сергея Львовича был талант актера. Он то и дело декламировал то Мольера, то Расина. Никто не умел так весело и удачно организовать любительский спектакль, как он. Нельзя отрицать, что у него был живейший интерес к литературе, а к литературным знакомствам у него было явное пристрастие. Когда он жил в Москве по Боль-

¹⁰ ...урожденная Воейкова... – Марья Матвеевна. От нее Лев Александрович Пушкин имел трех сыновей – Николая (1745–1821), Петра (1751–1825), Александра, умершего раньше братьев. Все были бездетны.

¹¹ Пушкина Ольга Васильевна (1737–1802. урожд. Чичерина) – вторая жена Льва Александровича Пушкина, деда поэта, от которой родились Василий, Сергей, Анна и Елизавета.

¹² Пушкин Сергей Львович (1770–1848) – отец А. С. Пушкина; в 1811 г. – военный советник; в 1814 г. – начальник Комиссариатской комиссии резервной армии в Варшаве; с 1817 г. – в отставке.

¹³ Пушкин Василий Львович (1766–1830) – дядя поэта по отцу, известный стихотворец. Фамилия героя его поэмы «Опасный сосед» (1811) Буянова возникает в «Евгении Онегине». Имя дяди неоднократно упоминалось Пушкиным в стихах. Сам Василий Львович высоко ценил творчество племянника, о чем свидетельствуют два его послания к нему (1829–1830).

шой Хомутовке во дворе графа Санти,¹⁴ все его ближайшие соседи были писатели. Рядом с домом Пушкиных жил поэт Ив. Ив. Козлов, автор «Чернеца»; в Малом Харитоньевском – Василий Пушкин; в Малом Козловском – совсем близко – Ив. Ив. Дмитриев, знаменитый баснописец и сентиментальный лирик; по Большой Хомутовке проживала также госпожа Хераскова, вдова, невестка известного писателя, а на ее литературных вечерах появлялись и Карамзин, и Жуковский, и многие другие. В этом кругу Сергей Львович был свой человек. Он смешил дам каламбурами. Он писал в альбомы стихи без малейших затруднений – по-французски и даже по-русски.

Сергей Львович огорчил свою мать, Ольгу Васильевну, урожденную Чичерину, женившись на «бесприданнице», Надежде Осиповне Ганнибал.¹⁵ Однако и эта бесприданница получила после смерти отца в Псковской губернии сельцо Михайловское – в тысячу с лишком десятин. Надежда Осиповна была красива. В свете ее звали «прекрасной креолкой». Она была взбалмошна, ленива и не терпела никаких дел и забот, как и ее супруг.

Родом своей матери Пушкин интересовался не менее, чем отцовским. Он добыл какую-то записку на немецком языке, где излагалась история его прадеда Абрама Ганнибала. Главное в этой записке соответствует действительности и подтверждается иными документами, но кое-что в ней неточно. Сам поэт называл прадеда то негром, то арапом. На самом деле Абрам Петрович Ганнибал родился в Логоне, в Северной Абиссинии, на берегах Мареба, в 1698 году. Отец его был владетельным абиссинским князьком, находившимся в вассальных отношениях к турецкому султану. Восьмилетним мальчиком он попал в качестве заложника в султанский сераль. Русский посланник вывез его в подарок Петру I. Царь, будучи в Вильне, крестил его. Абрам Ганнибал (или просто Абрам Петров, как тогда его называли) находился неотлучно при царе, спал у него в токарне, сопровождал его в походах. Сам царь обучал его грамоте и математике. По-видимому, он любил маленького абиссинца. Пушкин рассказал анекдот, который, по его словам, «довольно нечист, но рисует обычаи Петра»: «Однажды маленький арап, сопровождавший Петра I в его прогулке, остановился за некоторою нуждою и вдруг закричал в испуге: «Государь! Государь! Из меня кишка лезет!» Петр подошел к нему и, увидя в чем дело, сказал: «Врешь: это не кишка, а глиста!» – и выдернул глисту своими пальцами».

В 1717 году Петр отправил своего воспитанника во Францию, в военное училище, обучаться артиллерии и инженерному искусству. В 1722 году он вернулся в Россию и был назначен на строительные работы в Кронштадт. После смерти царя всесильный Меншиков, страшась его влияний, удалил Ганнибала из столицы куда-то в Сибирь, к китайской границе. После падения Меншикова Ганнибалу удалось вернуться из ссылки и поселиться под Ревелем. При воцарении Елизаветы он стал возвышаться и богатеть. Умер он девяноста трех лет в чине генерал-аншефа.

«В семейственной жизни, – пишет Пушкин, – прадед мой Ганнибал так же был несчастлив, как и прадед мой Пушкин. Первая жена его, красавица, родом гречанка,¹⁶ родила ему белую дочь¹⁷». Есть известие, что жену свою он приковал к стене и жестоко истязал ее плетью. Не дождавшись развода, он женился на некоей Христине Шеберх,¹⁸ которая добросовестно нарожала ему немало черных ребят. Старший сын его Иван Абрамович¹⁹ был

¹⁴ Санти Александр Львович (1767–1839) – граф, генерал-интендант 1-й армии, киевский гражданский губернатор.

¹⁵ Ганнибал Надежда Осиповна (1775–1836) – мать Пушкина. Известны ее обращения к Александру I в 1825 г. и Николаю I в 1826 г. с просьбой о помиловании поэта.

¹⁶ Евдокия Андреевна Диопер, жена Абрама Ганнибала с 1731 г. (брак расторгнут в 1753 г.).

¹⁷ Сведения о дочери Поликсене не подтверждены официальными документами.

¹⁸ Шеберх Христина-Регина фон (1705–1781), дочь капитана Перновского полка. В браке с Абрамом Ганнибалом родились сыновья – Иван, Петр, Осип и еще 8 детей.

¹⁹ Ганнибал Иван Абрамович (1731–1801) – старший из сыновей Абрама Ганнибала от брака с Христиной-Региной

моряк, участвовал в Чесменском бою. В 1770 году он взял Наварин. В 1779 году выстроил Херсон.

Дед Пушкина, Осип Абрамович, служил во флоте и женился на Марии Алексеевне Пушкиной, дочери тамбовского воеводы. «И сей брак был несчастлив, – пишет Пушкин. – Ревность жены и непостоянство мужа были причиною неудовольствий и ссор, которые кончились разводом. Африканский характер моего деда, пылкие страсти, соединенные с ужасным легкомыслием, вовлекли его в удивительные заблуждения. Он женился на другой жене,²⁰ представя фальшивое свидетельство о смерти первой. Бабушка принуждена была подать просьбу на имя императрицы, которая с живостью вмешалась в это дело. Новый брак деда моего объявлен был незаконным, бабушке моей возвращена трехлетняя ее дочь». Эта девочка и была «прекрасная креолка», Надежда Осиповна Ганнибал, мать поэта.

Дед Пушкина умер в 1807 году в своей псковской деревне от следствий невоздержанной жизни.

фон Шеберх.

²⁰ При жизни первой жены в 1779 г. О. Л. Ганнибал женился на Устинье Ермолаевне Толстой (урожд. Шишкина, брак с которой был признан незаконным в 1784 г. и расторгнут.

II

В 1801 году семейство Пушкиных после поездки в Псковскую губернию и в Петербург поселилось в Москве у Чистых прудов, на углу нынешнего Большого Харитоньевского переулка. Здесь родился весной второй сын, Николай.²¹ Сестра поэта²² родилась в 1797 году. Брат Левушка²³ – в 1805-м. Бабушка Ганнибал, Мария Алексеевна (ей было тогда шестьдесят лет), покинула свою петербургскую квартиру в Преображенском полку и тоже переселилась в Москву в приход Харитония в Огородниках, значит, рядом со своей дочерью и зятем. Одно время Пушкины проживали во флигеле князя Юсупова,²⁴ с которым, как видно, Сергей Львович был связан театральными интересами. У князя на Хомутовке был собственный театр, и Сергей Львович был незаменим в таких делах. В 1803 году Пушкины наняли квартиру опять в приходе Харитония, но уже в доме графа Санти. Бабушка Мария Алексеевна Ганнибал поддерживала кое-как домашний быт беспечных господ Пушкиных.

Если бы не эта Мария Алексеевна, да еще няня Арина Родионовна,²⁵ маленький Пушкин не научился бы говорить по-русски. Родители говорили с детьми по-французски, а французы гувернеры и гувернантки русским языком, конечно, не интересовались.

Изящный Сергей Львович и прелестная Надежда Осиповна с удивлением смотрели на маленького Пушкина. В кого он такой? Это был нескладный, толстый, задумчивый, неповоротливый ребенок. Рассеянность его была удивительна. Однажды на прогулке он отстал от родителей и в ленивой задумчивости уселся посреди дороги. В окна глядели на мальчика и смеялись. «Ну, нечего зубы скалить!» – сказал он, вставая. Он был небрежен и терял то и дело носовые платки. Надежда Осиповна прикалывала их к курточке и заставляла провинившегося выходить к гостям с таким постыдным украшением. Родители не любили маленького Пушкина. Он убегал к бабушке Марье Алексеевне и усаживался в корзину, где у нее хранилась шерсть для рукоделия. Старуха учила его грамоте. Она владела прекрасно русской речью, и слог ее писем был замечателен.

Ее сказки открыли Пушкину мир богатырей, колдунов, смешных и глупых царей, великодушных простецов... В лицее, когда ему было уже шестнадцать лет, он вспоминал «блаженный неги час»:

Ах! умолчу ль о мамушке моей,
О прелести таинственных ночей,
Когда в чепце, в старинном одеянье.
Она, духов молитвой уклоня,
С усердием перекрестит меня
И шепотом рассказывать мне станет

²¹ Пушкин Николай Сергеевич (1801–1807) – брат поэта.

²² Пушкина Ольга Сергеевна (1797–1868) – сестра поэта. В 1828 г. тайком от родителей вышла замуж за Н. И. Павлищева, человека мелочного, постоянно докучавшего Пушкину денежными проблемами, что способствовало охлаждению отношений между братом и сестрой, бывших до этого очень теплыми (ей посвящено одно из первых стихотворений, поэта «К сестре» (1814). Брак не был счастливым, все дети умерли в детстве, кроме Льва Николаевича Павлищева (1834–1915), – написавшего «Воспоминания об А. С. Пушкине. Из семейной хроники» (1880), достаточно искаженного и фальсифицированного текста, требующего тщательной проверки по каждому отдельному факту.

²³ Пушкин Лев Сергеевич (1805–1852) – брат поэта, отличавшийся весьма легкомысленным характером. Поэтому в письмах к нему Пушкин часто прибегал к назидательному тону. Известны послания и стихи поэта, обращенные к брату.

²⁴ Юсупов Николай Борисович (1750–1831) – князь, московский вельможа, меценат.

²⁵ Арина Родионовна Яковлева (1758–1828, по мужу Матвеева) – няня Пушкина, крепостная М. А. Пушкиной. В 1799 г. получила «вольную», но осталась у Пушкиных и вынянчила всех детей. Имела своих четверых детей. Умерла в Петербурге у сестры поэта, к которой переселилась в связи с ее замужеством.

О мертвецах, о подвигах Бовы...
От ужаса не шелохнусь бывало,
Едва дыша, прижмусь под одеяло,
Не чувствуя ни ног, ни головы...
.....
Я трепетал – и тихо наконец
Томленье сна на очи упало.
Тогда толпой с лазурной высоты
На ложе роз крылатые мечты,
Волшебники, волшебницы слетали,
Обманами мой сон обворожали.
Терялся я в порыве сладких дум;
В глуши лесной, среди муромских пустыней
Встречал лихих Полканов и Добрыней,
И в вымыслах носился юный ум...

В 1806 году Марья Алексеевна купила под Москвой сельцо Захарово, и летом Пушкины уезжали туда. В деревенской обстановке характер маленького Пушкина заметно изменился. Мальчик стал подвижным, резвым и шаловливым. Такие крайности смущали родителей. Теперь ему было все любопытно: и песни, и хороводы, и рассказы захаровского повара, с которым он тайно подружился. Пушкин убежал в рощу, в поля, воображал себя богатырем и мечтал о приключениях. Он теперь смотрел на мир изумленными глазами. Обыденное удивляло его не менее, чем сказка. Тут в первый раз он узнал страшное – смерть и безумие. Правда, это страшное сочеталось как-то с неожиданной и непонятной улыбкой, но от этого оно становилось еще ужаснее. В усадьбе жила девушка, дальняя родственница Пушкиных. Она была помешана. Думали, что ее можно вылечить испугом. Для этого провели в ее комнату пожарную кишку. Сумасшедшая выбежала в ужасе и, увидев маленького Пушкина, закричала ему: «Братец! Меня принимают за пожар!» Но тот ее успокоил: нет, ее приняли за цветок. Цветок ведь тоже поливают...

Летом 1807 года, в Захарове, заболел братец Николенька. В играх они ссорились и дразнили друг друга, а когда Николенька слег в постель, брат пожалел его и подошел к его кровати с участием, но Николенька показал ему язык. Вскоре он умер. Николеньку отпевали и хоронили в соседнем селе Вязёмах. Не верилось, что этот мальчик так и будет лежать неподвижно и тихо.

Наступила осень. Надо было уезжать в Москву. Там были очередные неприятности – гувернеры и гувернантки. Но зато в Москве есть библиотека отца. Можно забраться туда и, завладев каким-нибудь французским томиком, предаться упоительному чтению. Родителям не приходило в голову мешать этому занятию. А тут как раз на полках стояли счастливые соперники Арины Родионовны и Марии Алексеевны. Те рассказывали такие таинственные истории про колдунов, что у мальчика замирала душа от страха, и он, кутаясь, с головою в одеяло, засыпал среди волшебных историй, а здесь, в этих веселых французских книжках, не было ничего таинственного и волшебного. Все было просто, ясно и занятно. О всяких тайнах эти книжки говорили с насмешкой, то добродушной, то ядовитой. Кроме того, в этих книжках можно было найти забавные вещи. Из разговоров в лакейской и девичьей Пушкин очень рано узнал то, что в гостиной называли любовью. Об этих соблазнительных вещах во французских книжках говорилось на все лады, смешно и увлекательно. Какой, например, веселый сочинитель Жак Вержье!²⁶ Он тоже рассказывает сказки, но совсем не так, как

²⁶ Вержье Жак (1657–1720) – французский поэт, известный главным образом своими непристойными сказками, напи-

Арина Родионовна... Их можно читать на ночь, не боясь привидений. Правда, читать этого забавника Вержье немного стыдно, но папа читал недавно вслух одну его историйку о глупенькой крестьянке, которую обманул жирный монах. Все смеялись и не стыдились. А то вот есть еще Жан Грекур.²⁷ Он к тому же сам был аббат, значит, духовное лицо – вроде отца диакона, Александра Ивановича Беликова,²⁸ который приходит к Пушкиным учить закону Божию. Это духовное лицо, Жан Грекур, сочинял такие непристойные историйки, что даже сам Сергей Львович не решался кое-что читать вслух при своей супруге Надежде Осиповне. Но очаровательнее всех, разумеется, Парни. Он был удивительно приятный поэт! Его гладкие, грациозные стихи славили какую-то девицу Элеонору в очень нежных и чувственных выражениях. Он сочинил также «Мадагаскарские песни». Но особенно понравилась Пушкину «Война богов». Эта книжка вышла в Париже в 1800 году и, вероятно, попала в библиотеку Сергея Львовича, а у Василия Львовича была наверное. В этой поэме изображалась борьба языческого Олимпа с христианским миром. Архангелы сражались с античными богами очень смешно. Автор издевался над католической церковью, над таинствами и вообще над святыней. Непристойностей эротических тоже было очень много. У Вольтера их было еще больше. Имя «фернейского крикуна»²⁹ не сходило с уст папаши Пушкина. «Девственница»³⁰ то и дело цитировалась. Вольтеровские насмешливые книги маленький Пушкин читал с жадностью. Он узнал его биографию и живо представлял себе его лицо. Этот образ запомнился навсегда. Даже года за полтора до смерти поэт начал было набрасывать какие-то строки, быть может, к нему относящиеся, о своем «младенчестве бессмысленно лукавом»:

Я встретил старика с плешивой головой,
С очами быстрыми, зеркалом мысли зыбкой,
С устами, сжатыми наморщенной улыбкой...

Этот плешивый старик с насмешливой улыбкой был, конечно, неслучайно властителем дум. И хотя мысль его, по выражению Пушкина, была в самом деле «зыбкая», однако это была мысль для своей эпохи новая. А главное, он был остроумен. Смеяться было над чем. И нечего было противопоставить вольтеровской шутке. В колдунов Арины Родионовны и в христианскую добродетель своих родителей десятилетний Пушкин уже не верил.

В эти ранние детские годы, когда Пушкин зачитывался Вольтером и когда для него открылся соблазнительный и веселый мир сказочек Лафонтена,³¹ все эти поэты казались ему счастливыми избранниками. Немудрено, что он с любопытством смотрел на живых стихотворцев и писателей, посещавших дом господ Пушкиных. Сергей Львович рассказывал впоследствии про сына: «В самом младенчестве он показал большое уважение к писателям. Не имея шести лет, он уже понимал, что Николай Михайлович Карамзин не то, что другие. Одним вечером Николай Михайлович был у меня, сидел долго; во все время Александр, сидя против него, вслушивался в его разговоры и не спускал с него глаз». Вскоре Карамзин стал историографом и едва ли навещал московскую гостиную Пушкиных. Зато поэт, подрастая,

санными в подражание Ж. Лафонтену.

²⁷ Грекур Жан (прав. Жозеф) (1683–1743) – аббат, поэт, автор сказок, большею частью фривольных.

²⁸ Беликов Александр Иванович (ум. ок. 1854) – учитель Пушкина. В 1808 г. издал в своем переводе «Дух Массильиона, епископа Клермонского, или Мысли, избранные из его творений о различных предметах нравственности и благочестия».

²⁹ Фернейский крикун – строка из стих. «Городок» (1915). Так назван М.-Ф. Вольтер – по имени местности Ферней около Женевы, где он прожил последние 20 лет жизни.

³⁰ «Девственница». – В поэме «Орлеанская девственница» (1735, изд. в 1755) Вольтер в пародийном духе воспроизвел события Столетней войны и историю Жанны д'Арк.

³¹ Лафонтен Луи Ипполит (1807–1864) – французский баснописец.

успел познакомиться здесь, в Москве, с французами-эмигрантами. Среди них был Ксавье де Местр, брат философа, повествователь и художник. Пушкин узнал также И. И. Дмитриева, которого, быть может, он видел и в его садике, где Иван Иванович любил копаться в грядках и где стояли солнечные часы, воспетые В. А. Жуковским, не раз также посещавшим дом Сергея Львовича. Но и Дмитриев в 1809 году удалился из Москвы, получив назначение на пост министра. Остался в Москве дядюшка Василий Львович. Этот всем тогда известный поэт, рыхлый толстяк на тоненьких ножках, несколько кривоносый, очень любивший декламировать свои стихи, несмотря на отсутствие многих зубов, был весьма забавен, но внушал, однако, невольное уважение чрезвычайной своей начитанностью. Его библиотека, которую он вывез из Парижа в 1804 году, была так изысканна и богата, что ей завидовал даже граф Бутурлин,³² у которого было богатейшее собрание книг в сорок тысяч томов. Обе эти великолепные библиотеки сгорели в 1812 году, когда французы владели Москвой, но Пушкина не было тогда в Москве; он в это время был питомцем Царскосельского лицея.

Поэт довольно наслышался еще в Москве литературных разговоров. Он уже знал, что Карамзин, Дмитриев, Жуковский, Батюшков, дядюшка Василий Львович и совсем еще юный П. А. Вяземский ведут борьбу с литературными староверами, с Шишковым,³³ Хвостовым³⁴ и прочими ревнителями ветхих литературных традиций. Он, конечно, знал басни и стихи Дмитриева, «Бедную Лизу» Карамзина, переводы Жуковского... К тому сроку, когда пришлось поэту покинуть семью, начитанность его была изумительна. Он прочел уже «Илиаду» и «Одиссею» в переводе Битобе.³⁵ Огромный и могучий мир эллинского эпоса поразил его воображение. Он прочел классиков XVII века. Строгий Корнель внушил ему почтительное удивление. Мольер увлек его своим комедийным вымыслом. Захотелось самому сочинять что-нибудь острое, как Мольер. И он стал сочинять. Маленький драматург стал директором театра. Он же был и актером. Сестра Оля была зрителем. Поэт, подражая отцу, декламировал свои французские пьески. Одну из них, под названием «Похититель», Оля освистала. Но автор утешился, сочинив на самого себя эпиграмму, тоже, разумеется, по-французски: «Скажи, за что партер освистал «Похитителя»?

Увы! За то, что бедный автор похитил его у Мольера». Начитавшись «Генриады»,³⁶ он стал сочинять в ее стиле пародийную поэму, где изображалась война карликов и карлиц во времена короля Дагобера.³⁷ Героя звали Толи. Поэма называлась по его имени «Толиадой». Гувернантка похитила рукопись и принесла ее гувернеру. Француз стал смеяться, прочитав начало. В крайнем гневе поэт бросил в печку свою поэму.

Когда Пушкину исполнилось одиннадцать лет, все уже знали, что он пишет стихи. Однажды в старинном парке с прудами и каналами в голландском стиле при доме Бутурлиных, дальних родственников Сергея Львовича, барышни окружили юного поэта с альбомами, прося его стихов. А когда какой-то гость продекламировал его катрен,³⁸ исказив размер, Пушкин в отчаянии убежал в библиотеку, где рассеянно разглядывал корешки сафьяновых переплетов, а потом ушел домой в смущении и досаде. Кажется, гувернер Бутурлиных, некий Реми Жилле (впоследствии директор Ришельевского лицея в Одессе), первый

³² Бутурлин Дмитрий Петрович (1763–1829) – граф, директор Эрмитажа, библиофил.

³³ Шишков Александр Семенович (1754–1841) – поэт, литературный критик, основатель и вдохновитель «Беседы любителей русского слова». Адмирал. Президент Российской академии, министр народного просвещения и глава цензурного ведомства.

³⁴ Хвостов Дмитрий Иванович (1756–1835) – граф, поэт, с 1807 г. сенатор.

³⁵ Битобе (Bitaube) Поль-Жереми (1732–1808) – французский литератор, поэт, переводчик. Его перевод «Илиады» и «Одиссеи» на фр. яз. в 12 томах вышел в 1786 г.

³⁶ «Генриада» – эпическая поэма Вольтера (1728).

³⁷ Дагобер (прав. Дагоберт) – французский король VII в.

³⁸ Катрен – четверостишие, строфа из четырех строк.

догадался, что этот самолюбивый курчавый губастый мальчик поэт и что его судьба будет необычайна.

Кто были учителями Пушкина? О них мы почти ничего не знаем. Эмигрант граф Монфор, потом какой-то Руссло, писавший плохие стихи и не одобрявший поэтических опытов Пушкина, какой-то Шедель, англичанка мисс Белли и гувернантка Анна Ивановна, впоследствии давшая повод поэту в черновой программе его воспоминаний сделать помету: «первые неприятности – гувернантки...»

Диакон Александр Иванович Беликов, окончивший Славяно-греко-латинскую академию, учил его русской грамматике и правилам «православного» вероисповедания. Если в лицее Пушкин и преувеличил несколько свое неведение закона Божия, уверяя в стихах, что он никогда не мог выучить наизусть «Отче наш» и «Богородицу», то все же, вероятно, это признание не так уж было далеко от истины. Диакон Беликов был, по-видимому, одною из тех «духовных особ», которые были по вкусу тогдашним российским дворянам: он умел быть светским, мило спорил с вольнодумцами французами и издал книжку «Дух Массильона». Эта книжка отвечала настроениям тех семейств, которые находили приличным отдавать своих детей в католический пансион, где внушались воспитанникам соответствующие идеи. Католические патеры казались более изящными, чем русские попы.

На семейном совете решено было отдать Пушкина в петербургский закрытый пансион отцов иезуитов, где воспитывались дети русских аристократов. Но планы эти неожиданно изменились. Стало известно, что под Петербургом, в Царском Селе, открывается привилегированное учебное заведение на каких-то совсем новых началах и что в это заведение попасть великая честь. Сергей Львович и Надежда Осиповна очень заинтересовались этой «лицеей», как еще тогда называли новое учебное заведение.

По-видимому, первоначальный проект лицея был составлен директором департамента министерства народного просвещения И. И. Мартыновым не без руководства и указаний М. М. Сперанского.³⁹ В основу этого проекта была положена идея чуть ли не Лагарпа.⁴⁰ Этот проект отвечал либеральным мечтаниям Александра I, но ко времени его осуществления эти мечтания, как известно, увяли, не расцветши. К тому же Сперанский утратил свое значение и вскоре оказался в опале. Проект попал на утверждение графа А. К. Разумовского⁴¹ и претерпел серьезные изменения. В это время шла борьба между иезуитами и вольнодумцами. В своем доносе 1826 года «Нечто о Царскосельском лицее и о духе оногo» Булгарин⁴² указывает на мартинистов⁴³ как на источник той педагогической системы, которая положена в основу лицея. Либералы александровской эпохи почти все были масонами. Наиболее способный из директоров лицея, Е. А. Энгельгардт, член Великой ложи «Астрея», поддерживал эти традиции. После расправы с декабристами (он был тогда в отставке) ему пришлось выступить с полемикой, когда изгнанные из Петербурга иезуиты в заграничной прессе указывали на лицей как на рассадник масонского вольнодумства.

Господам Пушкиным надо было решить, куда отдавать сына – в иезуитский пансион, где, между прочим, начал свое учение П. А. Вяземский, или в этот новый лицей. По-види-

³⁹ Сперанский Михаил Михайлович (1772–1839) – российский государственный деятель, граф. С 1808 г. советник Александра I, автор плана либеральных преобразований.

⁴⁰ Лагарп Жан Франсуа де (1739–1803) – французский драматург и теоретик литературы. Его главное литературно-критическое произведение «Лицей, или Курс древней и новой литературы» в 16 томах. Пушкин долгое время пользовался им как справочным пособием.

⁴¹ Разумовский Алексей Кириллович (1748–1822) – граф, министр народного просвещения.

⁴² Булгарин Фаддей Венедиктович (1789–1859) – журналист, романист, редактор «Северного архива», «Литературных листков», создатель «Северной пчелы», «Сына отечества».

⁴³ Мартинисты – последователи французского теософа Сен-Мартена (1743–1803). В его учении политическим идеалом провозглашалась теократическая монархия. Оно пользовалось успехом у русских масонов конца XVIII века и мистиков-идеалистов первой трети XIX века.

тому, у легкомысленных родителей поэта не было никаких серьезных мотивов для предпочтения того или другого учебного заведения. Дело было решено благодаря личным отношениям и связям. С директором будущего лицея В. Ф. Малиновским и особенно с его братом, Алексеем Федоровичем, начальником московского архива иностранных дел, Пушкин был знаком. Усердно хлопотал об этом деле А. И. Тургенев,⁴⁴ который за год до того был назначен директором департамента духовных дел. Он был, как известно, ревностный «гонитель иезуитов» и даже позднее, к 1815 году, редактировал указ об их официальном изгнании. Так решена была судьба поэта, и он, по счастью, ускользнул от патеров, имевших немалое влияние на своих питомцев.

1 марта Сергей Львович послал прошение о принятии его сына Александра в Царскосельский лицей. Поэт Иван Иванович Дмитриев, он же министр юстиции, зачем-то удостоверил письменно, что «недоросль Александр Пушкин есть действительно законный сын служащего в Комиссариатском штате 7-го класса Сергея Львовича Пушкина». По прошению Сергея Львовича Герольдия выдала справку о том, что будущий лицеист «происходит от древнего дворянского рода Пушкиных, коего герб внесен в общий дворянских родов гербовник и высочайше утвержден».

В июне Василий Львович поехал с племянником в Петербург.

Здесь, в Петербурге, началась для Пушкина новая жизнь. В черновых набросках автобиографической программы поэт записал, между прочим, под 1811 годом: «Дядя Василий Львович. – Дмитриев, Дашков,⁴⁵ Блудов⁴⁶...» И потом еще: «светская жизнь». Двенадцатилетний Пушкин в обществе благодушного и легкомысленного дядюшки почувствовал себя на свободе. А Василий Львович в это время как раз был в упоении своею славою. Он только что написал «Опасного соседа». Полемика его литературных друзей с Шишковым и его сторонниками была в разгаре. Недавно была напечатана брошюра Д. В. Дашкова «О легчайшем способе возражать на критики», где высмеивались литературные старожилы. Пушкин, конечно, познакомился у дядюшки с этим ленивым ипохондриком, который оживлялся только в те часы, когда представлялся случай дразнить и уничтожать литературных неприятелей. Очевидно, Пушкин запомнил этого смуглого, красивого и несколько надменного остроумца, будущего деятельного члена «Арзамаса». Очень запомнил он тогда и Д. Н. Блудова, человека с широким образованием и тонким литературным вкусом. «Твой вкус был мне учитель», – писал про него Жуковский. Блудов, скомпрометированный в 1826 году своим участием в следственной комиссии по делу декабристов, тогда еще был вольнодумцем, и отроческий ум поэта был пленен этим российским маркизом, блиставшим остротами и «ослепительным фейерверком» идей, как выразился Батюшков.

Василий Львович в это время печатал отдельной брошюрой свои «Два послания» (Жуковскому и Дашкову), где он вел полемику с шишковистами. Автора «Опасного соседа» обвинили чуть ли не в безбожии, и бедный Василий Львович простодушно оправдывается:

Неужель оттого моя постраждет вера,
Что я подчас прочту две сцены из Вольтера?

⁴⁴ Тургенев Александр Иванович (1784–1845) – директор Департамента духовных дел и член комиссии для устройства евреев (1810–1824), поэтому в стих. Пушкина «Тургеневу» (1817) назван «покровителем попов, евреев и скопцов» и «гонитель иезуитов» (как автор указа 1815 г. об изгнании их из России). Камергер, брат декабриста Н. И. Тургенева.

⁴⁵ Дашков Дмитрий Васильевич (1788–1839) – один из основателей и активнейших членов литературного общества «Арзамас». С 1826 г. – товарищ министра внутренних дел, с 1832 г. – министр юстиции.

⁴⁶ Блудов Дмитрий Николаевич (1785–1864) – служил в Министерстве иностранных дел, был министром внутренних дел, министром юстиции, президентом Академии наук и председателем Комитета Министров. Пушкин иронизировал над его литературным вкусом и самолюбием, называя «маркизом Блудовым».

В эти три-четыре месяца петербургской «светской жизни» Пушкин, несомненно, при живости его ума вошел в круг интересов тогдашней передовой литературы. Он уже явился в лицей сторонником определенного литературного направления.

12 августа дядюшка повез Пушкина в дом графа А. К. Разумовского, министра народного просвещения. «У меня разбежались глаза, – рассказывает об этом посещении дома Разумовского И. И. Пущин, друг и ровесник Пушкина. – Кажется, я не был из застенчивого десятка, но тут как-то потерялся – глядел на всех и никого не видал. Вошел какой-то чиновник с бумагой в руке и начал выкликать по фамилиям. – Я слышу: Александр Пушкин – выступает живой мальчик, курчавый, быстроглазый, тоже несколько сконфуженный. По сходству ли фамилий или по чему другому, несознательно сближающему, только я его заметил с первого взгляду...» «При этом передвижении мы все несколько приободрились; начали ходить в ожидании представления министру и начала экзамена. Не припомню, кто, только чуть ли не В. Л. Пушкин, привезший Александра, поздравил меня и познакомил с племянником...» «Скоро начали вызывать нас поодиночке в другую комнату, где в присутствии министра начался экзамен, после которого все постепенно разъезжались. Все кончилось довольно поздно».

Пущин узнал, что его новый товарищ принят в лицей так же, как и он, когда они встретились в квартире директора В. Ф. Малиновского, куда они должны были явиться для примерки казенных мундиров, треуголок и всего прочего. Пущин жил у своего восьмидесятилетнего дедушки адмирала, на Мойке, а по соседству на той же Мойке проживали и Пушкины, дядюшка и племянник.

Пущин и Пушкин подружились с первых же дней. Они вместе гуляли в Летнем саду, и Пущин очень удивлялся, что его новый приятель успел прочесть так много книг, все помнит и обо всем судит, как взрослый, а между тем нисколько этим не гордится. «Все научное, – рассказывает Пущин, он считал ни во что и как будто желал только доказать, что мастер бегать, прыгать через стулья, бросать мячик и проч.» «Случалось, точно, удивляться переходам в нем; видишь, бывало, его поглощенным не по летам в думы и чтения, и тут же внезапно оставляет занятия, входит в какой-то припадок бешенства за то, что другой, ни на что лучшее не способный, перебежал его или одним ударом уронил все кегли. Я был свидетелем такой сцены на Крестовском острове, куда возил нас иногда на ялике⁴⁷ гулять Василий Львович...»

Итак, Пушкин покинул семейный кров и, кажется, не сожалел об этом. В мае 1811 года ему исполнилось двенадцать лет. Большинство товарищей по лицейю были его сверстники. Только Малиновскому,⁴⁸ сыну директора, было шестнадцать лет, да еще Маслову⁴⁹ пятнадцать. Троице было по десяти – Корфу,⁵⁰ Корнилову⁵¹ и Мартынову.⁵² Прочим двадцати пяти мальчикам было по двенадцать или тринадцать лет. По своему развитию Пушкин далеко опередил своих новых товарищей. Все это чувствовали. Он явился в лицей с какими-то своими вкусами, мнениями и взглядами. Он как-то по-своему видел и чувствовал все вокруг себя.

⁴⁷ Ялик – двухвесельная или четырехвесельная шлюпка.

⁴⁸ Малиновский Иван Васильевич (1796–1873) – лицейский товарищ Пушкина, прапорщик, позднее капитан лейб-гвардии Финляндского полка.

⁴⁹ Маслов Дмитрий Николаевич (1796–1856) – лицейский товарищ Пушкина. Впоследствии действительный тайный советник.

⁵⁰ Корф Модест Андреевич (1800–1876) – барон, лицеист первого выпуска, впоследствии государственный секретарь, член Государственного совета, директор Публичной библиотеки.

⁵¹ Корнилов Александр Александрович (1801–1856) – лицейский товарищ Пушкина, впоследствии полковник.

⁵² Мартынов Аркадий Иванович (1801–1850) – сын И. И. Мартынова, лицейский товарищ Пушкина, впоследствии статский советник.

Его мысли сочетались с каким-то уже недетским опытом. Разгадать его тогдашнее душевное устройство не так легко. Разговоры с бабушкой, сказки Арины Родионовны, песни, которых он слышал немало в Захарове, Гомер, Корнель, Мольер, Вольтер – все это не исчерпывало душевного опыта поэта. Было еще нечто. Что же это? История. Иные дети живут, не замечая ее. То же бывает и со взрослыми. Пушкин был не таков. Уже в ребяческие годы поэт чувствовал, что он живет в определенный исторический час: он понимал связь настоящего с прошлым и будущим. Он жил не в быту, а в событиях. Он прислушивался к разговорам взрослых об убийстве императора Павла. Сам он не помнил это событие, потому что ему было тогда всего лишь три года. Его сознательная жизнь началась при Александре. Он с изумлением и страхом узнал из тех же вольных разговоров в кабинете Сергея Львовича, что царствующий император знал о заговоре и убийство отца лежит на его совести. Царский трон казался ему запятанным кровью. Страшные рассказы Арины Родионовны о призраках и мертвецах были не страшнее исторических событий. Окружающая мальчика среда также возбуждала его любопытство и недоумение. Из разговоров дворовых он узнал о том, что такое крепостное право. Людей продавали оптом и в розницу. Дворовых наказывали розгами на конюшне. Это были бытовые явления, ему известные. А между тем Жан Жак Руссо утверждал, что человек сам по себе прекрасен и невинен. Значит, все эти несправедливости и жестокости – плод каких-то фатальных ошибок. Во Франции, должно быть, лучше, чем у нас. В 1789 году в Париже, когда Николай Михайлович Карамзин путешествовал по Европе, случилась революция. Там уже нет крепостного права. Короля там тоже нет.⁵³ Ему отрубили голову в 1793 году, открыто, на площади, в назидание всем гражданам. Потом французы много воевали. Якобинский генерал Бонапарт⁵⁴ распоряжался всем очень энергично. В 1803 году дядюшка Василий Львович путешествовал по Европе так же, как Карамзин, и представлялся этому энергичному генералу. Он тогда назывался уже первым консулом. Скоро он стал называться императором Наполеоном. Пушкину тогда исполнилось пять лет. С тех пор это имя звучало непрестанно. Казалось, что весь мир, как замороженный, покорствуется этому чудесному имени. По мере того как все ярче и ярче горела звезда этого удивительного корсиканца, личность императора Александра заметно бледнела. Первые годы царствования, когда все надеялись на какую-то либеральную программу, полуобещанную правительством, были забыты. Все думали о войне. В 1805 году русские, предательски покинутые союзниками-австрийцами, были разбиты под Аустерлицем. В 1807 году Наполеон разбил русских под Фридрихсвандом, когда Александр был в союзе с пруссаками. Мир, заключенный в Тильзите, в глазах русских патриотов был постыдным миром.

Пушкин развивался и читал жадно книги в те годы, когда войны уже не было, когда Александр подчинился французской политике, когда внутренние реформы, очень робкие, но дворянам казавшиеся радикальными, проводил М. М. Сперанский, поклонник Наполеона. Реформы, однако, затормозились. Старый знакомый господ Пушкиных, Н. М. Карамзин подал царю записку «О древней и новой России». Александр сделал вид, что он недоволен критикой реформ Сперанского, высказанную так решительно историографом. Но Карамзин был не одинок, а тут еще пришлось убедиться, что Сперанский слишком уверен в своих силах и не очень уважает императора. Царскосельский лицей открылся 19 октября 1811 года. К этому сроку участь Сперанского, поклонника французской демократии, была решена. Готовилась новая война с Наполеоном.

Мы теперь знаем, как впоследствии все это многообразие событий отразилось в поэзии Пушкина. Ничто не прошло бесследно. Но стихов 11–12 года у нас нет. Они уничтожены

⁵³ Короля там тоже нет. Имеется в виду Людовик XVI (1754–1793) – французский король (1774–1792) из династии Бурбонов. Был свергнут, осужден Конвентом и казнен.

⁵⁴ ...генерал Бонапарт... – Наполеон I Бонапарт (1769–1821) – французский император. Отношение Пушкина к нему трансформировалось от неприятия как тирана к восприятию его как монументальной исторической фигуры.

поэтом, а между тем, по собственному признанию Пушкина, муза любила его в младенчестве. О чем он тогда пел? По-видимому, он уже тогда слагал не только мирные песенки фригийских пастухов во вкусе знакомых ему французских поэтов, но «и гимны важные, внушенные богами». Эти признания относятся уже к 1821 году:

С утра до вечера в немой тени дубов
Прилежно я внимал урокам девы тайной,
И, радуя меня наградою случайной,
Откинув локоны от милого чела,
Сама из рук моих свирель она брала.
Тростник был оживлен божественным дыханьем
И сердце наполнял святым очарованьем.

Глава вторая Лицей

I

Когда возник впервые проект «особенного лица», император Александр предполагал поместить в новое учебное заведение своих младших братьев – Николая⁵⁵ и Михаила.⁵⁶ Этот демократический план не осуществился, потому что вдовствующая императрица Мария Федоровна⁵⁷ не захотела допустить такой близости своих сыновей с обыкновенными смертными.

Император Александр не настаивал на своем желании, а к октябрю 1811 года он уже и сам стал равнодушен к демократическим мечтаниям и всецело был занят подготовкою к войне с Наполеоном, но от первоначального замысла кое-что осталось. Самый выбор помещения во дворце, в бывших апартаментах великих княжон, объясняется намерением Александра воспитывать братьев в среде некоронованных товарищей.

Значит, была такая возможность, что будущий вершитель судьбы Пушкина, его лицемерный покровитель и косвенный виновник его смерти Николай Павлович Романов мог сидеть за одной с ним партой, слушая лекции либерального Куницына.⁵⁸ Но этого не случилось, и Николай Павлович мог назвать Пушкина «*mon camarade manque*»,⁵⁹ как он называл другого лицеиста – барона Корфа.

Итак, поэту не пришлось свои лицейские годы проводить в обществе будущего императора. И самым близким его товарищем по лицу был непримиримый враг Романовых – будущий декабрист И. И. Пущин. Поэт полюбил лицей и его сады. И немудрено – царско-сельские парки в самом деле дивны. Екатерининский дворец, построенный Растрелли, не мог не очаровать поэта. Здесь, в парке, посреди пруда, видел он воздвигнутую Екатериной колонну в память Чесменской битвы, в которой участвовал Иван Абрамович Ганнибал; здесь бродил он среди мраморных статуй, напоминавших ему статуи московского юсуповского сада; здесь «весной, при кликах лебединых, близ вод, сиявших в тишине» являлась поэту муза, которая, по его признанию:

Воспела детские веселья,
И славу нашей старины,
И сердца трепетные сны...

19 октября 1811 года состоялось торжественное открытие лица. Приехали царь, обе царицы⁶⁰ и великие князья. Все было очень пышно. Приглашены были министры и прочие сановники. После обедни и молебна в дворцовой церкви началось торжество. Стоял,

⁵⁵ Николай – будущий император Николай I (1796–1855), вступил на престол в 1825 г.

⁵⁶ Михаил – сын Павла I, великий князь Михаил Павлович (1798–1849).

⁵⁷ Мария Федоровна (София-Доротея-Августа-Луиза, 1759–1828) – принцесса Вюртембергская, жена (с 1776 г.) российского императора Павла I.

⁵⁸ Куницын Александр Петрович (1783–1840) – адъюнкт-профессор (1811–1816). В 1838 г. стал председателем Комитета для надзора за печатанием собрания законов.

⁵⁹ Тот, кто мог бы быть моим товарищем.

⁶⁰ Мария Федоровна и Елизавета Алексеевна (Луиза-Мария-Августа, 1779–1826) – императрица с 1801 г., жена Александра I.

конечно, стол, покрытый красным сукном с золотой бахромой. На нем лежала особая государева грамота, дарованная лицею. Ее прочел тонким, дребезжащим голосом И. И. Мартынов, один из составителей лицейского устава, замечательного, между прочим, тем, что в нем были впервые запрещены телесные наказания. В других учебных заведениях секли мальчиков и до и после основания царскосельского педагогического Эльдорадо. После Мартынова выступил директор лицея В. Ф. Малиновский. Этот статский советник был так перепуган торжественной обстановкою, что едва смог прочесть слабым голосом, путаясь, приготовленную речь, не им сочиненную. Зато с большим пафосом прочел свою речь «профессор политических наук», окончивший свое образование в Европе, А. П. Куницын, к которому обращены были Пушкиным в 1825 году лестные слова:

Куницыну дань сердца и вина!
Он создал нас, он воспитал наш пламень,
Поставлен им краеугольный камень,
Им чистая лампада возжена.

Речь Куницына была в напыщенном старомодном стиле, но всем показалась очень либеральной. Адьютант-профессор говорил о «существовании гражданских обязанностей», о «благое целое общества», о «причинах благоденствия и упадка государств». Само собою разумеется, что было сказано нечто о гражданской добродетели, и это словечко прозвучало как намек на французскую идею 1789 года. Но самое замечательное было то, что в речи вовсе не был упомянут царствующий император. Александр одобрил вольнодумца и наградил его на другой же день орденом св. Владимира четвертой степени, рассчитывая, очевидно, на смягчение таким способом его якобинского духа.

Потом был обед – у царей и сановников. Лицейстов также повели в столовую, несколько позднее, и цари пришли смотреть, как утоляют свой голод питомцы лицея. Императрица Мария Федоровна подошла к десятилетнему Корнилову и, опираясь на его плечи, чтобы не вставал, спросила его с немецким акцентом: «Карош суп?» – на что растерявшийся мальчуган ответил почему-то по-французски: «Уи, мосье!», как будто коронованные особы женского пола утрачивают женственность.

Все эти смешные подробности не ускользнули от внимания Пушкина. Он, наверное, заметил, как и его новый приятель Пущин, что цари были воспитаны не очень хорошо. Наследник Константин⁶¹ у окна щекотал и щипал сестру свою Анну Павловну;⁶² потом подвел ее к Гурьеву,⁶³ своему крестнику, и, стиснувши ему двумя пальцами обе щеки, а третьим вздернув нос, сказал ей: «Рекомендую тебе эту москву...» Этот Гурьев был единственный из тридцати первых лицейстов, не успевший кончить курса: его исключили из лицея в 1813 году за склонность к мужеложеству, что, конечно, не помешало ему впоследствии надеть кавалергардский мундир.

Вечером был десерт. Горели плошки вокруг лицея, и на балконе – щит с вензелем Александра Романова. Для лицея был отведен просторный четырехэтажный дворцовый флигель. В верхнем этаже были дортуары, устроенные так, что для каждого воспитанника была отдельная комната. На дверях одной из них было написано на особой дощечке: № 14. Александр Пушкин. На соседней двери: № 13. Иван Пущин. Перегородка была тонкая, и, когда мальчики ложились спать, можно было переговариваться. Началась лицейская жизнь. Через

⁶¹ Константин Павлович (1779–1831) – великий князь. После смерти Александра как старший из детей Павла I должен был унаследовать престол, но отказался в пользу своего брата Николая.

⁶² Анна Павловна (1795–1865) – великая княжна, сестра Александра I и Николая I, жена принца Оранского.

⁶³ Гурьев Константин Васильевич (1800 – не ранее 1833) – лицейст первого курса, исключенный из лицея. В 1833 г. – 2-й секретарь русского посольства в Константинополе.

несколько дней лицеисты узнали, что их не будут отпускать домой вовсе и что в этом заточении предстоит им быть шесть лет. Это была для многих мрачная и неожиданная новость. Но Пушкину было все равно. Впрочем, строгость этого режима, придуманная министром Разумовским, впоследствии смягчилась, и лицейское заточение вовсе не было монастырским, хотя Пушкин в своих ранних стихах называл свою комнату кельей, а себя монахом.

Какая же учебная программа была в лицее? В ней было немало странностей. Ее составители как будто не знали, что на партах будут сидеть десятилетние ребята и шестнадцатилетние молодые люди. Возраст, развитие, запас знаний все было неодинаково в этой толпе дворянских ребят и недорослей. Первоначально программа была рассчитана на курс, равный университетскому. При этом она была энциклопедична. Чего только не было в этой программе и греческий язык, и химия, и астрономия! Многообразие дисциплин испугало министра Разумовского. К тому же Жозеф де Местр, мечтавший о насаждении католицизма и России, писал ему письмо за письмом, убеждая в зловредности вольнодумной программы. Это вмешательство знаменитого философа-реакционера в дела русского министерства народного просвещения было чрезвычайно характерно для эпохи идейных колебаний александровского правительства. Под влиянием Жозефа де Местра программа была сокращена. И тем не менее она была весьма разнообразна. Весь курс разделялся на трехлетний начальный и трехлетний окончательный. В первое трехлетие изучались русский, латинский, французский и немецкий языки, основы закона Божия, нравственной философии и логики, арифметики, алгебры, тригонометрии, физики, история российская и иностранная, география, хронология, риторика и, наконец, изящные искусства, соединенные в один отдел с «гимнастическими упражнениями». В программе окончательного курса, кроме перечисленных предметов, имелись еще право естественное, публичное, гражданское, история церкви, ифика, или «наука нравов», политическая экономия, геометрия, статика, гидравлика, артиллерия, фортификация, археология, статистика, история философии, нумизматика, эстетика, история изящных искусств... Сочетание столь различных дисциплин не могло, конечно, привести к солидности и систематичности знаний. И вся эта громоздкая программа заранее была обречена на неудачу.

Кому же поручили проводить в жизнь эту эклектическую учебную программу? Кто были учителями Пушкина?

Директором назначили Василия Федоровича Малиновского. Его рекомендовал Сперанский. Малиновскому было тогда сорок шесть лет. Он был сын протоиерея, служившего при Московском университете, и женат был на дочери тоже протоиерея, небезызвестного вольнодумца Самборского,⁶⁴ бритого человека, со светскими манерами, занимавшего должность посольского священника в Лондоне. Малиновский, кончив Московский университет, служил в Коллегии иностранных дел и одно время жил в Англии в качестве чиновника русского посольства, а перед назначением на пост директора лицея был директором дома трудолюбия при так называемом филантропическом комитете. Любопытно, что этот Малиновский был автором книги «Рассуждение о мире и войне». Эта книга представляла проект вечного мира. Малиновский предлагал учредить некий международный трибунал наций, где должны были решаться все спорные вопросы международной политики. Впоследствии, будучи на Юге, Пушкин интересовался идеей вечного мира, которую защищал в XVIII веке аббат Сен-Пьер.⁶⁵ Возможно, что поэт знал также и труд первого лицейского директора и вспоминал о нем, когда вел беседы на эту тему в Кишиневе в доме М. Ф. Орлова.⁶⁶

⁶⁴ Самборский Андрей Афанасьевич (1732–1815) – протоиерей, законоучитель великих князей Александра и Константина Павловичей.

⁶⁵ Сен-Пьер (1658–1743) – аббат, автор многочисленных политических проектов, член Французской Академии, автор книги «Проект вечного мира».

⁶⁶ Орлов Михаил Федорович (1788–1842) – общественно-политический деятель, генерал-майор.

Малиновский воспитался на идеях Новикова⁶⁷ и мартинистов. Он подавал правительству записку с проектом освобождения крестьян. Он был типичным представителем гуманизма, соединенного с пиетизмом. Изучив еврейский язык, Малиновский перевел, между прочим, несколько книг Библии. Как педагог, он отличался мягкостью и кротостью, и его сын, по-видимому, совсем не был похож на отца, если верить Пушкину, который называл его в стихах «повесой из повес». Этот «на шалости рожденный, удалый хват, головорез» получил в лицее за свое удалство прозвище Казак. Он был связан с Пушкиным прочною дружбою.

Ближайшим помощником Малиновского был Николай Федорович Кошанский.⁶⁸ В 1811 году ему было всего лишь тридцать лет, но за ним числились уже немалые академические заслуги. Он кончил философский факультет Московского университета, получив золотую медаль и позднее ученую степень доктора. У него был целый ряд филологических работ, переводов и учебников. Он знал несколько языков, хотя говорил по-французски худо, забавляя лицеистов своим дурным выговором. Он преподавал латинский язык и русскую словесность. Его «Регорика» для своего времени была не так плоха, и не его вина, что материал, которым он пользовался, уже казался старым, ветхим и бледным, потому что явились Батюшков, Жуковский и Пушкин.

Кошанский, так же как Малиновский, воспитался на идеях мартинистов и был бы вполне добродетельным масоном, если бы не одна слабость – он был алкоголик: в 1814 году он даже заболел «белой горячкой» и прохворал более года. Пушкин в 1815 году написал Кошанскому послание «Моему Аристарху»,⁶⁹ где добродушно трунил над педантизмом ученого старовера. На время болезни Кошанского назначен был в лицей для преподавания словесности и латинского языка юноша двадцати одного года Александр Иванович Галич.⁷⁰ Этот семинарист, сын дьячка, как способный ученик, попал в Петербургский педагогический институт, и в 1808 году его отправили за границу к профессору-кантианцу Шульце.⁷¹ В Геттингене Галич увлекся Шеллингом. Вернувшись в 1813 году в Петербург, он получил назначение в Педагогический институт в качестве адъюнкт-профессора. В Царском-Сельском лицее Галич отнесся к своим обязанностям довольно свободно. Его преподавание сводилось к вольнодумным беседам и к чтению книг, не имевших никакого отношения к учебной программе. Изредка он вспоминал о Корнелии Непоте⁷² и говорил добродушно: «Ну, потреп-лем старика!..» С лицеистами он держал себя как товарищ, и Пушкин посвятил ему два послания, любезные и дружеские. По-видимому, Галич оценил талант Пушкина, но поэт, кажется, остался равнодушным к шеллингианству своего молодого учителя. По крайней мере, в обоих посланиях ни звука о Шеллинге, да и вообще о философии, и Галич в них изображен как милый собутыльник поэтов. Все эти вакхические строки очень мало отвечали действительности, и, вероятно, воспетые Пушкиным пиры сводились к скромному пирогу и бутылкам пива, которыми угощались лицеисты и добродушный Галич в небольшой комнатке, отведенной начальством молодому профессору. Любопытно то, что прочие преподаватели почти все были слушателями Геттингенского университета: А. П. Куницын,

⁶⁷ Новиков Николай Иванович (1744–1818) – журналист и общественный деятель, один из вождей либерального фланга русского масонства, издатель сатирико-публицистических журналов и редактор многих периодических изданий.

⁶⁸ Кошанский Николай Федорович (1781–1831) – профессор российской и латинской словесности в Лицее (1811–1828). Под его влиянием Пушкин стал читать Оссиана в русском переводе.

⁶⁹ Аристарх Самофракийский (II в. до н. э.) – филолог, грамматик.

⁷⁰ Галич Александр Иванович (1783–1848) – профессор российской и латинской словесности. После ухода из Лицея стал в 1819 г. профессором Петербургского университета, но вскоре, обвиненный в атеизме, вынужден был покинуть кафедру.

⁷¹ Шульце Готлиб Эрнст (1761–1833) – профессор философии в Геттингене.

⁷² Непот Корнелий (индивидуальное имя не сохранилось, ок. 100 – после 32 до н. э.) – римский писатель, друг Катулла и Цицерона.

математик Карцов, историк Кайданов... Все они были ревнителями традиций Новикова. Образованных преподавателей в тогдашней России можно было пересчитать по пальцам, выбора не было, а в лицее хотели воспитать новое поколение дворян, годных для ответственной государственной службы. По первоначальному замыслу, в лицее должны были учиться дети титулованных богачей, но на деле большинство лицеистов было из семейств небогатых и вовсе не знатных. Все тридцать лицеистов вскоре разбились на кружки, объединенные общими вкусами и настроениями, причем сказалось, разумеется, и социальное происхождение юношей.

Немецкий язык и немецкую словесность преподавал профессор Гауеншильд,⁷³ уроженец Трансильвании. Как это ни странно, но преподавание немецкой литературы шло на французском языке, так как из лицеистов почти никто не знал немецкого языка, а Гауеншильд не очень хорошо владел русским. Этот австрийский выходец был рекомендован Сперанскому как уважаемый масон, и Сперанский предполагал при его помощи устроить специальную ложу, куда хотел привлечь русских архиереев и попов, склонных к реформации. Этот странный проект относится к 1810 году. Но Сперанский не успел его осуществить, и «первому мастеру» Гауеншильду пришлось воспитывать не русских попов, а дворянских недорослей.

У этого Гауеншильда была неприятная привычка всегда жевать лакрицу,⁷⁴ что дало повод лицеистам сложить насмешливый и непочтительный куплет, ему посвященный.

Такой подбор преподавателей отвечал планам Сперанского, но любопытно, что тогдашний министр народного просвещения граф Алексей Кириллович Разумовский в 1810 году уже разочаровался в масонстве и, будучи поклонником иезуитов, почитал Жозефа де Местра высоким философом. Непонятно, каким образом Разумовский, не любивший Сперанского, примирился с таким составом преподавателей. Впрочем, граф Разумовский, человек образованный и широкий, в это время больше был занят своими фаворитками, чем министерством. В эти годы он был слишком ленив, чтобы вообще чем-нибудь заниматься.

Едва ли не самым своеобразным преподавателем в лицее был профессор французской литературы де Будри. Его звали на русский лад Давидом Ивановичем. Настоящая его фамилия была Марат. Он был родной брат знаменитого якобинца. Давид Иванович очень гордился таким своим родством. Однажды он сказал в классе: «Это Робеспьер втайне настроил Шарлотту Корде и сделал из этой девки второго Равальяка». Впрочем, по словам Пушкина, «Будри, несмотря на свое родство, демократические мысли, замасленный жилет и вообще наружность, напоминавшую якобинца, был на своих коротеньких ножках очень ловкий придворный». В самом деле, кроме чинов и орденов этот Марат то и дело получал от коронованных особ табакерки и бриллиантовые перстни. Выписал его в Россию из Швейцарии для воспитания своих детей камергер В. П. Салтыков. Удивляться этому не приходится: у графа Строганова⁷⁵ воспитателем был известный Ромм,⁷⁶ впоследствии член Конвента, гильотинированный во время термидора.

Итак, состав лицейских преподавателей был не по вкусу Жозефу де Местру: все они были врагами иезуитов. Впоследствии Куницына и Галича обвиняли даже в атеизме. И у самого Пушкина в его черновой автобиографической программе есть эти два словечка –

⁷³ Гауеншильд Федор Матвеевич (Фридрих-Леопольд-Август, 1780–1830) – профессор немецкого языка и словесности в Лицее, преподававший на французском языке. В 1814–1816 гг. исполнял обязанности директора Лицея.

⁷⁴ Лакрица – солодковый корень. Используется в лекарствах и напитках (портер), обладает специфическим вкусом.

⁷⁵ Строганов Павел Александрович (1774–1817) – граф, единственный сын графа Александра Сергеевича Строганова (1733–1811), вельможи, известного собирателя произведений искусства.

⁷⁶ Ромм (прав. Ром) Жильбер (1750–1795) – француз, приехавший в Россию в качестве воспитателя и оставшийся здесь до 1787 г.

«иезуиты» и «мартинизм». Очевидно, он давал себе отчет о характере той педагогической среды, где ему пришлось провести шесть лет.

В той же черновой программе у Пушкина есть еще помета, как раз после словечка «мартинизм»: «Мы прогоняем Пилецкого». Кто же этот Пилецкий?

Мартын Степанович Пилецкий-Урбанович был «первым надзирателем по учебной и нравственной части». И он, как большинство лицейских педагогов, слушал лекции в Геттингенском университете. Вернувшись в Россию, служил он «переводчиком при ученом собрании Академии наук». В лицее он пребывал только два года. Малиновский ему покровительствовал, но Пилецкий не был человеком такого склада, как прочие лицейские преподаватели и воспитатели. Судя по тому, что впоследствии Пилецкий оказался членом хлыстовского кружка Татариновой,⁷⁷ он был мистик и фанатик очень темного толка.

Это был худощавый, высокий человек с лихорадочно горящими глазами, мягкой кошачьей походкой, язвительной улыбкой на губах. Под видом отеческой нежности он скрывал недоброе отношение к лицеистам. Юношам он казался «каким-то привидением из другого мира». Его не понимали и не любили. Заметили, что этот загадочный и мрачный человек как-то странно фамильярен с сестрами лицеистов, когда они посещали лицей. Это дало повод для возмущения. Пушкин был одним из вожаков бунта. Лицеисты заявили Пилецкому, что все покинут лицей, если он не откажется от должности «первого надзирателя по учебной и нравственной части». Дело могло бы принять дурной оборот, если бы директор Малиновский не сообразил, что лучше уладить этот скандал мирно, удалив подозрительного воспитателя.

Младшим надзирателем был брат Пилецкого Илья,⁷⁸ ничем не примечательный, кроме своей неграмотности. Вторым воспитателем был А. Н. Иконников.⁷⁹ Он прослужил один лишь год и был уволен за склонность к хмельным напиткам. Пушкин после его отставки был у него. «Вчера, – пишет Пушкин в дневнике 1815 года, – провел я вечер с Иконниковым. Хотите ли видеть странного человека, чудака, – посмотрите на Иконникова. Поступки его поступки сумасшедшего; вы входите в его комнату: видите высокого, худого человека, в черном сюртуке, с шеей, окутанной черным изорванным платком. Лицо бледное, волосы не острижены, не расчесаны; он стоит, задумавшись, кулаком нюхает табак из коробочки – он дико смотрит на вас – вы ему близкий знакомый, вы ему родственник или друг – он вас не узнает, вы подходите, зовете его по имени, говорите свое имя – он вскрикивает, кидается на шею, целует, жмет руку, хохочет задушевым голосом, кланяется, садится, начинает речь, не доканчивает, трет себе лоб, ерошит голову, вздыхает. Перед ним графин воды; он наливает стакан и пьет, наливает другой, третий, четвертый, спрашивает еще воды и еще пьет, говорит о своем бедном положении. Он не имеет ни денег, ни места, ни покровительства, ходит пешком из Петербурга в Царское Село, чтобы осведомиться о каком-то месте, которое обещал ему какой-то шарлатан. Он беден, горд и дерзок, рассыпается в благодарениях за ничтожную услугу или простую учтивость, неблагодарен и даже сердится за благодеянье, ему оказанное, легкомыслен до чрезвычайности, мнителен, чувствителен, честолюбив. Иконников имеет дарования, пишет изрядно стихи и любит поэзию; вы читаете ему свою пьесу – наотрез говорит он: такое-то место глупо, без смысла, низко, зато за самые посредственные стихи

⁷⁷ Татаринова Екатерина Филипповна (1783–1856), урожд. баронесса фон Буксгевден) – глава великосветской общины хлыстов, вдова героя Отечественной войны. Получила казенную квартиру в Михайловском замке, где в 1818–1824 гг. кружились в белых одеждах, пели, пророчествовали и исцелялись высокопоставленные особы.

⁷⁸ Пилецкий-Урбанович Илья Степанович (1786 – не ранее 1835) – гувернер Царскосельского лицея. Позже помощник директора Дома воспитания бедных детей, коллежский советник.

⁷⁹ Иконников Алексей Николаевич (1789–1819) – внук знаменитого актера Дмитревского, в 1811–1812 гг. гувернер в Лицее.

кидается вам на шею и называет вас гением. Иногда он учтив до бесконечности, в другое время груб нестерпимо. Его любят иногда, смешит он часто, а жалок почти всегда».

К этому списку лицейских педагогов надо еще присоединить Калинича, учителя чистописания. Этот педагог, не отличавшийся ни умом, ни образованием, любил говорить высокопарно, выступал «с сенаторской осанкой», на его физиономии появлялась иногда презрительная усмешка, так как он, по-видимому, свысока смотрел на все человечество, и это очень забавляло лицеистов.

Учителем рисования был Чириков. Он же исполнял обязанности гувернера. У него было прозвище Герой Севера в честь сочиненной им поэмы с таким названием. Этот простодушный стихотворец и посредственный рисовальщик обладал ровным и приятным характером. Лицеисты относились к нему дружелюбно и нередко собирались у него в квартире для чтения стихов.

Что касается батюшек-законоучителей, то они, по-видимому, не имели серьезного влияния на лицеистов: протоиерей-царедворец Н. В. Музовский⁸⁰ занят был придворными делами больше, чем лицеем. Его заменял одно время священник Г. П. Павский,⁸¹ тоже состоявший при царях, который по части религиозного вольномыслия мог соперничать с преподавателями-мартинистами и которого впоследствии обличал в ереси Московский митрополит Филарет.⁸² Пушкин отметил неодобрительно в своем дневнике 1835 года эти обличения Филарета: поэт ценил в Павском ученого-филолога, противника Шишкова, и, быть может, поверил Жуковскому, что сентиментальная «религия сердца» придворного попа лучше церковной суровости Филарета: Пушкин всегда был равнодушен к богословским вопросам.

Таковы были учителя и воспитатели поэта. Какую библиотеку он нашел в лицее? Какие книги он читал? В 1811 году библиотека была небогата: книги (опись которых мы теперь знаем) поступили из Александровского дворца и из так называемых яшмовых комнат императрицы только в 1817 году. Все авторы, перечисленные поэтом в его послании «Городок», известны были Пушкину еще до лицея, и новые книги он получал из частных рук. Возможно, что до официальной передачи в лицей дворцовой библиотеки лицеисты ею пользовались. По-видимому, родственники и знакомые также доставляли книги лицеистам без всякой цензуры со стороны начальства. По крайней мере, Пушкин в своих посланиях, даже обращенных к педагогам, откровенно называет имена вольнодумных писателей, а также эротических стихотворцев, иногда вовсе непристойных. В те годы ни в одном учебном заведении не было такой свободы, как в лицее. Журналы и газеты, русские и иностранные, были представлены в лицее довольно щедро, и юноши следили прилежно за литературными новинками и политическими известиями.

⁸⁰ Музовский Николай Васильевич (1772–1848) – законоучитель православного вероисповедания в Царскосельском лицее.

⁸¹ Павский Герасим Петрович (1787–1863) – протоиерей, профессор богословия Петербургского университета, профессор Петербургской духовной академии, крупный филолог. Был отстранен от преподавания вследствие доноса митрополитов Филарета и Серафима.

⁸² Филарет (Дроздов Василий Михайлович, 1782–1867) – митрополит Московский с 1826 г. Перефразировал стихи Пушкина «Дар напрасный, дар случайный» – в «Не напрасно, не случайно жизнь от Бога мне дана», что вызвало ответ Пушкина «В часы забав и праздной скуки» (1830).

II

В первые же дни лицеистам стал доступен царскосельский парк. Здесь, между прочим, недалеко от мраморного мостика была та лужайка, которая сохранила название Розового поля, хотя давно уже на ней не росли розы, посаженные при Екатерине. Весною 1821 года Пушкин, в одном из вариантов «Гавриилиады», вспоминает этот уголок Царского Села:

Вы помните ль то Розовое поле,
Друзья мои, где красною весной,
Оставя класс, резвились мы на воле
И тешились отважною борьбой.

Граф Брوليو был отважнее, сильнее;
Комовский же проворнее, хитрее;
Нескоро мог решиться жаркий бой —
Где вы, лета забавы молодой!

Кто это Брوليو?⁸³ Кто Комовский? Сильвестр Францевич Брوليو или Броглио, шевалье де Касальборгоне, ровесник Пушкина, – потомок знатных, но уже обнищавших сардинских графов. Его отец попал в Россию во время Большой революции, как эмигрант. Последний по успехам в науках и первый по шалостям, Сильвестр Брوليو внушал, кажется, Пушкину некоторую симпатию. По окончании лицея Брوليو уехал за границу и был участником пьемонтской революции,⁸⁴ очевидно, не разделяя убеждений своего отца-легитимиста.

Сергей Дмитриевич Комовский⁸⁵ не был так простодушен, как Брوليو. У него было прозвище Лиса за хитрость и Смола за странную привычку приставать неотвязно к товарищам или к воспитателям по самым разнообразным поводам. Он сам сознавал в себе эту странность. Он также брал на себя роль моралиста и не стыдился жаловаться гувернерам на поведение товарищей. Ему, однако, все это почему-то прощали.

На Розовом поле Пушкин играл в мяч, в лапту и занимался борьбой, причем очень страдал, если его побеждали в состязании. Он был самолюбив и запальчив. Вот почему, укладываясь спать, приходилось ему стучать в стенку тринадцатой комнаты и совещаться с Пушиным о своих столкновениях и обидах, настоящих и мнимых. Приятель его утешал.

Пушкина не очень любили: обижала его насмешливость, его вспыльчивость и, главное, то, что он был не такой, как все. Позднее, когда поверили в его исключительный талант, примирились с его странностями и даже гордились им.

Впрочем, некоторые с первых же дней угадали в нем поэта и признали его превосходство. Илличевский,⁸⁶ бойкий стихотворец, считавшийся в лицее соперником Пушкина, писал в марте 1812 года одному приятелю, что он видит теперь непростительные ошибки в своих стихах: ему указал на них товарищ, у которого «много в поэзии знаний и вкуса» и который

⁸³ Брوليو (прав. Броглио) Сильвестр Францевич (1799–1820-е гг.) – граф Шевалье де Касальборгоне, лицейский товарищ Пушкина, участник греческого национально-освободительного движения.

⁸⁴ Имеется в виду революционный заговор 1820 г. в Пьемонте (область на северо-западе Италии с центром – Турин), явившийся частью национально-освободительного движения итальянского народа против иноземного господства за объединение раздробленной Италии.

⁸⁵ Комовский Сергей Дмитриевич (1798–1880) – товарищ Пушкина по Лицею, где получил прозвище Фискал, Смола, Лисичка-проповедница. Позднее служил в Департаменте народного просвещения.

⁸⁶ Илличевский Алексей Демьянович (1798–1837) – лицейский товарищ Пушкина, поэт.

жил «между лучшими стихотворцами». Тут же он сообщает, что в лицее «запрещено сочинять, но мы с ним пишем украдкою».

Запрет на поэтические опыты был вскоре отменен. Однажды после класса Кошанский сказал: «Теперь, господа, будем пробовать перья: опишите мне, пожалуйста, розу стихами». У всех стихи не клеились, и только Пушкин прочел два катрена, которые всех восхитили. Но Илличевский все еще пользовался успехом. Он писал басни и эпиграммы. В день его рождения хором спели ему кантату:

Слава, честь лицейских муз,
О, бессмертный Илличевский!
Меж поэтами ты туз!..

Был в лицее еще один поэт, странный неудачник, чья судьба была так значительна и чей характер был так трагикомичен. Это Вильгельм Карлович Кюхельбекер⁸⁷ – постоянная мишень для школьных насмешек, слагатель плохих стихов с гениальными иногда строчками, будущий участник декабрьского восстания. Это тот Вильгельм, которого Пушкин в своих «Пирующих студентах» просит прочесть стихи, чтобы «заснуть скорее». И это тот же поэт, к которому обращена знаменитая строфа пьесы «19 октября 1825 года»:

Служенье муз не терпит суеты;
Прекрасное должно быть величаво:
Но юность нам советует лукаво,
И шумные нас радуют мечты...
Опомнися – но поздно! и уныло
Глядим назад, следов не видя там.
Скажи, Вильгельм, не то ль и с нами было,
Мой брат родной по музе, по судьбам?

Кюхельбекер был самым плодовитым стихотворцем лицея. Длинный и нескладный, «как-то странно извивавшийся всем телом», с пылким сердцем и необузданной вспыльчивостью, «почти полупомешанный», на взгляд иных прозаических товарищей, он был постоянным героем карикатур, и, однако, в этом чудаке было настоящее поэтическое вдохновение, которое, к несчастью, оставалось невоплощенным. На бедного поэта сыпались лицейские эпиграммы слишком обильно и часто без достаточных оснований. Ему даже был посвящен рукописный сборник «Жертва Мому».⁸⁸

Увлечение стихами сказалось, между прочим, в сочинении куплетов, которые в лицее назывались «национальными». Их сочиняли общими силами экспромтом и распевали хором. Иные из этих катренов записал Пушкин. Среди них есть строки по адресу Кюхельбекера:

А Вильмушке поэту
Стихи писать грешно.

Есть куплет, посвященный самому Пушкину, где пародируется восклицание математика Карцова:

⁸⁷ Кюхельбекер Вильгельм Карлович (1797–1846) – русский поэт, декабрист. Участник восстания на Сенатской площади. Приговорен к тюремному заключению и вечной ссылке. В заключении написал «Дневник».

⁸⁸ Мом – у древних греков бог насмешки и порицания.

А что читает Пушкин?
Подайте-ка сюды!
Ступай из класса с богом,
Назад не приходи.

Настоящей нежной любовью поэта пользовался барон Антон Антонович Дельвиг. Этот сонный ленивец умел иногда очаровать товарищей своими рассказами, исполненными живо- сти и воображения. Он первый угадал в Пушкине гения, и Пушкин отплатил ему призна- нием в нем лирической прелести:

С младенчества дух песен в нас горел,
И дивное волненье мы познали;
С младенчества две музы к нам летали,
И сладок был их лаской наш удел...

У Пушкина были друзья. Его любил Пущин, ему всегда был верен Малиновский, но ни тот ни другой не знали ничего о тех тайнах поэзии, какие знал Дельвиг. Об этих тайнах догадывался, конечно, Кюхельбекер, но он был чужой. У него был какой-то свой мир, тор- жественный и высокопарный или неуклюже игривый, совсем не прозрачный, старомодный и гордый. Пушкин и уважал его, и смеялся над ним. Не таков был Дельвиг. Этот был свой. Только он один понимал до конца Пушкина и сам был ему понятен. Позднее, за стенами лицея, несмотря на дружбу, пути их разошлись. Пушкин рос не по дням, а по часам, как ска- зочный богатырь, а Дельвиг, в сущности, так и остался лицейским поэтом. Но оба они были товарищами по «веселому ремеслу» стихотворцев. Такого другого собеседника и ценителя в лицее у Пушкина не было. К числу доброжелателей Пушкина надо присоединить еще четы- рех – Ф. Ф. Матюшкина В. Д. Вольховского, М. Л. Яковлева и К. К. Данзаса.

Ф. Ф. Матюшкин, по слову поэта, «чужих небес любовник беспокойный», со школь- ной скамьи мечтавший о морской службе и путешествиях, будущий контр-адмирал, участ- ник экспедиции по обследованию северных берегов Восточной Сибири, был одним из вер- нейших почитателей Пушкина.

В. Д. Вольховский, первый ученик, окончивший лицей с золотой медалью, всегда вну- шал Пушкину чувство уважения за его мужественный характер, скромность и нравствен- ную чистоту. «Воспитанный суровою Минервой»,⁸⁹ он пленял поэта своей «спартанскою душой». М. Л. Яковлев, балагур и весельчак, прозванный Паяцем за свои актерские способ- ности, талантливый сочинитель романсов на слова Пушкина и Дельвига, постоянный участ- ник лицейских журналов, где он помещал свои басни, также был связан дружбою с Пушקי- ным до конца его дней.

И наконец, К. К. Данзас, один из издателей «Лицейского мудреца», чуть ли не самый ленивый из учеников лицея, доказавший впоследствии свою храбрость и военную наход- чивость в персидском походе и в турецкой кампании 1828–1829 годов. Пушкин считал его своим приятелем.

Вот эти семь-восемь молодых людей и составили тот лицейский кружок, где вскоре Пушкин занял первое место.

Почти во всех учебных заведениях, особенно закрытых, создавались рукописные жур- налы. В Царскосельском лицее эта обычная школьная затея стала любимым занятием моло- дежи. Кроме журналов издавались рукописные стихотворные сборники. Почти все лицеисты интересовались литературой. Многие писали стихи. Некоторые из лицеистов были раньше

⁸⁹ «Русской Минервой» называли Екатерину II.

воспитанниками московского благородного университетского пансиона,⁹⁰ где учился Жуковский и где сложились литературные традиции.

Лицейские рукописные издания начались с первых же дней. Одиннадцатилетний Корсаков⁹¹ уже издавал какие-то Сарско-сельские лицейские газеты». Тогда же, в 1811 году, вышел «Сарско-сельского лицея Вестник», первые листки коего сохранились до наших дней. В этих страничках – ребяческие шутки, пародирующие газетные сообщения, детское стихотворение Илличевского и совершенно дикий и несуразный стихотворный перевод с французского Кюхельбекера. Пушкин запомнил эту нескладицу и цитировал ее по памяти спустя десять лет в письме к брату: «Страх при звоне меди заставляет народ утраченный толпами стремиться в храм священный. Зри, боже! число, великий, унылых, тебя просящих, сохранить им – цел труд, многим людям – принадлежащий и проч.». Дошли до нас еще отрывки из журнала «Для удовольствия и пользы». Был еще журнал «Юные пловцы», о котором мы узнаем из сохранившегося письма в редакцию «отставного гувернера» Иконникова, который, между прочим, пишет: «Уважая ваши занятия, которых основанием и целью суть охота к усовершенствованию себя в российской словесности, приемлю смелость покорно просить вас, милостивые мои государи, господа издатели, о принятии и меня, любителя отечественного языка и, смею сказать, полезных упражнений, в ваши корреспонденты...» Это послание датируется 1813 годом.

Уцелела тетрадь в красном сафьяновом переплете. На лицевой стороне переплета в золотом венке означен 1815 год. Это «Лицейский мудрец». Он издавался и в начале 1816 года. Здесь несколько занятных акварельных карикатур Илличевского. Статьи переписывал своей рукой Данзас. «Цензором» помечен Дельвиг. Это был журнал юмористический. В нем нет стихов Пушкина. Нет их и в сохранившейся другой тетради, названной издателями лицейской антологией «Мудрец-поэт».

А как учились лицеисты и каковы были успехи Пушкина?

Н. Ф. Кошанский 15 марта 1812 года, до того как слег в постель, успел дать о своем ученике-поэте следующий официальный отзыв: «Александр Пушкин больше имеет понятливости, нежели памяти, более имеет вкуса, нежели прилежания; почему малое затруднение может остановить его; но не удержит: ибо он, побуждаемый соревнованием и чувством собственной пользы, желает сравняться с первыми питомцами. Успехи его в латинском хороши; в русском не столько тверды, сколько блистательны».

С немецким языком дело обстояло плохо. Гауеншильд отмечает, что до лицея Пушкин немецким языком не занимался и, кажется, и в лицее к этому не склонен, но, если бы захотел, мог бы сделать успехи, так как обладает памятью и сообразительностью.

Напротив, де Будри свидетельствует о хороших успехах Пушкина во французском языке.

Любопытны отзывы о Пушкине того самого воспитателя Пилецкого, которого лицеисты считали изувером и даже добились его изгнания.

«Пушкин Александр, – пишет Пилецкий, – имеет более блистательные, нежели основательные, дарования, более пылкий и тонкий, нежели глубокий, ум. Прилежание его к учению посредственно, ибо трудолюбие не сделалось еще его добродетелью. Читав множество французских книг, но без выбора, приличного его возрасту, наполнил он память свою многими удачными местами известных авторов; довольно начитан и в русской словесности, знает много басен и стишков. Знания его вообще поверхностны, хотя начинает несколько привыкать к основательному размышлению. Самолюбие вместе с честолюбием, делающее

⁹⁰ Благородный пансион при Московском университете – закрытое среднее учебное заведение для дворянских детей с 6-летним сроком обучения, дававшее право на поступление в университет.

⁹¹ Корсаков Николай Александрович (1800–1820) – один из самых даровитых лицеистов. Служил в Коллегии иностранных дел. В 1819 г., будучи причисленным к римской миссии, уехал в Италию, где вскоре умер от чахотки.

его иногда застенчивым, чувствительность с сердцем, жаркие порывы вспыльчивости, легкомысленность и особенная словоохотность с остроумием ему свойственны. Между тем приметно в нем и добродушие; познавая свои слабости, он охотно принимает советы с некоторым успехом. Его словоохотность и остроумие восприняли новый и лучший вид с счастливою переменой образа его мыслей, но в характере его вообще мало постоянства и твердости».

Профессор Карцов свидетельствует, что Пушкин в математике «успехов приметных не оказал».

Куницын, которого позднее так сочувственно помянул в стихах Пушкин, вторит Карцову, что поэт хотя «замысловат и остроумен», но успехов не оказывает «по части логики».

А Пилецкий даже записал в дневнике собственные слова Пушкина: «Признаюсь, что логики я, право, не понимаю». Силлогизмы для него, оказывается, невнятны, и он подозревает, что и вообще они сомнительны. Однако в официальном журнале по логике у Пушкина отмечены успехи.

Илья Пилецкий свидетельствует о дурном поведении Пушкина. Поэт дразнил товарища Мясоедова⁹² и сказал ему какие-то стихи, которые отказался повторить Пилецкому. Горчакова⁹³ называл «вольною польскою дамою». Вообще Пушкин ведет себя «смело и ветрено». Когда в классе Гауеншильда Пилецкий попробовал отнять у Дельвига какую-то бумагу, Пушкин «с непристойной вспыльчивостью» сказал ему: «Как вы смеете брать наши бумаги! Стало быть, и письма наши из ящика будете брать!...»

⁹² Мясоедов Павел Николаевич (1799–1868) – лицейский товарищ Пушкина. Чиновник канцелярии Министерства юстиции, помещик Тульской губернии.

⁹³ Горчаков Александр Михайлович (1798–1883) – известный государственный деятель, в 1856–1882 гг. – министр иностранных дел, с 1863 г. – канцлер.

III

Император Александр как будто забыл про лицей, которым он так интересовался при его открытии. Александру было не до того. С начала 1812 года он готовился к «оборонительной» войне с Наполеоном. Лицейсты жадно следили за ходом событий. Русские войска стояли на западной границе. В июне 1812 года Наполеон с огромной армией без объявления войны перешел Неман и вторгся в пределы России с намерением отрезать армию Барклай-де-Толли от армии Багратиона. Началось великое отступление двухсоттысячной русской армии перед шестисоттысячной армией Наполеона. «Жизнь наша лицейская сливается с политической эпохой народной жизни русской, – пишет в своих воспоминаниях будущий декабрист Пущин. – Приготовилась гроза 1812 года. Эти события сильно отразились на нашем детстве. Началось с того, что мы провожали все гвардейские полки, потому что они проходили мимо самого лицея; мы всегда были тут, при их появлении, выходили даже во время классов...» Среди уходивших на войну были знакомые, друзья, родные. «Усатые гренадеры из рядов благословляли нас крестом. Не одна слеза тут пролита», – стыдливо признается Пущин.

«Когда начались военные действия, всякое воскресенье кто-нибудь из родных привозил реляции; Кошанский читал их нам громогласно в зале. Газетная комната никогда не была пуста в часы, свободные от классов; читались наперерыв русские и иностранные журналы, при неумолкаемых толках и прениях...»

Многие не понимали, почему Барклай-де-Толли, соединившись с Багратионом, продолжает отступать. Назначение Кутузова главнокомандующим, Бородинская битва и странный, загадочный пожар Москвы – все это волновало воображение поэта. Эпоха была не бедная грозными событиями. И вот растаявшая в полях России наполеоновская армия бежит, лениво преследуемая русскими. Однако к лету 1813 года Александр ведет русские войска в Европу, создает новую коалицию. Под Лейпцигом происходит страшная «битва народов».⁹⁴ Наконец, весной 1814 года во главе союзных войск Александр вошел в Париж.

Патриотизм молодых дворян, учившихся в лицее, получил удовлетворение. Даже в 1825 году Пушкин, не любивший Александра, в лицейскую годовщину в плену ссылки поминует его великодушно:

Простим ему неправо гоненье:
Он взял Париж, он основал лицей...

В марте 1814 года неожиданно умер добродушный Василий Федорович Малиновский. Лицей остался без директора. Пушкин в числе прочих лицейстов провожал тело покойного. Впереди ехал отряд полицейских драгун. Далее следовали воспитанники в сопровождении гувернеров и надзирателей, за ними духовенство. Певчие пели, что полагается. Профессора шли по сторонам гроба. У Царскосельской заставы протопресвитер Музовский отслужил панихиду. Лицейсты простились здесь со своим директором. Только пять из них провожали тело его до Большого Охтенского кладбища в Петербурге. Среди этих пяти был, по-видимому, Пушкин. По крайней мере, впоследствии С. И. Штакеншнейдер⁹⁵ рассказывала, что Пушкин и ее отец, сын покойного директора, поклялись в вечной дружбе на свежей могиле

⁹⁴ Лейпцигское сражение, получившее название «битва народов», произошло 1–7 (16–19) октября 1813 г. между союзными (русскими, австрийскими, прусскими и шведскими) войсками и армией Наполеона I.

⁹⁵ Штакеншнейдер С. И. – внучка В. Ф. Малиновского. Ее мать – Мария Ивановна Пущина (ум. не ранее 1856), сестра И. И. Пущина.

Василия Федоровича Малиновского. Дружба, в самом деле, продолжалась до конца жизни поэта.

В. Ф. Малиновский ничем значительным не отметил своего трехлетнего управления лицеем. Но и худого про него никто не мог сказать ничего. Он был одним из тех администраторов-педагогов, которые думают, что самое лучшее – как можно меньше управлять и руководить и что все устраивается само собою. После его смерти, однако, в течение двух лет, до марта 1816 года, когда Е. А. Энгельгардт вступил в должность директора, в лицее было настоящее «безначалие», как пометил Пушкин в своей программе воспоминаний. В эти годы беспорядок был немалый.

В 1814 году, 5 сентября, Пушкину, Малиновскому и Пушину вздумалось устроить гоголь-моголь. Приятели угощали товарищей. Ром подействовал на некоторых неопытных гуляк. Донесли начальству, и ненавистный лицеистам Гауеншильд, временно исполнявший обязанности директора, донес, в свою очередь, о преступлении министру Разумовскому. Ленивый граф не поленился на этот раз приехать из Петербурга в лицей, вызвал к себе Пушкина и его приятелей и сделал им строжайший выговор. Конференция профессоров приговорила юных преступников «две недели стоять, на коленях во время утренней и вечерней молитвы», что и было исполнено. Наказание это как-то не вяжется с лицейской вольностью. Пушкину в это время было пятнадцать лет, а Малиновскому уже девятнадцать! Кроме того, имена провинившихся были занесены в «черную книгу». И это могло бы иметь последствия при выпуске из лицея, если бы К. А. Энгельгардт не предложил конференции профессоров предать забвению этот случай.

IV

Вокруг Пушкина шумела юная лицейская жизнь, и сам он принимал в ней участие: изгонял Пилецкого», распевал «национальные песни», соперничал в шалостях с Бролио и Малиновским; восхищался удачником и красавцем князем Горчаковым, будущим канцлером, и его же дразнил забавно; но в это же время поэта непрестанно тревожила и соблазняла его отроческая муза.

«Не только в часы отдыха от учения, – рассказывает о Пушкине в своей записке С. Д. Комовский, – в рекреационном зале,⁹⁶ на прогулках, но нередко в классах и даже в церкви ему приходили в голову разные поэтические вымыслы, и тогда лицо его то хмурилось необыкновенно, то прояснялось от улыбки, смотря по роду дум, его занимавших. Набрасывая же мысли свои на бумагу, он удалялся всегда в самый уединенный угол комнаты, от нетерпения грыз обыкновенно перо и, насупя брови, надувши губы, с огненным взором читал про себя написанное».

Первые поэтические замыслы Пушкина относились к жанру больших поэм, эпических повествований и театру. Почти все эти опыты утрачены. Мы знаем лишь их названия – какой-то роман «Цыган», комедия «Философ» и другая комедия, написанная вместе с М. Л. Яковлевым, – «Так водится в свете». Из ранних поэм до нас дошла только неоконченная поэма «Монах» и совершенно непристойная «Тень Баркова».⁹⁷

На этих двух последних вещах сказалось влияние несвоевременно прочитанных Пушкиным Вольтера и Парни и тех «сочинений, презревших печать», о которых пятнадцатилетний поэт упоминает в своем «Городке»,⁹⁸ где он восклицает не без иронии:

Велик, велик – Свистов!
Твой дар ценить умею,
Хоть, право, не знаток;
Но здесь тебе не смею
Хвалы сплетать венки:
Свистовским должно слогом
Свистова воспевать;
Но, убирайся с богом,
Как ты,.....
Не стану я писать.

«Тень Баркова», к сожалению, была уже к этому времени написана.

По-видимому, африканская кровь рано волновала сердце поэта, а эротическая литература, распущенность нравов тогдашней дворянской среды и, в сущности, полная беспризорность в лицее – все благоприятствовало пристрастию к соблазнительной тематике. Надо удивляться не тому, что четырнадцатилетний Пушкин писал непристойные стихи, а тому, что он в эти отроческие годы все-таки сохранил чистоту сердца, несмотря на видимость чувственных увлечений и грубость скабрёзных слов.

⁹⁶ Рекреационный зал – зал для отдыха во время перемен между уроками.

⁹⁷ «Тень Баркова» – лицейская баллада Пушкина. Долгое время не публиковалась. Барков Иван Семенович (1732–1768) – поэт и переводчик, автор многочисленных эротических произведений.

⁹⁸ Стихотворение «Городок» написано в 1814 г. (?), напечатано в 1815 г. Под именем Свистова в нем выведен И. С. Барков.

Но это целомудрие поэта было закрыто для посторонних внешней бравадой легкомыслия и цинизма. Любопытно суждение о Пушкине такого сухого и поверхностного человека, как барон Корф. «У него господствовали, – писал он, – только две стихии: удовлетворение плотским страстям и поэзия, и в обеих он ушел далеко. В нем не было ни внешней, ни внутренней религии, ни высших нравственных чувств, и он полагал даже какое-то хвастовство в отъявленном цинизме по этой части: злые насмешки – часто в самых отвратительных картинах – над всеми религиозными верованиями и обрядами, над уважением к родителям, над родственными привязанностями, над всеми отношениями – общественными и семейными – это было ему нипочем, и я не сомневаюсь, что для едкого слова он иногда говорил даже более и хуже, нежели в самом деле думал и чувствовал».

Странно, что этот неприязненный отзыв о поэте написан и 1854 году, спустя лет восемнадцать после его кончины, когда можно было бы, казалось, уразуметь трагический смысл удивительной жизни.

1814 год ознаменован уже такими поэтическими опытами, которые свидетельствуют о будущей необычайной судьбе поэта. Эти отроческие стихи кажутся нам теперь слабыми, потому что мы знаем зрелого Пушкина, но в тот 1814 год они прозвучали для современников как неожиданные и пленительные. Пятнадцатилетний Пушкин уже соперничает с Батюшковым и Жуковским.

Пусть все эти стихи навеяны литературными реминисценциями; пусть они лишены глубокого и значительного содержания; пусть они еще несовершенны и неровны: но все это искупается какою-то чудесной игрою пушкинского хмеля. В каждой пьесе слышится пушкинский голос – даже в подражании Макферсону,⁹⁹ чуждому ему по духу, с которым он познакомился, вероятно, по переводам Кострова¹⁰⁰ или по французским переводам. Но Оссиан, конечно, не мог по-настоящему очаровать своей туманной меланхолией такого горячего и влюбленного в жизнь отрока, каким был Пушкин. Анакреонтический жанр¹⁰¹ наиболее тогда отвечал настроению этого ученика Парни.

«Блаженство» и «Опытность», может быть, самые искренние пьесы отрока Пушкина. Я не говорю уже об автобиографическом значении таких стихотворений, как «Городок», где остроумно представлена вся библиотека Пушкина, все его тогдашние литературные пристрастия, от которых он не так скоро освободился. Иные характеристики по меткости и остроте занимательны до сих пор. Портрет Вольтера превосходен:

Сын Мома и Минервы,
Фернейский злой крикун,
Поэт в поэтах первый,
Ты здесь, седой шалун!

Занятен и Лафонтен:

И ты, певец любезный,
Поэзией прелестной
Сердца привлекий в плен,
Ты здесь, лентяй беспечный,
Мудрец простосердечный,

⁹⁹ Макферсон Джемс (1736–1796) – шотландский поэт, переводчик Гомера.

¹⁰⁰ Костров Ефим Иванович (1750 или 1752–1796) – русский поэт и переводчик. Происходил из крестьян. Перевел «Золотого осла» Апулея и «Илиаду».

¹⁰¹ Анакреонтический жанр – жанр любовной лирики, названный по имени знаменитого древнегреческого поэта Анакреонта (VI–V вв. до н. э.).

Ванюша Лафонтен!

«Пирующие студенты» по веселой вольности напева, по живости характеристик любопытны и в наши дни даже независимо от биографических черт, имеющих в этой пьесе.

Наконец, в этот же 1814 год в стихах Пушкина нашла свое отражение его мальчишеская страсть. Откровенная чувственность «Послания к Наталье» сочетается с такой легкой и тонкой улыбкой, что даже не верится, что пьеса написана мальчиком. Предметом этого увлечения была крепостная актриса графа В. В. Толстого, у которого был свой домашний театр в Царском Селе, куда был открыт доступ лицеистам. Актриса, в которую влюбился Пушкин, исполняла в этом театре первые роли, но, кажется, вовсе лишена была дарования. По крайней мере, на следующий год поэт посвятил ей посланье, в котором, восхищаясь ее женской прелестью, откровенно смеется над беспомощной игрою красавицы.

Прошло первое трехлетие лицейской жизни. Предстоял экзамен и переход на старший курс. Там, за этим рубежом, начиналась новая жизнь – новые встречи с поэтами, знакомство с Карамзиным, дружба с Чаадаевым, сотрудничество в журналах...

А. И. Галич уговорил Пушкина к торжественному экзамену написать оду по поводу событий 1812–1814 годов. Поэт принял этот заказ и написал «Воспоминания в Царском Селе». 8 января 1815 года в лицее состоялись торжественные экзамены. О них Пушкин оставил воспоминание весьма примечательное. Лицеисты с волнением ждали Державина, который должен был присутствовать на лицейских испытаниях. Дельвиг выскочил на лестницу, чтобы поцеловать руку, написавшую «Водопад».¹⁰² Когда в сенях Державин спросил швейцара: «Где, братец, здесь нужник?» – разочарованный Дельвиг отложил свое намерение и вернулся в залу. Начались экзамены. Старик Державин, в мундире и в плисовых сапогах, сидел, усталый, подперши голову рукою. «Лицо его было бессмысленно; глаза мутны, губы отвислы...» «Он дремал до тех пор, пока не начался экзамен в русской словесности. Тут он оживился, глаза заблестали; он преобразился весь. Разумеется, читаны были его стихи, разбирались его стихи, поминутно хвалили его стихи. Он слушал с живостью необыкновенной». Наконец вызвали Пушкина. Он прочел свои «Воспоминания в Царском Селе, стоя в двух шагах от Державина. «Я не в силах описать состояния души моей, – пишет Пушкин, – когда дошел я до стиха, где упоминаю имя Державина, голос мой отроческий зазвенел, а сердце забилося с упоительным восторгом... Не помню, как я кончил свое чтение, не помню, куда убежал. Державин был в восхищении; он меня требовал, хотел меня обнять... Меня искали, но не нашли...»

Взволнованы были все. И. И. Пущин признавался, что у него «мороз по коже пробежал», когда он слушал Пушкина. Державин, по его словам, «в восторге, со слезами на глазах, бросился целовать поэта»...

После экзамена был обед у графа А. К. Разумовского. Там был приехавший в Петербург Сергей Львович Пушкин. «Я бы желал, однако же, образовать сына вашего в прозе», – сказал ему Разумовский. Но Державин с жаром воскликнул: «Оставьте его поэтом!..»

¹⁰² «Водопад» – ода написана в 1791 г. на смерть Потемкина.

Глава третья Юность

I

26 мая 1815 года исполнилось Пушкину шестнадцать лет. Наступила юность. Еще вчера он предпочел бы «мячик меткий» какой угодно поэме:

Считал схоластику за вздор
И прыгал в сад через забор...

И вот все изменилось. Это случилось в те дни, когда он «говорить старался басом и стриг над губой первый пух», в те дни, когда впервые он заметил «черты живые прелестной девы»,

Везде искал ее следов,
Об ней задумывался нежно,
Весь день минутной встречи ждал
И счастье тайных мук узнал...

И вот тогда вместе с любовью пришло «вдохновенье». До сих пор все эти отроческие стихотворные опыты были веселой забавой. Так было занятно и заманчиво перелагать поновому в размеренные строки мотивы Парни или Батюшкова, но в этой чудесной игре еще не было того «тайного волнения», которое теперь его посетило.

Простите, игры первых лет!
Я изменился, я – поэт...

Товарищи еще недавно недоверчиво смотрели на этого некрасивого, губастого чудака, такого непостоянного, самолюбивого и дерзкого.

Но теперь —

Старик Державин нас заметил
И, в гроб сходя, благословил...

А главное, все вдруг почувствовали, что у этого Пушкина есть какое-то «право на первородство». Пушкин вспоминал об этом признании товарищей спустя четырнадцать лет:

Они, пристрастной душой
Ревнуня к братскому союзу,
Мне первый поднесли венец,
Чтоб им украсил их певец
Свою застенчивую Музу...

К этому сроку поэт уже приобрел некоторую известность за стенами лица.

Первое пушкинское стихотворение, появившееся в печати летом 1814 года, было написано – Александр Н. к. ш. п. Эта пьеса «К другу стихотворцу» была напечатана в «Вестнике Европы», где в то время был редактором В. В. Измайлов.¹⁰³ В том же году и в том же журнале появилось еще четыре пушкинских стихотворения. В 1815 году было напечатано шестнадцать пьес в «Российском музее» и одна – «Наполеон на Эльбе» – в «Сыне отечества».

Родители поэта с удивлением должны были согласиться, что, пожалуй, из их капризного и неловкого Александра выйдет поэт.

Державин, оказывается, не ошибся. Анакреонтический жанр и шуточные послания еще ничего не доказывали. Ода, написанная в торжественном, старомодном стихе, по случаю исторических событий, тоже не убеждала в оригинальности таланта. Но вот в том же «Российском музее» весной было напечатано «К Лицинию». Эта пьеса обратила на себя внимание.

Однажды во сне Пушкин услышал два стиха:

Пускай Глицерия, красавица младая,
Равно всем общая, как чаша круговая...

Приснившиеся поэту строки вошли потом в эту самую пьесу «К Лицинию», которую одобрил Василий Львович. Это уже нечто серьезное. Прекрасный шестистопный ямб наполнил Корнеля. Автор, правда, сделал подзаголовок «с хатинского». Возможно, что он сделал это по цензурным соображениям, но у него было для этого основание и по сути дела. Послание звучит в самом деле, скорее, как «медная хатынь», чем как французский александрийский стих. Недаром Пушкин упоминает о Ювенале.¹⁰⁴ Не очень прилежный ученик Кошанского успел, однако, познакомиться с римским поэтом I века нашей эры. Читал он его, вероятно, во французском переводе, но каким-то чудом от этого послания веет настоящим, подлинным Римом. Нет, решительно надо считаться теперь с этим юношей. В послании есть идея. Заключительный стих «свободой Рим возрос, а рабством погублен» очень внушительен и смел. Откуда эта формула? Можно подумать, что у лицеиста-повесы, с плохими успехами в школьной науке и с превосходными в фехтованье, уже сложилось какое-то свое понимание истории. Простодушный Кайданов едва ли помог ему в этом. Скорее Куницын мог внушить ему идею гражданственности. Вот уже три года этот геттингенский студент твердит с кафедры о естественном праве, о задачах просвещенной государственности, о гарантиях политической свободы. По-видимому, несмотря на свою рассеянность и прямое отвращение к отвлеченному юридическому мышлению и формальной логике, Пушкин кое-что запомнил из этих лекций. Но, конечно, не только в этих лекциях секрет пушкинского интереса к теме Рима. Сейчас он только на одно мгновение остановился на ней. Впоследствии вопрос о судьбах государственности займет его ум и воображение чрезвычайно. Послание «К Лицинию» – это пока залог будущего. Удивительно, что он уже успел его дать, когда, казалось бы, он поглощен иными впечатлениями и настроениями. Вообще, трудно себе представить, как Пушкин мог вместить на небольшом отрезке времени такое безмерное количество идей, увлечений, трудов, сладострастия, восхищения поэзией, удивления перед загадками истории, пламенных восторгов и нежной любви. Для всего этого нужны были какие-то сверхчеловеческие силы. Очевидно, были у него эти силы.

¹⁰³ Измайлов Владимир Васильевич (1773–1830) – писатель, издатель, цензор. На его сестре А. В. Измайловой женился сын Льва Александровича Пушкина Николай (1745–1821).

¹⁰⁴ Ювенал (ок. 50–125 н. э.) – римский поэт-сатирик.

Большие писатели Карамзин, Жуковский, Батюшков. Вяземский обратили внимание на юного поэта. Дядюшка Василий Львович уже гордился племянником. Знаменитые стихотворцы навещали шестнадцатилетнего лицеиста. Одним из первых посетителей лицея был В. А. Жуковским знавший Пушкина еще мальчиком в Москве. Жуковский подарил младшему собрату книгу своих стихов. В январе 1815 года Пушкин напечатал послание Батюшкову, «харит¹⁰⁵ изнеженных любимцу», «российскому Парни», которому был обязан своими первыми поэтическими опытами. Московских встреч с Батюшковым Пушкин не помнил. По-видимому, он не знал, что в это время Батюшкову было уже двадцать восемь лет: если бы он знал это, едва ли он обратился бы к нему так фамильярно:

Пой юноша – певец Тиисский...

Батюшков в это время был далеко уж не юноша и как раз переживал тяжелое душевное состояние. Это не помешало ему, однако, искать знакомства со своим гениальным учеником. Пушкин, вероятно, был очень удивлен, когда увидел грустные и странные глаза этого мнимого эпикурейца, у которого ум был уже занят темой статьи, им вскоре написанной, «Нечто о морали, основанной на философии и религии», а сердце элегиями, в коих он оплакивал свою неразделенную любовь. Кстати сказать, впоследствии Пушкин дал о некоторых из них лестные отзывы. «Разлуку» он называл «прелестью», а по поводу «Тавриды» писал, что она «по чувству, по гармонии, по искусству стихосложения, по роскоши и небрежности воображения лучшая элегия Батюшкова».

В марте 1816 года в стенах лицея появился приехавший из Москвы Карамзин в сопровождении молодого князя П. Л. Вяземского и Василия Львовича Пушкина. Карамзин был уже непререкаемый авторитет, мэтр, историограф, успевший написать восемь томов «Истории государства Российского». Они еще не были напечатаны, но все знали о событии. Не только лицеисты, но и педагоги были заинтересованы его посещением. В старомодном костюме, в коротких штанах, в шелковых чулках, в башмаках с пряжками, он всей своей фигурой напоминал XVIII век. Николай Михайлович Карамзин приехал в лицей посмотреть «маленького» Пушкина, которому сам Державин вручил «пальму первенства». Василий Львович, почтительный к главе школы, очень теперь хвастался своим племянником. Вернувшись в Москву и получив от него письмо, тотчас ему ответил, называя его «братом по Аполлону». Племянник удосужился ответить дядюшке только через девять месяцев: «Нет, нет, вы мне совсем не брат: вы дядя мой и на Парнасе». Вяземский помнил Пушкина по Москве. Теперь с двадцатитрехлетним поэтом у «маленького» Пушкина сразу установились приятельские отношения.

В этот год как раз процветал «Арзамас»,¹⁰⁶ где поэты и критики нового направления высмеивали «Беседу»¹⁰⁷ и всех противников карамзинской реформы. Жуковский изощрялся в своих выдумках и шутках. Москвичи наслаждались «арзамасскими» забавами. Карамзин, Василий Львович, Вяземский оставались в Петербурге почти два месяца. За это время автора «Опасного соседа» избрали в члены общества. Для простеца сочинили особый ритуал, уверив его, что так требуется по уставу «Арзамаса». На бедного Василия Львовича надели хитон, украшенный раковинами, завязали ему глаза, водили его по каким-то лестницам и коридорам, бросали ему под ноги хлопущки, заставили его стрелять из лука в аллегорическое чучело, изображающее «дурной вкус» или самого Шишкова... Вероятно, в это же время

¹⁰⁵ Хариты – в древнегреческой мифологии три богини красоты и веселья. То же, что в древнеримской – грации.

¹⁰⁶ «Арзамас» – литературное общество (1815–1818), объединявшее сторонников «карамзинского» направления в литературе.

¹⁰⁷ «Беседа любителей русского слова» – литературное общество, основанное в 1811 г. по инициативе Г. Державина и А. Шишкова.

заглазно был выбран членом «Арзамаса» и Александр Пушкин, так же как ранее Батюшков и Денис Давыдов.

Когда москвичи уехали из Петербурга, Пушкин послал Вяземскому письмо, где просил «русских стихов Шапеля¹⁰⁸ и Буало¹⁰⁹», то есть стихов самого Вяземского, определив этой шуткой характер его рассудочной поэзии. Угождая вольномыслию старшего собрата, поэт сообщает, что «недавно говел и исповедывался» и что «все это вовсе не забавно». Ему надоела школьная жизнь. «Целый год дремать перед кафедрой... это ужасно...» «Безбожно молодого человека держать взаперти и не позволять ему участвовать даже и в невинном удовольствии погреть покойную академию и беседу губителей российского слова...»

Пушкин с нетерпением ждал освобождения от лицейского плена. Но в сущности плен этот был совсем не тягостный. Авторитетной власти в лицее не было вовсе. Ни Гауеншильд, осведомитель австрийского правительства, как это выяснилось впоследствии, ни простоватый Фролов,¹¹⁰ временно исполнявший обязанности директора, не могли справиться со своей задачей. Лицейисты вовсе не были затворниками. Они не только посещали домашний театр Варфоломея Толстого, появлялись на публичных гуляниях и парадах, засиживались в кондитерской Амбиеля, но и нередко проводили вечера у царскосельских знакомых, иногда возвращаясь в лицей под утро. Швейцар получал на водку, и ночное приключение лицеиста оставалось начальству неизвестным. Пушкин широко пользовался этими вольностями.

4 марта 1816 года вступил в должность директора Егор Антонович Энгельгардт. У этого директора были педагогические идеи, и он внушил лицеистам уважение к себе. Он не хотел прибегать к мерам строгости, и повесы могли при желании пользоваться такою же свободой, как и в годы безначалия.

Е. А. Энгельгардту, когда он занял пост директора, было лет сорок. Родом он был из лифляндских дворян, по вероисповеданию протестант; воспитывался в Петербурге, в пансионе девиц Бардевиц. Недолго пробыв в военной службе, перешел он в Коллегию иностранных дел, а после смерти Екатерины устроился на службу секретарем магистра ордена св. Иоанна Иерусалимского, во главе которого стоял сам император Павел. Служить в Мальтийском ордене¹¹¹ было нелегко. Сумасшедший государь следил ревниво и мнительно за ритуалом мальтийского устава. Будущий император Александр то и дело навлекал на себя гнев отца за неточность в соблюдении обряда. Выручил наследника аккуратный немец. Теперь юный Александр Павлович получал указания и руководство от Энгельгардта, который перед каждым заседанием снабжал его соответствующим конспектом. Павел очень был доволен неожиданной точностью наследника и восклицал в восхищении: «Я узнаю мою кровь! Вы достойный меня сын!» Вот какую важную услугу оказал императору Александру Егор Антонович. Немудрено, что этот лифляндский дворянин пользовался расположением государя. В 1812 году он был назначен директором Педагогического института и оставался на этой службе до назначения в лицей. Получив предложение занять этот пост, Энгельгардт представил царю записку, в которой просил предоставить ему полную самостоятельность и независимость в деле воспитания лицеистов. Его записка не была отвергнута, и он старался проводить в лицее свою педагогическую систему. В качестве убежденного и деятельного масона

¹⁰⁸ Шапель Эммануил (1626–1686) – французский поэт, друг Буало и Лафонтена, автор небольших стихотворений.

¹⁰⁹ Буало Никола (1636–1711) – французский поэт, теоретик классицизма (поэтический трактат «Искусство поэзии»). Пушкин ценил его стихи за строгую ясность мысли.

¹¹⁰ Фролов Степан Степанович (1765 – не ранее 1843) – отставной полковник, надзиратель (1814–1816), инспектор и временно замещающий директора Лицея (1816–1817).

¹¹¹ Мальтийский орден св. Иоанна Иерусалимского – иоанниты (госпитальеры), члены духовно-рыцарского ордена, основанного в Палестине крестоносцами в нач. XII в. Первоначальная резиденция – иерусалимский госпиталь (дом для паломников) св. Иоанна, в 1530–1798 гг. – на острове Мальта, а с 1834 г. – в Риме. В 1798 г. Павел I был избран Великим магистром ордена.

он старался внушить юношам те либерально-гуманные идеи, которые ему казались необходимыми для ревнителей просвещенного абсолютизма. Надо было смягчить нравы молодых скифов. Поэтому он стремился установить в лицее порядок, основанный на доверии и дружбе. Он хотел, чтобы лицеисты смотрели на него как на доброго отца. Он устраивал литературные вечера, домашние спектакли, прогулки за город, приглашал лицеистов к себе на дом, где они знакомились с «благородными» девицами благородных семейств. Все это было несколько сентиментально, но Кюхельбекеру, Дельвигу и еще некоторым подобная система очень нравилась. Нравилась она и Пушкину, который удивлялся, почему его друг Пушкин дичился Энгельгардта, а с некоторых пор и вовсе перестал у него бывать.

А Пушкину не нравился Энгельгардт. Африканская кровь поэта, насмешливый ум и уверенность в своей гениальности никак не мирились с умеренной и благоразумной педагогической системой почтенного немца. Энгельгардт не выносил ни холодного, ни горячего, а Пушкин ненавидел теплое. Их вкусы никак не совпадали. Однако упрямый немец старался укротить буйного поэта мерами кротости и убеждения.

Летом 1816 года Карамзин со всем семейством поселился в Царском Селе. Пушкин стал постоянным посетителем их дома. Здесь он чувствовал себя лучше, чем в гостиной Энгельгардта. «Маленького» Пушкина любили в этой семье. И ему нравился Николай Михайлович, этот европейски образованный человек, который, «пыль веков от хартий отряхнув», так неутомимо и уверенно писал том за томом «Историю государства Российского». Конечно, он монархист и царедворец. Это смешно и старомодно. Но все же он внушает уважение своей просвещенностью. Пушкин в классах не прилежен, но по своей натуре он вовсе не ленив и очень любопытен. Он любит слушать Карамзина, когда тот говорит о летописях. А к жене его Екатерине Андреевне,¹¹² побочной сестре П. А. Вяземского, Пушкин неравнодушен, хотя она старше его почти на двадцать лет: ей было тогда тридцать шесть. Конечно, ни разница в годах, ни ее положение не могли служить препятствием для того, чтобы поэт выразил свои чувства. Он и поспешил это сделать, написав прекрасной даме письмо, в коем объяснялся ей в любви. Умная Екатерина Андреевна ничуть не рассердилась, но немедленно показала письмо мужу. Пришлось пригласить юношу и объяснить ему, что нельзя писать таких писем без достаточных поводов и оснований. Николай Михайлович, пожурился поэту, много смеялся. Смеялась и Екатерина Андреевна. Пушкин, красный от стыда и смущения, принес повинную. Ему простили, и он продолжал бывать в их доме, как будто ничего не случилось.

¹¹² Карамзина Екатерина Андреевна (1780–1851, урожд. Кольванова) – жена историка Н. М. Карамзина с 1804 г., внебрачная дочь князя Андрея Ивановича Вяземского и единокровная сестра П. А. Вяземского.

II

Несмотря на все свое вольнодумство в лицейские годы, Пушкину приходилось два раза писать стихи на патриотические темы. Так, в конце ноября 1815 года он написал по требованию И. И. Мартынова оду «На возвращение государя императора из Парижа». Пушкин написал стихи довольно вяло и лениво. Мало этого, поэту предложили сочинить и послать официальное письмо по этому поводу. «Ежели чувства любви и благодарности к великому монарху нашему, начертанные мною, – писал Пушкин Мартынову, – будут не совсем недостойны высокого предмета моего, сколь счастлив буду я, ежели его сиятельство граф Алексей Кириллович благоволит поднести его величеству слабое произведение неопытного стихотворца...»

Граф А. К. Разумовский не поднес, однако, этой патриотической оды Александру. Царь на этот раз вернулся из Европы мрачный и разочарованный. Наполеон был разбит при Ватерлоо без участия русской армии, а главное, страх перед революцией и несчастная идея Священного союза занимали теперь усталый ум этого двоедушного человека. Ему теперь было не до стихов.

В 1816 году вдовствующая императрица¹¹³ поручила старому поэту Нелединскому-Мелецкову¹¹⁴ написать стихи и честь принца Оранского,¹¹⁵ который должен был жениться на вел. кн. Анне Павловне. Нелединский-Мелецкий почему-то не смог сочинить стихов и, по совету Карамзина, передал заказ Пушкину. Стихи немедленно были положены на музыку. Их пели 6 июня во время торжественного празднества. Наполеон, конечно, в этой оде именуется «злодеем», а принц Оранский, участник битвы при Ватерлоо, «героем». Стихи вышли слабые, но Пушкин получил в подарок от императрицы золотые часы. Рассказывали, что поэт швырнул на пол царский подарок и растоптал его каблуком.

Пушкин в те годы, однако, со всею искренностью верил, что Наполеон в самом деле был «злодеем», а «законные» государи Европы защищали будто бы чью-то свободу. Эти детские иллюзии относительно роли Людовика XVIII и прочих европейских государей скоро, конечно, рассеялись, и «лилии Бурбонов»¹¹⁶ уже не представлялись поэту эмблемою политической невинности. Пьеса «Наполеон на Эльбе»¹¹⁷ еще полна этих иллюзий.

Что до стихов, которые написаны Пушкиным в те годы по собственному почину, без официального заказа, почти все они посвящены любви. Среди них многие все еще примыкают к анакреонтическому жанру: в этих пьесах по-прежнему нимфы, сатиры, фавны и прочие мифологические персонажи занимаются веселыми и не совсем скромными играми во славу Эрота. За всеми условностями в духе французской легкой поэзии XVIII века у юного Пушкина всегда можно различить, однако, его собственную пушкинскую страстную интонацию, свободную от литературного жеманства. В этих стихах чувственность ничем искусственно не подогрета. Она только сдобрена «галльским юмором». Но лицейская любовная лирика Пушкина нашла себе выражение не только в анакреонтическом жанре. Юный поэт написал целый цикл нежных и задумчивых элегий. Почти все они посвящены Екатерине

¹¹³ Вдовствующая императрица – вдова Павла I Мария Федоровна, мать Александра I и Николая I.

¹¹⁴ Нелединский-Мелецкий Юрий Александрович (1752–1829) – князь, статс-секретарь при Павле I, тайный советник, поэт. Успехом пользовались его «любовные» песни, представляющие собой стилизацию народных песен, особенно «Выйду ль я на реченьку».

¹¹⁵ Оранский принц (1792–1849) – сын нидерландского короля Вильгельма I, с 1840 г. король нидерландский Вильгельм II. В 1816 г. женился на сестре Александра I Анне Павловне. Пушкин написал стихи «Принцу Оранскому» (1816).

¹¹⁶ «Лилии Бурбонов» – в гербе Бурбонов – три белые лилии, которые вследствие этого и являлись эмблемой монархии.

¹¹⁷ Стихотворение «Наполеон на Эльбе» написано в 1815 г.

Павловне Бакуниной.¹¹⁸ Пушкин, очень скупой на откровенные признания, на этот раз оставил неосторожно наивную страничку своего лицейского дневника. И теперь не приходится сомневаться, что первая Екатерина «донжуанского списка» была Бакунина, сестра лицеиста,¹¹⁹ позднее фрейлина императрицы Елизаветы.

«Я счастлив был! – записывает Пушкин в дневнике от 29 ноября 1815 года. – Нет, я вчера не был счастлив; поутру я мучился ожиданием, с неописанным волнением стоя под окошком, смотрел на снежную дорогу – ее не видно было! – Наконец я потерял надежду, вдруг нечаянно встречаюсь с нею на лестнице, – сладкая минута!...» И далее: «Как она мила была! Как черное платье пристало к милой Бакуниной! Но я не видел ее 18 часов – ах! Какое положенье, какая мука! – Но я был счастлив 5 минут...»

Е. П. Бакуниной в это время шел двадцать первый год, и едва ли она всерьез принимала любовное увлечение лицеиста Пушкина. Однако мадригал, кстати сказать, не очень складный, в день ее именин написанный юным поэтом, она сохранила. В нее были влюблены и Пушкин, и Малиновский – близкие друзья Пушкина. Поэт добродушно об этом вспоминал в 1825 году:

Как мы одну все трое полюбили,
Наперсники, товарищи проказ...

Пушкинскую пьесу «К живописцу», посвященную Бакуниной, положил на музыку лицеист Корсаков, и этот романс был поднесен красавице. Весною 1830 года Пушкин писал княгине В. Ф. Вяземской¹²⁰ по-французски: «Первая любовь всегда дело чувства: чем она глупее, тем более она оставляет восхитительных воспоминаний». Возможно, что Пушкин вспомнил о Бакуниной, когда писал эти строки. Он мог позднее встретить ее в петербургском обществе, по крайней мере, до ее замужества: она, будучи уже немолодой, вышла замуж за А. А. Полторацкого.

Е. П. Бакунина внушила Пушкину немало лирических пьес. Они все написаны несколько бледно, а иногда и вяло, что не доказывает, конечно, незначительности самой любви.

Когда двор покинул осенью 1816 года Царское Село, Бакунина также переехала в Петербург. Само собою разумеется, что влюбленный Пушкин предался нежной печали. Разлуке с Бакуниной посвящены «Осеннее утро», «Элегия», «Друзьям» и другие пьесы. Он бродил по царскосельскому парку, изнемогая от грусти и ревности. Бакунина в это время на придворных балах пленяла всех своей грацией, соперничая с известными красавицами.

Пушкин, впрочем, грустил недолго. Менее элегические прелестницы стали занимать его воображение. Одной из них была француженка Мария Смит, урожденная Шарон-Лароз.¹²¹ Он встречал эту остроумную, изящную и веселую даму на вечерах и у Е. А. Энгельгардта, и у барона Теппера,¹²² учителя музыки, который жил в небольшом домике рядом с

¹¹⁸ Бакунина Екатерина Павловна (1795–1869) – фрейлина, художница, в 1834 г. вышла замуж за Л. Л. Полторацкого, тамбовского помещика, предводителя дворянства Тамбовского уезда.

¹¹⁹ Сестра Бакунина Александра Павловича (1799–1862) – лицейского товарища Пушкина, тверского губернатора в 1846–1853 гг.

¹²⁰ Вяземская Вера Федоровна (1790–1886, урожд. княжна Гагарина) – жена князя П. А. Вяземского (с 1811 г.). Встретившись с Пушкиным в Одессе в 1824 г., увлеклась поэтом. Он сохранял с ней дружеские отношения до последних дней, шутя называл Ветровой и Вертопрахиной.

¹²¹ Смит Мария Николаевна (урожд. Шарон-Лароз, по второму мужу Паскаль) – француженка, которую Пушкин встретил в Царском Селе. Писала стихи, куплеты. Ею создана остроумная пьеса, в которой после выпускного акта играли окончившие Лицей лицеисты.

¹²² Теппер де Фергюссон Вильгельм Петрович (ок. 1775 – не ранее 1823 – композитор, лицейский преподаватель музыки и пения. Им написана музыка к «Прощальной песне воспитанников Царскосельского лицея», исполненной впервые 9 июня

лицейским садом. В доме этого Теппера бывали многие лицеисты. Пушкин был неравнодушен к молодой вдове. Неизвестно, насколько Мария Смит была благосклонна к поэту, но пушкинское послание, ей посвященное, так было нескромно, что эта француженка сочла себя оскорбленной и пожаловалась Энгельгардту. Пушкин в самом деле послание «К молодой вдове» написал в тоне слишком фамильярном и с явными намеками на близость к нему героини, действительную или воображаемую. Любопытно, что сама тема стихотворения о напрасной верности мертвому супругу, который «не придет из вечной тьмы», напоминает косвенно тему «Каменного гостя».

Энгельгардт очень запомнил жалобу француженки, но сама Мария Смит недолго сердилась на пылкого поэта, хотя у нее для того было достаточно оснований, тем более что она ждала ребенка от недавно умершего мужа. Но она перестала сердиться. Марии Смит принадлежит, между прочим, стихотворный ответ на французские куплеты Пушкина – «Quand un poete en son exstase...» («Когда поэт в порыве восторга...»). Однако Энгельгардт не простил Пушкину его нескромности. И на этот раз безупречный в своей гуманности педагог не счел нужным прибегнуть к мерам строгости, но поэт чувствовал, что этот превосходный Егор Антонович считает его, Пушкина, безнадежно падшим в нравственном отношении. И Пушкин не ошибался. В дневнике от 22 марта 1816 года Е. А. Энгельгардт записал по-немецки с полной откровенностью свое близорукое мнение о Пушкине: «Высшая и конечная цель Пушкина – блеснуть, и именно поэзией; но едва ли найдет она у него прочное основание, потому что он боится всякого серьезного учения, и его ум, не имея ни проницательности, ни глубины, совершенно поверхностный французский ум. Это еще самое лучшее, что можно сказать о Пушкине. Его сердце холодно и пусто; в нем нет ни любви, ни религии; может быть, оно так пусто, как еще никогда не бывало юношеское сердце. Нежные и юношеские чувствования унижены в нем воображением, оскверненным всеми эротическими произведениями французской литературы, которые он при поступлении в лицей знал почти наизусть, как достойное приобретение первоначального воспитания».

Однако Энгельгардт усердно приглашал на свои вечера порочного и строптивого поэта, но Пушкин перестал посещать дом директора. Однажды во время рекреаций Энгельгардт подошел к Пушкину, когда тот сидел за своим пультом, и стал его мягко упрекать за его холодность. Почему Пушкин не бывает на семейных вечерах его, Энгельгардта? Почему Пушкин его не любит? Пусть он скажет откровенно причину своей вражды. Пушкин хмурил брови. Но в конце концов он был растроган. Со слезами на глазах он признался Энгельгардту, что был не прав. Директор, утешенный его раскаянием, заключил упрямого поэта в свои объятия. Они расстались, довольные друг другом. Минут через десять Егор Антонович вернулся к Пушкину, желая что-то сказать, но лишь только Энгельгардт вошел, Пушкин поспешно спрятал какую-то бумагу, заметно смутившись. «От друга таиться не следует», – сказал добродетельный Егор Антонович, поднимая доску пульта и доставая бумагу. Там была карикатура на него и под ней злая эпиграмма. «Теперь понимаю, почему вы не желаете бывать у меня в доме», – сказал он спокойно, возвращая поэту его бумагу.

И, тем не менее, Е. А. Энгельгардт не раз пользовался своею властью, чтобы выручать Пушкина из беды. Очевидно, у этого человека были твердые принципы, и он был свободен от пристрастий и антипатий. Так было и тогда, когда случился смешной скандал в коридоре, соединявшем лицей с дворцом. Героем скандала был Пушкин. Неосторожный поэт в полумраке коридора по ошибке обнял однажды фрейлину Волконскую,¹²³ приняв старую девицу за ее хорошенькую горничную Наташу. Фрейлина пожаловалась брату П. М. Волконскому,¹²⁴

1817 г. на торжественном акте по случаю первого выпуска.

¹²³ Волконская Варвара Михайловна (1781–1865) – камер-фрейлина императрицы Елизаветы Алексеевны, сестра П. М. Волконского.

¹²⁴ Волконский Петр Михайлович (1776–1852) – светлейший князь, генерал-адъютант, начальник Главного штаба,

а тот государю. Александр Павлович на другой день, увидев Энгельгардта, сказал ему: «Твои лицеисты не дают прохода фрейлинам моей жены. Что же это будет?..» Энгельгардт объяснил, как было дело, и просил простить Пушкина. Царь смягчился. «Старуха, быть может, была в восторге от ошибки молодого человека», – сказал он, легкомысленно улыбаясь.

И. И. Пущин убеждал Пушкина, что Энгельгардт поступил прекрасно, выручив Пушкина, но тот «никак не признавал этого», уверяя приятеля, что Энгельгардт, в сущности, защищал столько же Пушкина, сколько и самого себя. «Много мы спорили, – рассказывает об этом случае И. И. Пущин. – Для меня оставалось неразрешенной загадкой, почему все внимания директора и жены его отвергались Пушкиным: он никак не хотел видеть его в настоящем свете, избегая всякого сближения с ним. Эта несправедливость Пушкина к Энгельгардту, которого я душою полюбил, сильно меня волновала. Тут крылось что-нибудь, чего он никак не хотел мне сказать...»

III

В добродетельном и благополучном доме Егора Антоновича Энгельгардта Пушкину было скучно; литературные журфиксы в семье барона Теппера де Фергюссона тоже были не очень забавны; не веселее было и в семействе Вельо¹²⁵ или в квартирке добродушного Чирикова; куда интереснее было бывать в доме у Карамзиных, где было чему поучиться и всегда можно было встретить писателей и поэтов... Но и здесь, когда Николаю Михайловичу вздумается заговорить о русской государственности, становится тошно и хочется бежать куда угодно, только бы не видеть этого изящного старика и не слышать его речей во славу самодержавной монархии.

Тогда Пушкин, сговорившись с лицейскими аргусами,¹²⁶ уходил на всю ночь в Софию,¹²⁷ в казармы, к гусарам. Там его встречали с распростертыми объятиями. Там не было постных физиономий и можно было острить и шутить, соперничая с самим Вольтером.

Здесь не смотрели на Пушкина, как на школьника. С ним считались как с поэтом, остряком и вольнодумцем. Царскосельские гусары были, конечно, лихими повесами, и казарменный быт, хмельной и беспутный, был сомнительной опорой для нравственности, но Пушкин предался ему с увлечением.

Все эти молодые люди – Молоствов, Зубов, Сабуров,¹²⁸ Каверин¹²⁹ и другие – нравились Пушкину своим веселым удалством, и иные из них внушали к себе уважение, потому что поэт видел в них участников Отечественной войны. Некоторые из этих гвардейцев совершили заграничный поход и были свидетелями русского триумфа в Париже. Они вернулись в Россию с какими-то надеждами на возрождение отечества и на торжество тех освободительных идей, которые были достоянием европейской либеральной буржуазии.

Пушкин разделял эти надежды. Правда, он не успел еще найти какой-нибудь положительный идеал гражданственности, но зато он твердо знал, что надо бороться с абсолютизмом, клерикализмом, феодализмом... В этом он был уверен. И если он год тому назад написал патриотическую оду «На возвращение государя императора из Парижа в 1815 г.», то теперь он сам стыдится этих официальных стихов. На императора Александра не один Пушкин, но и многие свободомыслящие дворяне возлагали какие-то надежды, но теперь ясно, что эти надежды тщетны.

Декабрист И. Д. Якушкин рассказывает в своих записках, что, когда гвардия вернулась из заграничного похода, он наблюдал в Петербурге торжественный въезд царя. «Наконец, – пишет он, – показался император, предводительствующий гвардейской дивизией, на славном рыжем коне, с обнаженной шпагой, которую уже он готов был опустить перед императрицей... Мы им любовались. Но в самую эту минуту почти перед его лошадью перебежал

¹²⁵ Вельо (Велио) Иосиф (1755–1802) – барон, придворный банкир, родом португалец. Его сын, генерал, впоследствии стал комендантом Царского Села.

¹²⁶ Аргус – в греко-римской мифологии стоглазый великан, приставленный богиней Герою (Юноной) в качестве стража к ее сопернице Ио, обращенной в корову. В переносном значении – бдительный страж.

¹²⁷ София – часть Царского Села, где были расположены гвардейские полки. В 1808 г. присоединена к Сарскому селу (при Петре I – Сарская мыза – от финского слова Сариймойс – верхняя мыза), которое было переименовано в Царское Село.

¹²⁸ Сабуров Яков Иванович (1798–1858) – юнкер в 1817 г., офицер лейб-гвардейского Гусарского полка в 1818–1819 гг. С 1821 г. – отставной поручик. С 1825 г. чиновник канцелярии М. С. Воронцова в Одессе. Обращение к нему «Сабуров, ты оклеветал...» связано с тем, что Пушкин получил от кого-то известие, что Сабуров распространяет о нем порочащие его слухи.

¹²⁹ Каверин Петр Павлович (1794–1855) – в 1810–1811 гг. студент Геттингенского университета, в 1812 г. – служил в московском ополчении поручик лейб-гвардии Гусарского полка (1816–1819). Участвовал в турецкой кампании 1828–1829 гг. и в усмирении польского мятежа. Важное свидетельство близости Пушкина и Каверина – послание «К Каверину» (1817), которое подтверждает, что поэта связывали с ним не только кутежи, но и общие литературные и умственные интересы.

через улицу мужик. Император дал шпоры своей лошади и бросился на бегущего с обнаженной шпагой. Полиция приняла мужика в палки. Мы не верили собственным глазам и отвернулись, стыдясь за любимого нами царя. Это было во мне первое разочарование на его счет...»

Не один Якушкин разочаровался тогда в царе. Приятели Пушкина, лейб-гусары, презирали двусмысленную царскую политику и самого царя. Правда, это гусарское вольномыслие было не очень глубоко, и позднее сам Пушкин вспоминал иронически об этих разговорах «между лафитом и клико».¹³⁰ Тогда еще не входила глубоко в «сердца мятежные наука». Все это было только скука —

Безделье молодых умов,
Забавы взрослых шалунов.

Близость к дворцовой, придворной жизни позволила и молодым гусарам, и лицеистам узнать, между прочим, такие секреты царского быта, какие не могли поддержать в них чувство уважения к императору. Пушкин и другие лицеисты посещали, например, дом барона Вельо и даже волочили за его дочкою Софи, но все знали, что эта самая Софья Осиповна Вельо¹³¹ — наложница Александра Павловича Романова и царь назначает ей свидания в Баболовском дворце.¹³²

Среди вольнодумцев-гусаров выделялся Петр Павлович Каверин. Он был старше Пушкина на пять лет. Этот молодой лейб-гусар был образованный человек. Он учился в «благородном московском пансионе», потом год слушал лекции в Московском университете, а в 1810–1812 годах — в Геттингенском вместе с братьями Тургеневыми. Отечественная война понудила его идти на военную службу. Он участвовал в кампании 1813–1815 годов. В январе одновременно с Чаадаевым он перешел в лейб-гвардии гусарский полк и тогда же познакомился с Пушкиным. У Каверина была репутация отчаянного кутилы. Он поразил воображение и немцев в Гамбурге, и соотечественников в Петербурге. Десятки анекдотов рассказывали про этого молодого человека, отличавшегося, по выражению П. А. Вяземского, «скифскою жаждою». Это не помешало ему быть масоном и обладателем немецкого патента ложи «Золотого циркуля», выданного ему в Геттингене весной 1812 года с удостоверением, что он получил звание мастера.

Каверин был красив, отличался железным здоровьем и заразительной веселостью. Само собою разумеется, что он был покорителем сердец. Одним словом, он не случайно был приятелем Евгения Онегина. На войне он получил золотое оружие «За храбрость»; в мирной обстановке он щеголял изысканностью своего костюма и прекрасными манерами, а в холостой компании — гомерическими кутежами и фантастическими приключениями.

Пушкин посвятил ему катрен:

В нем пунша и войны кипит всегдашний жар,
На Марсовых полях он грозный был воитель,
Друзьям он верный друг, красавицам мучитель,
И всюду он гусар.

¹³⁰ ...«между лафитом и клико». — Здесь и далее цитируются строки из X главы «Евгения Онегина». Лафит — сухое красное вино, которым начинают обед. Клико — шампанское, которым его завершают.

¹³¹ Вельо Софья Осиповна (1793–1840) — дочь придворного банкира, фаворитка Александра I. Впоследствии замужем за генерал-майором Александром Максимовичем Ребиндером.

¹³² Баболовский дворец — Малый царский дворец, находящийся в глубине Царскосельского парка, близ селения Баболово.

За какие-то фамильярные строки, ему посвященные Пушкиным, Каверин обиделся, и поэту пришлось написать ему иное послание:

Забудь, любезный мой Каверин,
Минутной резвости нескромные стихи.
Люблю я первый, будь уверен,
Твои гусарские грехи...

Впоследствии, переделывая эту пьесу, Пушкин утешал его тем, что «ум высокий можно скрыть безумной шалости под легким покрывалом». А в первоначальной редакции та же мысль была высказана более пространно, и поэт уверял приятеля, что «можно дружно жить с стихами, с картами, с Платоном и с бокалом».

В декабре 1825 года, когда опальный Пушкин жил поневоле в Михайловском, Каверин был уже в отставке и скучал в Калужской губернии. На Сенатской площади его не было. Однако он был членом «Союза благоденствия» и в качестве такового просидел некоторое время в Петропавловской крепости. Его, впрочем, освободили, и он был, по официальному выражению, «оставлен без внимания».

Совсем по-иному выделялся из гусарской среды Петр Яковлевич Чаадаев. Он был ровесник Каверина, так же, как он, участвовал в Отечественной войне и побывал с русскими войсками в Париже. Он также был масоном. Его имя имеется в списке петербургской ложи «Соединенных братьев». В 1814 году он был принят в какую-то ложу в Кракове. По его собственным словам, он достиг высокой степени посвящения, кажется, восьмой, и был связан со старинной шведской масонской организацией. Однако уже в 1818 году Чаадаев разочаровался в масонстве. На то у него были серьезные основания. Но в годы его царскосельского знакомства с Пушкиным он еще посещал ложу. Чаадаев познакомился с Пушкиным в доме Карамзина, и поэт был очарован этим не совсем обыкновенным человеком. Тогда еще у Чаадаева не было сложившейся философской системы, и он, как и все вольнодумцы-масоны, исповедовал мирозерцание, которое впоследствии (в письме к своему приятелю декабристу И. Д. Якушкину) сам называл «леденящим душу «деизмом»,¹³³ не идущим дальше сомнений». Однако уже тогда, в 1816–1817 годах для Чаадаева его убеждения вовсе не были «забавою взрослого шалуна». Петр Яковлевич Чаадаев хотя и был «вторым Евгением» и так же, как этот денди, очень был озабочен тем впечатлением, какое он производит в салонах, однако было в нем и нечто иное, и Пушкин понял серьезность и глубину этого всегда трезвого человека. За блестящей внешностью гвардейца таилась какая-то особая жизнь, к которой с любопытством и вниманием приглядывался юный Пушкин. Поэту с достаточным основанием приписывают четверостишие, посвященное Чаадаеву:

Он вышней волею небес
Рожден в оковах службы царской.
Он в Риме был бы Брут в Афинах, Периклес,
А здесь он офицер гусарский.

Пушкин, быть может, не совсем удачно старался угадать возможную биографию Чаадаева, но во всяком случае правильно почувствовал, что этот красавец, надменный, холодный, спокойный, самоуверенный и всегда как будто несколько задумчивый и печальный,

¹³³ Деизм – религиозно-философское учение, допускающее существование Бога лишь как первопричины мира и отрицающее существование Бога как личности и его вмешательство в самодвижение природы (т. е. «промысел божий») и не допускающее иных путей к познанию Бога, кроме разума. Деизм сыграл значительную роль в развитии свободомыслия.

оказался в «оковах службы царской» как-то не на своем месте, и в иных исторических условиях пришлось бы ему выбрать для себя совсем иной жизненный путь.

О чем этот философствующий гусар беседовал с юным поэтом? Темы этих бесед у нас не вызывают никаких сомнений. У нас есть признания самого Пушкина, который посвятил Чаадаеву три послания, если не считать пьесы «К моей чернильнице», которая, в сущности, есть четвертое послание ему же. Вероятно, в 1818 году поэт признается, что «нетерпеливою душой» они оба «отчизны внемлют призыванье»: они жаждут «минуты вольности святой». Молодые люди «свободою горят»:

Товарищ, верь: взойдет она,
Звезда пленительного счастья.
Россия вспрянет ото сна,
И на обломках самовластья
Напишут наши имена!

Итак, очевидно, что разговоры шли о сокрушении самодержавия прежде всего. Само собою разумеется, что вопрос о крепостном праве также разрешался в либеральном смысле. Весь круг тогдашних идей, которые характерны для декабристов, был, конечно, очень близок и Чаадаеву, и Пушкину в первые годы их дружбы. Второе послание «К чему холодные сомненья...», хотя и загадочно несколько относительно времени написания и даже относительно истории самого текста, всецело подтверждает, однако, признания первого послания. Правда, теперь в сердце поэта, «бурями смиренном», иные настроения, но он очень помнит, как «с восторгом молодым» он делил дружбу с Чаадаевым. Но «молодые восторги» и мечты о борьбе с самодержавием были свойственны тогда многим образованным дворянам, недовольным сложившимися для них неблагоприятно историческими условиями. Иное дело Чаадаев. У него было какое-то своеобразное отношение к России и к освободительным идеям эпохи. Чаадаев не просто увлекался политическим вольнодумством. Он искал цельного мирозерцания. Он искал какого-то высшего смысла в истории. В те юные годы у него еще не сложилась оригинальная и последовательная философская система, но он уже искал ее и требовал от Пушкина участия в этих исканиях. Менее всего юный поэт был подходящим человеком для какой-либо философской системы. Всякое отвлеченное мышление было чуждо пушкинской натуре, но живую личность Чаадаева со всей его искренней жаждой узнать истину поэт чувствовал и любил. В третьем послании 1821 года, «В стране, где я забыл тревоги прежних лет...», Пушкин дает отчет другу в своих новых настроениях и трудах. Теперь он хочет следовать его советам «и в просвещении стать с веком наравне». Поэт мечтает опять встретиться с Чаадаевым:

Когда услышу я сердечный твой привет?
Как обниму тебя! Увижу кабинет.
Где ты всегда мудрец, а иногда мечтатель
И ветреной толпы бесстрастный наблюдатель;
Приду, приду я вновь, мой милый домосед,
С тобою вспоминать беседы прежних лет,
Младые вечера, пророческие споры,
Знакомых мертвецов живые разговоры;
Поспорим, перечтем, посудим, побраним,
Вольнолюбивые надежды оживим...

Если Пушкин угадал в Чаадаеве идейную силу и душевную значительность, то и Чаадаев, в свою очередь, поверил один из первых в гениальность поэта. Но его уже и тогда, в годы их царскосельских встреч, смущало непонятное ему равнодушие Пушкина к теоретическому мышлению. Чаадаеву казалось, что его долг руководить этим капризным умом. И хотя, в сущности, он сам не нашел еще тогда своего нового положительного слова, но он все-таки чувствовал себя идейно вооруженным и верил, что само «провидение» соединило его с поэтом. И позднее, когда их пути разошлись, Чаадаев издали ревниво следил за судьбою Пушкина.

Здесь, у Чаадаева, познакомился Пушкин с шестнадцатилетним мальчиком Николаем Николаевичем Раевским¹³⁴ и подружился с ним. Умный и даровитый Раевский, младший сын известного героя 1812 года, не был кутилою. Его дружба с поэтом была прочной и значительной. Пушкин ценил ее.

Весною 1817 года по каким-то соображениям решено было досрочно назначить выпускные экзамены и выдать двадцати девяти лицеистам их дипломы. Пушкин как раз в эти последние месяцы учился очень небрежно и даже по русскому языку получил худую отметку. Ему было не до того. Он делил свое время между умным Чаадаевым и беспутными его товарищами по гусарским казармам в Софии. Было, впрочем, у него и одно важное дело. Он обдумывал и уже начал писать большую сказку-поэму «Руслан и Людмила». Экзаменов лицеисты не боялись. Педагоги, заинтересованные в том, чтобы их питомцы не ударили в грязь лицом, заранее открыли все секреты экзаменов и даже распределили между лицеистами темы, на которые они должны были отвечать. Пушкин тоже не боялся экзаменов, но у него была другая забота. Еще в марте он начал сочинять стихи, которым, вероятно, придавал немалое значение. Очень может быть, что сам Энгельгардт предложил ему тему. Это была опасная тема. Юный поэт решил написать нечто о безверии. Мы теперь знаем, что добродетельный Егор Антонович в своей немецкой записке со свойственной ему прямолинейностью отметил, что у Пушкина «французский ум», что «его сердце холодно и пусто», что в нем «нет ни любви, ни религии». И вот теперь этот высоконравственный педагог как будто захотел испытать поэта еще раз и выслушать от него его последнее признание... Возможно, однако, что Пушкин и сам выбрал эту рискованную тему; возможно, что ему захотелось на прощанье дать какое-то объяснение этому своему моральному обличителю и строгому судье. Первые строки стихотворения как будто непосредственно обращены к Энгельгардту:

О вы, которые с язвительным упреком,
Считая мрачное безверие пороком,
Бежите в ужасе того, кто с первых лет
Безумно погасил отрадный сердцу свет;
Смирите гордости жестокой исступленье...¹³⁵

Если бы поэт отнесся к своей задаче официально, как он это сделал, когда ему пришлось писать стихи по поводу бракосочетания принца Оранского, до которого ему не было никакого дела, он бы совсем иначе написал свое «Безверие». Нет, на этот раз Пушкин со всею искренностью ведет полемику со своими обличителями:

Смирите гордости жестокой исступленье...

¹³⁴ Раевский Николай Николаевич (1801–1843) – младший сын генерала Н. Н. Раевского, командир Нижегородского драгунского полка; 1826–1829), генерал-лейтенант.

¹³⁵ Из стих. «Безверие» (1817).

Его строгие судьи оказываются теперь в роли подсудимых. Поэт сам их обличает. Он вовсе не приносит покаяние. Напротив, он с полной откровенностью рассказывает о душевном состоянии того, чей «ум ищет божества, а сердце не находит».

Этот не совсем обычный афоризм через четыре года Пушкин записал в своем кишиневском дневнике: «Сердцем я материалист, но мой разум с этим не мирится». Пушкин записал эти слова Пестеля – «умного человека во всем смысле этого слова».

Восемнадцатилетний Пушкин в «Безверии» нисколько не отказывается от своего безбожия. Он только утверждает, что оно еще не обеспечивает человеку оптимистического взгляда на мир. Это мысль в духе Чаадаева. Безверие – безотрадно. Что это сказано не в угоду начальству, видно из того, что в известном письме 1824 года, перехваченном жандармами, Пушкин повторяет ту же мысль об атеизме, «системе не столь утешительной, как обыкновенно думают, но, к несчастью, более всего правдоподобной». То, что можно было сказать безнаказанно на экзамене в 1817 году, через семь лет оказалось преступным в глазах николаевского правительства.

Неизвестно, понял ли Е. А. Энгельгардт горький сарказм Пушкина. Кстати сказать, этот строгий моралист, обвинявший Пушкина в том, что у него в сердце нет религии, сам был, по свидетельству одного из его учеников, человеком неверующим. Это очень похоже на истину, ибо хотя Егор Антонович и построил в Царском Селе кирху на деньги, отчасти собранные из масонских лож и отчасти полученные им на это дело из русской казны, но вся его кисло-сладкая религия сводилась к очень жалкому рационализму. И в «безбожии» юного Пушкина было в тысячу раз больше положительного отношения к бытию, чем в этой худосочной «религии сердца» благочестивого лифляндского дворянина.

Экзамены, состоявшиеся 17 мая, прошли совсем не торжественно. Также очень скромно прошел и акт, на коем присутствовал Александр Павлович Романов в сопровождении маленького А. Н. Голицына, заменившего теперь на посту министра народного просвещения графа А. К. Разумовского. Это был тот самый Голицын, который, утомившись развратом, находил теперь приятность в навязывании российским гражданам самого темного и тупенького мистицизма.

Итак, 9 июня на выпускной акт пришел в лицей император, который в 1811 году основал это учебное заведение, но потом в течение шести лет не удосужился ни разу поговорить ни с одним из юношей и ни разу даже не зашел в здание лицея. Лицеисты видели царя только в аллеях парка, когда он пробирался к своей любовнице Вильо.

После акта он вдруг решил осмотреть дортуары.¹³⁶ Этого царского каприза никто не ждал, и смущенный Е. А. Энгельгардт водил царя по лицейю, где в беспорядке валялись повсюду баулы и дорожные корзины лицеистов, которые в тот же вечер спешили разъехаться по домам.

Пушкин получил диплом, в коем было сказано, что он обучался шесть лет в лицее закону Божию, священной истории, логике, нравственной философии, праву естественному, частному и публичному, а также российскому гражданскому и уголовному праву, и оказал во всех этих предметах успехи хорошие. Превосходные успехи он оказал в трех предметах: в словесности французской, русской и фехтовании. Перечислены были еще и многие другие предметы, которыми он «сверх того занимался».

Из 29 воспитанников по успехам в науках Пушкин оказался девятнадцатым и был выпущен с чином десятого класса¹³⁷ и определен в Коллегию иностранных дел с жалованьем в 700 рублей ассигнациями.

¹³⁶ Дортуар – общая спальня в закрытом учебном заведении.

¹³⁷ Чин 10 класса – в Гражданской табели о рангах соответствовал губернскому секретарю. Поступив на службу в 1831 г., Пушкин получил чин титулярного советника: 9-й класс).

В прощальном послании к товарищам Пушкин писал:

Равны мне писари, уланы.
Равны законы, кивера.
Не рвусь я грудью в капитаны
И не ползу в ассессора;
Друзья! немного снисхожденья —
Оставьте красный мне колпак...

Очевидно, Пушкин намекал на якобинский колпак, который считал самой подходящей эмблемой для своей новой жизни. Поэт, однако, не без грусти покидал свое царскосельское жилище. В послании Горчакову он как будто предчувствует, что его жизнь будет нелегкой и несчастливой:

Мне кажется: на жизненном пиру
Один с тоской явлюсь я, гость угрюмый
Явлюсь на час – и одинок умру...

Пушкин трогательно прощался с товарищами юных лет. В послании к Кюхельбекеру он дает обещание верности:

Святому братству верен я!

И в самом деле, всю жизнь поэт добром поминал лицейскую годовщину. В пьесе «19 октября» 1825 года он поминает не только товарищей, но и лицейских учителей:

Наставникам, хранившим юность нашу,
Всею честью, и мертвым и живым,
К устам подъяв признательную чашу,
Не помня зла, за благо воздадим...

Итак, юность кончилась. На случайно уцелевшем клочке автобиографических записок Пушкина имеются следующие строки: «Вышед из Лицея, я почти тотчас уехал в псковскую деревню моей матери. Помню, как обрадовался сельской жизни, русской бане, клубнике и проч., но все это нравилось мне недолго. Я любил и доньше люблю шум и толпу...»

Глава четвертая В Петербурге 1817–1820 годов

I

В Михайловском Пушкин познакомился с обитательницами Тригорского, соседней усадьбы, где хозяйничала П. А. Осипова,¹³⁸ окруженная целым роем девочек и девиц. Через семь лет поэту суждено было в деревенском заточении делить досуги с этой семьей и ухаживать поочередно почти за всеми влюбленными в него девицами. Но в 1817 году ему было не до сельских романов. Его манил Петербург. Кроме Тригорского посетил он еще Петровское, где жил брат его деда, генерал Петр Абрамович Ганнибал,¹³⁹ который, утомленный старостью и бурными страстями, находил теперь утешение в искусном приготовлении разнообразных водок и настоек. «Подали водку, – рассказывал впоследствии Пушкин про эту встречу, – налив рюмку себе, велел он и мне поднести, я не поморщился – и тем, казалось, чрезвычайно одолжил старого арапа. Через четверть часа он опять попросил водки и повторил это раз пять или шесть до обеда...» Побывал Пушкин и у другого своего родственника, Павла Исааковича Ганнибала,¹⁴⁰ который принял его радушно и понравился поэту веселым своим нравом, что будто бы не помешало ему вызвать старика на дуэль за то, что он отбил у него какую-то девицу во время котильона на деревенском балу. Дуэль, впрочем, не состоялась, потому что Ганнибал насмешил своего строптивого родственника экспромтом:

Хоть ты, Саша, среди бала
Вызвал Павла Ганнибала,
Но ей-богу, Ганнибал
Ссорой не подгадит бал.

Этот анекдот очень похож на истину.

В конце августа, не используя для деревенской идиллии двухмесячного отпуска, Пушкин вернулся в Петербург. Ему пришлось жить в доме родителей. Пушкины нанимали второй этаж в доме Клокачева, на Фонтанке, близ Калинкина моста, а в первом этаже обитало семейство барона Корфа. И этот Корф в своей записке брезгливо рассказывает: «Дом их представлял всегда какой-то хаос: в одной комнате богатые старинные мебели, в другой пустые стены, даже без стульев; многочисленная, но оборванная и пьяная дворня; ветхие рыдваны с тощими клячами, пышные дамские наряды и вечный недостаток во всем, начиная от денег и до последнего стакана. Когда у них обедало человека два-три лишних, то всегда присылали к нам за приборами». Немудрено, что Пушкин, познакомившись с Катениным, не приглашал его к себе; самолюбивому и мнительному Павлу Александровичу казалось это непонятным. Пушкин вообще никого не приглашал к себе и не мог приглашать. В доме

¹³⁸ Осипова Прасковья Александровна (1781–1859, урожд. Вындомская) – помещица села Тригорского. В первом браке была за Николаем Ивановичем Вульфом (1771–1813), от которого имела пятерых детей; вторично вышла замуж за статского советника Ивана Сафоновича Осипова (? – 1824) и имела от него двух дочерей. Образованностью и начитанностью выделялась из среды провинциального дворянства. Бывая в Михайловском, Пушкин пользовался ее библиотекой.

¹³⁹ Ганнибал Петр Абрамович (1742–1826) – генерал-лейтенант с 1783 г. Долгое время находился под судом за растрату артиллерийских снарядов. Владел с. Петровским, около с. Михайловского, где его посетил Пушкин.

¹⁴⁰ Ганнибал Павел Исаакович (ок. 1776 – до 1841) – родственник Пушкина со стороны матери, участник Отечественной войны. Причастен к движению декабристов.

Пушкиных быт в самом деле был очень странный. Сергей Львович Пушкин в своей скупости перешел какие-то пределы пристойности. Даже своему любимому Левушке он делал серьезные выговоры, если тому случалось разбить рюмку. Пушкин с горечью вспоминал в 1823 году, как отец упрекал его, когда он, больной, в осеннюю грязь или в трескучие морозы брал извозчика от Аничкова моста за восемьдесят копеек. С. А. Соболевский¹⁴¹ рассказывал, как Пушкину приходилось упрашивать, чтобы ему купили бывшие тогда в моде бальные башмаки с пряжками, и как Сергей Львович предлагал ему свои старые, времен императора Павла. Поэт находил, впрочем, случаи для того, чтобы дразнить своего батюшку за скупость. Однажды Пушкину случилось кататься на лодке в обществе, в котором находился и Сергей Львович. Погода стояла тихая, а вода была так прозрачна, что можно было видеть речное дно. Пушкин вынул несколько золотых монет и одну за другою стал бросать в воду, любуясь их блеском в лучах солнца.

Пушкин был беспечен. Это возмущало Сергея Львовича, хотя он сам несколько не был склонен обременять себя заботами и делами. Семисот рублей жалованья Пушкину, конечно, не хватало на его тогдашнюю жизнь. Заработка литературного еще не было. И вот, несмотря на такую нищету, Пушкин предался светской жизни и разгулу, который обращал на себя внимание. Откуда он брал средства для такого образа жизни? По-видимому, он пировал у своих многочисленных приятелей, не считая себя обязанным в свою очередь устраивать пиры для этих «друзей Вакха и Киприды».¹⁴² В этом отношении он не мог, конечно, соперничать ни с Н. В. Всеволожским,¹⁴³ ни с В. В. Энгельгардтом,¹⁴⁴ ни с десятками других своих друзей и поклонников. Зато он «музу резвую привел на шум пиров и буйных споров».

И к ним в безумные пиры
Она несла свои дары
И как вакханочка резвилась,
За чашей пела для гостей.
И молодежь минувших дней
За нею буйно волочилась...

Пушкин гордился своей «ветреной подругой», но, конечно, она была его спутницей не только во время поездок на «остров Цитеры»¹⁴⁵ или при жертвах вечно юному Бахусу. За видимым разгулом таилась иная жизнь. Но поэт не любил откровенничать и предпочитал репутацию беспечного гуляки. Старшие его друзья были обеспокоены его судьбой. А. И. Тургенев жалуется в ноябре 1817 года Жуковскому: «Пушкина-Сверчка я ежедневно браню за его леность и нерадение о собственном образовании. К этому присоединились и вкус к площадному волокитству, и вольнодумство, также площадное, восемнадцатого столетия. Где же пища для поэта? Между тем он разоряется на мелкой монете. Пожури его». Вздыхал и Е. А. Энгельгардт, до которого доходили слухи о кутежах Пушкина: «Ах, если бы бездельник этот захотел учиться, он был бы человеком выдающимся в нашей литературе...»

¹⁴¹ Соболевский Сергей Александрович (1803–1870) – библиофил и библиограф, учился вместе с братом Пушкина Львом в Петербургском университетском благородном пансионе. Принимал активное участие в устройстве денежных дел поэта.

¹⁴² Киприда – имя Афродиты (по острову Кипру, около которого, согласно мифу, она родилась из пены морской).

¹⁴³ Всеволожский Никита Всеволодович (1799–1862) – богатый помещик, владелец рыбных промыслов, табачных и рисовых плантаций и виноградников. Основатель общества «Зеленая лампа», театрал, переводил пьесы, любитель музыки и певец.

¹⁴⁴ Энгельгардт Василий Васильевич (1785–1837) – внучатый племянник Потемкина-Таврического, известный петербургский богач. Имел доходные дома с приспособленными для публичных концертов, балов залами.

¹⁴⁵ Цитера – то же, что Афродита, Киприда.

Проходит несколько месяцев, и Тургенев опять жалуется на Пушкина в письме к Вяземскому: «Пушкин по утрам рассказывает Жуковскому, где он всю ночь не спал, целый день делает визиты б...м, мне и кн. Голицыной,¹⁴⁶ а ввечеру иногда играет в банк¹⁴⁷...» Даже К. Н. Батюшков стал беспокоиться и предлагал отправить Пушкина в Геттинген и «кормить года три молочным супом и логикой»... Авось тогда образумится.

Впрочем, если бы у нас не было этих свидетельств о беспутном поведении Пушкина, мы знали бы о всех его слабостях из его собственных признаний. Вскоре после лица он в концовке остроумного послания А. И. Тургеневу объявил, что «поэма никогда не стоит улыбки сладострастных уст». Этот афоризм стал его девизом, по крайней мере в трехлетие его петербургской жизни до высылки на Юг. Однако, как бы он ни бравировал своим пристрастием к радостям «общедоступной Афродиты», на самом деле он свято хранил в сердце иные радости. В послании к Жуковскому («Когда к мечтательному миру...») он признается старшему другу:

Блажен, кто знает сладострастье
Высоких мыслей и стихов!..

Об этом, конечно, он не станет говорить ни Мансурову,¹⁴⁸ ни Юрьеву,¹⁴⁹ ни Щербинину.¹⁵⁰ С уланом Юрьевым он будет болтать о ветреных Лаисах¹⁵¹ и об его усах, попутно сообщая, что он, поэт, «потомок негров безобразный», нравится этим самым Лаисам «бесстыдным бешенством желаний». С красавцем и богачом Щербининым он будет вспоминать о том, как они вином душистым запивали «жирный страсбургский пирог», а Мансурову напишет такое письмо, очевидно, сохраняя стиль своих с ним бесед, что его воспроизвести в печати полностью никак нельзя по непристойности выражений.

Ссылаться на эпоху и тем оправдывать поведение Пушкина тех годов едва ли следует. После веселого вечера у Каверина, который пригласил к себе свою подругу «для удовлетворения плотских желаний», по его выражению, Пушкин пишет:

Мы пили – и Венера с нами
Сидела, преля за столом.
Когда ж вновь сядем вчетвером
С б-ми, вином и чубуками?

Но не вся эпоха заполнена была этим распутством. Были ведь тогда не только Юрьевы и Мансуровы, но и Жуковские, Раевские и Чаадаевы. Да и сам Пушкин прекрасно понимал уже тогда, какова цена всем этим гусарским «радостям». И едва ли он искренен, когда уверяет приятелей, что «молодость и счастье» – в хмельном разгуле:

Здорово, молодость и счастье,

¹⁴⁶ Голицына Евдокия Ивановна (1780–1850, урожд. Измайлова) – княгиня, жена вельможи Сергея Михайловича Голицына (1774–1859), попечителя Московского учебного округа, председателя Московского цензурного комитета.

¹⁴⁷ Карточная игра.

¹⁴⁸ Мансуров Павел Борисович (1795 – ок. 1880) – с 1824 г. штабс-капитан лейб-гвардейского Драгунского полка, впоследствии чиновник Министерства финансов, действительный тайный советник.

¹⁴⁹ Юрьев Федор Филиппович (1796–1860) – участник военных походов 1813–1815 гг. С 1835 г. служил по Министерству внутренних дел, затем по Министерству финансов, действительный статский советник.

¹⁵⁰ Щербинин Михаил Андреевич (1793–1841) – участник войны 1812 г., впоследствии помещик в Харьковской губернии.

¹⁵¹ Лаиса (V в. до н. э.) – известная своей красотой греческая гетера, жившая в Коринфе. Ее имя стало нарицательным для обозначения продажной женщины.

Застольный кубок и бордель,
Где с громким смехом сладострастье
Ведет нас пьяных на постель.

Написал же он незадолго до этих легкомысленных стихов пьесу «Прелестнице», где у него «невольный хлад негодованья» в каждой ямбической строчке:

Не привлечешь питомца музыки
Ты на предательскую грудь.
Неси другим наемны узы,
Своей любви постыдный торг,
Корысти хладные лобзанья
И принужденные желанья,
И златом купленный восторг!

Пушкин и в эти годы отлично понимал, что поверхностная философия какого-нибудь Кривцова¹⁵² немногого стоит, понимал – и все же писал ему сочувственные стихи. В чем же тайна этих противоречий? Ее разгадать не так уж трудно, если представить себе восемнадцатилетнего Пушкина и припомнить его отроческие годы, его семью, его педагогов, тогдашний дворянский быт и его африканскую натуру.

Вся чувственность его предков, все темные их страсти бушевали в «маленьком» Пушкине. К тому же эти страсти были не в хилом теле, как это иногда бывает. Пушкин был юноша здоровый, крепкий, мускулистый, гибкий. Он был гимнаст. Он славился как неутомимый ходок пешком. Он умел и любил плавать. Смело ездил верхом, хотя позднее кавалеристы подсмеивались над его приемами наездника. Он отлично дрался на эспадронах.¹⁵³ Известный фехтовальный учитель Вальвиль¹⁵⁴ считал его лучшим своим учеником.

Здоровый и страстный, он жадно искал чувственных наслаждений – и что могло тогда остановить его на этих сомнительных путях? Сухой и бесплодный морализм Е. А. Энгельгардта мог только вызвать иронию у такого «вольтерьянца», каким был юный Пушкин. «Религия сердца» сентиментального Жуковского могла только забавлять его своей наивностью. Та социальная среда, в коей он вращался, была вся на ущербе, и «дворянская распущенность нравов» всецело поддерживала его чувственные пристрастия. Французская поэзия, почти вся эротическая и нередко скабрзная, давно уж развратила его воображение. Тщетно Чаадаев пытался внушить своему другу какие-то начала нравственности: у самого Петра Яковлевича в эти годы не было еще цельного мировоззрения, и ему не удалось победить веселый скепсис юного эпикурейца.

Надо удивляться не тому, что Пушкин предавался кутежам и не брезговал альковами Лаис, а тому, что в эти годы уже возникали в его душе серьезные замыслы, что чудесно зрел его поэтический дар и что он среди любовных и чувственных приключений находил время для упорного труда над своей поэмой «Руслан и Людмила».

Но как ни крепок был организм Александра Сергеевича Пушкина, кутежи и альковные увлечения должны были подорвать его здоровье. Январь и февраль 1818 года поэт прикован был к постели. Он воспользовался невольным уединением и усердно работал над своей поэ-

¹⁵² Кривцов Николай Иванович (1791–1843) – брат декабриста С. И. Кривцова, участник войны 1812 г. В 1818–1819 гг. служил в русском посольстве в Лондоне.

¹⁵³ Эспадрон – спортивная сабля с клинком.

¹⁵⁴ Вальвиль Александр Александрович (ум. после 1850) – учитель фехтования в Царскосельском лицее.

мой. «Если бы еще два или три... так и дело в шляпе, – писал А. И. Тургенев Вяземскому 18 декабря 1818 года. – Первая... болезнь была и первою кормилицею его поэмы».

В феврале 1819 года Пушкин опять болен. «Венера пригвоздила Пушкина к постели и к поэме», – считает своим долгом сообщить Тургенев тому же Вяземскому. В середине июня Пушкин снова лежал больной. На этот раз у него была «горячка». Жизнь его подвергалась серьезной опасности. «Пушкин очень болен, – пишет Тургенев Вяземскому. – Он простудился у дверей одной... которая не пускала его в дождь к себе, для того чтобы не заразить его своей болезнью. Какая борьба благородства, любви и распутства!» Этот или подобный случай дал поэту повод написать пьесу «Ольга, крестница Киприды...»¹⁵⁵ Однажды, когда Пушкин лежал так, прикованный к постели недугом, к нему в квартиру проникла некая веселая дама, переодетая гусаром. Поэт посвятил приключению стихотворение «Выздоровление» («Тебя ль я видел, милый друг?»).

¹⁵⁵ «Ольга, крестница Киприды...» – первая строка стих. «О. Массон» (1819). Ольга Массон (1796 – не ранее 1830-х) – дочь Ш. Ф. Ф. Массона-младшего (1762–1807), уроженца Женевы, секретаря великого князя Александра Павловича, одна из дам «полусвета».

II

Борьба «Арзамаса» с Шишковым, Шаховским и прочими ревнителями «Беседы» к тому времени, когда Пушкин покинул царскосельское заточение, утратила уже свою остроту. Юного поэта приняли «арзамасцы» с распростертыми объятиями, и он произнес вступительную речь в шестистопных ямбах. Он получил прозвище Сверчок. Его присутствие только на одно мгновение оживило это пережившее себя общество. На «протесте» не построишь прочного здания. Пока «Арзамас» протестовал против анекдотических крайностей поэтики Шишкова, против реставрации славянского языка, против казенного и хвастливого национализма, казалось, что в деятельности «Арзамаса» есть свой смысл, что он защищает свою идею. Но когда «Беседа» зачахла, с нею вместе стал угасать и «Арзамас». Не было повода для протеста, а своей самостоятельной идеи, новой и сильной, в «Арзамасе» не оказалось вовсе. Если в «Арзамасе» не было серьезной и оригинальной эстетической идеи, то еще менее можно в нем усматривать какой-нибудь социальный противовес реакционной «Беседе». Вряд ли в чопорной «Беседе» надо видеть оплот «вельможной» феодально-аристократической группы, а в «Арзамасе» искать либерально-шляхетскую мелкопоместную оппозицию. Вся эта борьба шла в другом плане, на других путях. Катенин, Грибоедов, Кюхельбекер вовсе не были «вельможами», однако они свою литературную судьбу связали с идеями, довольно близкими теории Шишкова. Да и сам Пушкин только в лицее, будучи мальчиком, «протестовал» против «Беседы» и считал себя «арзамасцем», а после школьного задора довольно трезво отнесся к этой буре в стакане воды. Недаром он пришел к Катенину и, подав палку, сказал: «Я пришел к вам, как Диоген к Антисфену: побей, но выучи», на что образованный джентльмен ответил: «Ученого учить портить». Катенин был противником «Арзамаса», но он был одним из видных участников политической оппозиции как раз в эпоху перестройки «Союза спасения» и организации «Военного союза», впрочем, недолго существовавшего. Пушкин уважал Катенина как политически независимого человека и ценил в нем его образованность и ум. Поэт даже прощал ему его смешное самолюбие. Воспоминания самого Катенина свидетельствуют о забавном непонимании мемуаристом своего скромного места в литературе. Но Пушкин, при всем своем уважении к заслугам Катенина, прекрасно видел и его слабости. В черновике письма к Вяземскому, незадолго до своего вынужденного путешествия на Юг, Пушкин дал Катенину лаконичную, но блестящую характеристику: «Он опоздал родиться – не идеями (которых у него нет), – но характером принадлежит он к восемнадцатому столетию: та же авторская мелкость и гордость, те же литературные интриги и сплетни. Мы все по большей части привыкли смотреть на поэзию, как на записную прелестницу, к которой заходим иногда поврать и поповесничать, без всякой душевной привязанности и вовсе не уважая опасных ее прелестей. Катенин, напротив того, приезжает к ней в башмаках и напудренный и просиживает у нее целую жизнь с платонической любовью, благоговеньем и важностью...»

И вот, несмотря на несколько комическую важность этого, по рассказу Вигеля,¹⁵⁶ «круглолицего, полнощекого и румяного, как херувим на вербе», маленького офицера с ядовито-насмешливой улыбкой на губах, Пушкин поддерживал с ним дружелюбные связи, как будто подчеркивая этим свой литературный нейтралитет. Вероятно, с другой стороны, это желание подчеркнуть свою поэтическую самостоятельность, а не простое озорство, заста-

¹⁵⁶ Вигель Филипп Филиппович (1786–1856) – чиновник московского архива Коллегии иностранных дел. Познакомился с Пушкиным в 1817–1818 г. и близко сошелся с ним в Одессе. К нему обращено стихотворение «Из письма к Вигелю» («Проклятый город Кишинев», 1823). Пушкин ценил «занимательный и дельный» разговор Вигеля, кончающийся всегда, однако, «толками о мужеложстве». Он оставил написанные остроумно, но зачастую весьма пристрастные, «Записки».

вило Пушкина написать пародийную шутку «Послушай, дедушка...» и строки из четвертой песни «Руслана и Людмилы», посвященные «Северному Орфею»,¹⁵⁷ где он «лиру музы своенравной во лжи прелестной обличает». Эта дружеская полемика с Жуковским, так же, как и эпиграмма на Карамзина, доказывают независимость молодого Пушкина от вождей «Арзамаса».

По своему составу «Арзамас» был слишком разнообразен. Одним из его руководителей был Д. Н. Блудов, автор литературного памфлета «Видение в Арзамасском трактире», направленного против А. А. Шаховского за его сатирические намеки на Жуковского в комедии «Урок кокеткам, или Липецкие воды». В 1811 году Блудов мог импонировать Пушкину, когда поэт, будучи двенадцатилетним мальчиком, видел его у дядюшки Василия Львовича, но теперь, в 1817–1818 годах остроумие этого барина едва ли казалось Пушкину значительным. Сомнительный либерализм Д. Н. Блудова также не мог внушить поэту настоящего сочувствия. Его позднейшая бюрократическая карьера после расправы с декабристами всем известна. Впрочем, Блудов на последних заседаниях уже не присутствовал. Д. В. Дашков, также впоследствии занимавший не последнее место в правительстве Николая I, казавшийся еще недавно остроумным адвокатом «Арзамаса», никак не мог увлечь Пушкина. Читая теперь письмо Д. В. Дашкова в уцелевших до наших дней протоколах «Арзамаса», трудно себе представить, как эта скучнейшая полемическая болтовня и плоские шутки могли занимать умы взрослых и неглупых людей. Впрочем, не только выступления Дашкова, но и все прочие выступления господ «арзамасцев» для нас теперь не представляют ни малейшего интереса, и мы можем знакомиться с ними из любопытства исторического. Все эти арзамасские разговоры с намеками и аллегориями чрезвычайно водянисты и бессодержательны. В 1817 году Пушкину все это было не нужно и скучно. Не нужен ему был и С. С. Уваров, будущий министр народного просвещения и президент Академии наук, впоследствии непримиримый враг Пушкина и, быть может, один из руководителей убийственной травли, направленной против поэта. Таково было «правое» крыло «Арзамаса». Центр был представлен В. А. Жуковским, А. И. Тургеневым, П. А. Вяземским и другими. Но вот пришли «левые» – будущие декабристы Н. И. Тургенев, Никита Муравьев и М. Ф. Орлов. Эти «левые» докончили «Арзамас». Они так неловко и нескладно захотели его приспособить к интересам тайных обществ, что из этой попытки ничего не вышло. «Арзамас» кончился. Он сыграл свою роль в литературном воспитании Пушкина в школьные лицейские его годы, но и тогда едва ли влияние его было плодотворно. Один только Жуковский умел в литературе шутить и дурачиться забавно, с ребяческой искренностью, но для этого не было надобности сооружать целое общество, да и самые шутки Жуковского были уже неуместны. Русскому обществу вообще было уже не до шуток. Все ждали с тревогой какого-то политического кризиса. Наиболее просвещенные и умные дворяне сознавали необходимость освобождения крестьян, страшась новой «пугачевщины». Двусмысленность политики Александра I всех раздражала. И беспокойные умы торопили события, организуя тайные общества и ведя открытую пропаганду либеральных идей. Одним из самых заметных выразителей этих настроений стал Александр Сергеевич Пушкин.

¹⁵⁷ Так называли В. А. Жуковского.

III

Пушкин часто бывал у братьев Тургеневых. Они жили на Фонтанке. Из их окон виден был Михайловский замок, этот удивительный памятник павловской эпохи, созданный зодчим Бренна по замыслу сумасшедшего императора и по плану архитектора-масона Баженова. Пушкин при взгляде на этот мрачный замок всегда вспоминал еще в детстве запавшие ему в душу рассказы об убийстве Павла. Вигель в своих мемуарах уверяет, что будто бы кто-то из вольнодумцев, смотря однажды в окно на пустой, брошенный дворец, предложил Пушкину написать на него стихи.

Пушкин «гибкостью членов, быстротою телодвижений, – рассказывает Вигель, – несколько походил на негров и на человекоподобных жителей Африки. С этим проворством вдруг вскочил он на большой и длинный стол, стоявший перед окном, растянулся на нем, схватил перо и бумагу и со смехом принялся писать».

Рассказ Вигеля не совсем точен. Злому насмешнику хотелось изобразить создание «Вольности» как прихоть юного поэта, пожелавшего угодить вкусам свободомыслящих дворян. Однако это стихотворение стало событием в тогдашней политической жизни и в биографии самого Пушкина. «Вольность» разошлась во множестве списков, и будущие декабристы пользовались этими стихами для целей пропаганды. Ода «Вольность» вовсе не была пьесой революционной. Напротив, поэт с ужасом и неприязнью рассказывает в своей оде о казни Людовика и об убийстве Павла. Гильотина якобинцев ему кажется «преступной секирой», «кровавой плахой Вероломства», тем менее внушают поэту симпатии пьяные убийцы «в лентах и в звездах», задушившие Павла. У этих убийц «на лицах дерзость, в сердце страх...».

Молчит неверный часовой,
Опущен молча мост подъемный,
Врата отверсты в тьме ночной
Рукой предательства наемной...
О стыд! о ужас наших дней!
Как звери, вторглись янычары!..
Падут бесславные удары...
Погиб увенчанный злодей.

И, однако, жертвы этой «преступной секиры» были увенчанные злодеи! Смысл оды заключался именно в обличении «неправедной власти». Поэт желает «на тронах поразить порок». Оказывается, вольность сама по себе не прельщает обличителя: есть нечто высшее, это – закон. Поэт предостерегает властителей от превышения власти, ибо последствием этого преступления является справедливое возмездие.

Владыки! вам венец и трон
Дает Закон – а не природа;
Стоите выше вы народа,
Но вечный выше вас Закон.
И горе, горе племенам,
Где дремлет он неосторожно,
Где иль народу, иль царям
Законом властвовать возможно!

Здесь целая политическая программа. Автор, очевидно, сторонник конституции. Вольность он понимает как жирондист, а не как якобинец. Такая программа во вкусе жирондистов была очень подходящей для либеральных дворян, будущих членов Северного тайного общества. Вот почему «Вольность» имела такой неслыханный успех. Декабристы на допросах почти все отмечали, что стихи Пушкина и особенно «Вольность» влияли на их политические взгляды. Умеренная либеральная программа была выражена, однако, в таких энергичных стихах, что пьеса производила впечатление какого-то мятежного гимна:

Тираны мира! трепещите!
А вы, мужайтесь и внемлите,
Восстаньте, падшие рабы!

Любопытно, что эту свою оду Пушкин послал вместе с мадригалом княгине Евдокии Ивановне Голицыной, известной «ночной княгине», у которой был в Петербурге едва ли не самый интересный салон. Люди разнообразных взглядов и настроений искали возможности посещать этот ночной салон, где идейные беседы велись до утра и где не было вовсе ни хмеля, ни нравственной распущенности. Пушкин был очарован добродетельной княгиней. Он познакомился с нею у Карамзиных. Пушкин был «смертельно влюблен в Пифию»¹⁵⁸ и бывал у нее на вечерах постоянным гостем два сезона.

Княгиню Голицыну называли заглазно Пифией, потому что эта незаурядная женщина любила «пророчествовать», Это не всем нравилось. Тургенев полагал, что она прекрасна и, «когда не на треножнике, а просто на стуле, – умная женщина». Неравнодушный к ней Вяземский писал о ней: «Она была не обыкновенной светской барыней, а жрицей какого-то чистого и высокого служения». Современники передают, что «ночная княгиня» была большой патриоткой и что у нее была какая-то своя философия истории, которой не разделял, вероятно, юный Пушкин, сумевший, однако, изысканно похвалить красавице в заключительных стихах мадригала:

Отечество почти я ненавидел,
Но я вчера Голицыну увидел
И примирен с отечеством моим.

Если верить мемуаристам и портрету Виже Лебрэн,¹⁵⁹ эта философствующая княгиня была прелестна, хотя Н. М. Карамзину ее красота казалась почему-то холодной. Но поэт почувствовал ее очарование, и ему ее прелесть казалась «огненной, пленительной, живой». Он часто посещал ее дом на углу Мойки и Миллионной.

Из послания князю А. М. Горчакову («Питомец мод, большого света друг...») видно, что лицейский товарищ поэта, начинавший тогда свою блестящую дипломатическую карьеру, упрекал, по-видимому, Пушкина за его равнодушие к «большому свету», на что поэт и ответил с немалым сарказмом, что он предпочитает «младых повес счастливую семью», где «ум кипит», где «в мыслях волен» он. Ему противны салоны, «где глупостью единой все равны». Он рад, что не слышит «политики смешного лепетанья», не видит «украшенных глупцов, святых невежд, почетных подлецов и мистики придворного кривлянья». Салон Е. И. Голицыной, очевидно, не похож был на прочие тогдашние салоны «большого света». Пушкин вспоминал о нем даже на Юге с интересом и сочувствием. «Ночная княгиня» была

¹⁵⁸ Пифия – в Древней Греции жрица-прорицательница в храме Аполлона в Дельфах.

¹⁵⁹ Виже Лебрэн Елизавета (1755–1842) – французская портретистка, бывшая в моде в аристократической среде. Около 1800 г. посетила Петербург, где написала ряд портретов.

старше Пушкина почти на двадцать лет. Это не помешало поэту включить ее имя в его «донжуанский список».

В Петербурге был еще один салон, где Пушкин бывал довольно часто. Это салон директора Публичной библиотеки и президента Академии художеств Алексея Николаевича Оленина.¹⁶⁰ В этом салоне сходились нередко представители враждующих литературных школ. Тут бывали Крылов, Гнедич но тут же бывали Жуковский, Батюшков, Василий Пушкин, князь Вяземский, братья Тургеневы и многие другие.

В гостеприимном доме Олениных было просто и уютно. И усадьба их под Петербургом называлась «Приютино», что дало повод Вяземскому каламбурить, когда Пушкин жаловался ему, что он бесприютен. «Разве тебя уже не пускают в Приютино?» – спрашивал он, намекая на то, что сватовство Пушкина к А. А. Олениной,¹⁶¹ дочке президента, расстроилось. Но это было в 1828 году, а теперь, в 1817–1819 годах, Аннет Оленина была еще маленькая, и Пушкин в их доме влюбился в другую особу.

Сам Алексей Николаевич Оленин получил разностороннее образование, пожил за границей и был дилетантом в неплохом смысле этого слова. Интересовался археологией, историей, искусством. Он напечатал несколько ученых работ. Род Олениных был древний, а по матери он был в родстве с князьями Волконскими. Все его любили. «В маленьком живчике можно было найти тонкий ум, веселый нрав и доброе сердце. Он не имел пороков, а несколько слабостей, светом извиняемых и даже разделяемых», – рассказывает о нем Ф. Ф. Вигель. Даже этот придирчивый и насмешливый мемуарист на этот раз мало злословит, побежденный благодушием Алексея Николаевича. Его жена, урожденная Полторацкая,¹⁶² приходилась теткой Анне Петровне Керн.¹⁶³

Молодая, хорошенькая генеральша Керн любила бывать в доме своей тетки. Там за нею ухаживал ее двоюродный брат Александр Полторацкий.¹⁶⁴ В 1819 году она встретила у Оленина Пушкина. Анна Петровна не обратила на него внимания. Она глаз не могла отвести от Ивана Андреевича Крылова. Толстый, добродушно-лукавый насмешник читал бесподобно свои басни. Нельзя было не смеяться, когда он читал внушительно: «Осел был самых честных правил!..» Потом играли в фанты, Анне Петровне досталась роль Клеопатры. Она сидела с корзиной цветов. Пушкин подошел к ней с ее кузенком Полторацким и спросил, указывая на молодого человека: «Ему, не правда ли, придется взять на себя роль аспида?» Анна Петровна нашла это дерзким и ничего не ответила. Но Пушкин не унимался. За ужином он сидел недалеко от нее и, разговаривая с Полторацким так, чтобы она могла слышать, восклицал: «Но разве позволительно быть такой красивой?» Потом началась шутливая болтовня о том, кто попадет в рай и кто в ад. Пушкин сказал Полторацкому: «Во всяком случае, в аду будет много хорошеньких, там можно будет играть в шарады. Спроси у госпожи Керн, хотела ли бы она попасть в ад». Она отвечала сухо, что не хочет быть в аду. «Ну, как же ты теперь, Пушкин?» – спросил Полторацкий. «И я раздумал», – отвечал поэт очень серьезно. После ужина, когда Анна Петровна Керн садилась в экипаж вместе со своим кузенком, Пушкин стоял на крыльце и провожал ее глазами. После этой первой встречи поэт увидел Анну Петровну через шесть лет в Михайловском.

¹⁶⁰ Оленин Алексей Николаевич (1764–1843) – историк, археолог. Директор Публичной библиотеки и президент Академии художеств.

¹⁶¹ Оленина Анна Алексеевна (1808–1888) – младшая дочь А. Н. Оленина и Е. М. Олениной. С 1825 г. – фрейлина. О своих отношениях с поэтом рассказала в «Дневнике».

¹⁶² Полторацкая Елизавета Марковна (1768–1838, в замужестве Оленина) – жена А. Н. Оленина.

¹⁶³ Керн Анна Петровна (1800–1879, урожд. Полторацкая) – племянница П. А. Осиповой, с 1817 г. – жена Е. Ф. Керна. Во втором браке Маркова-Виноградская.

¹⁶⁴ Полторацкий Александр Александрович (1792–1855) – двоюродный брат А. П. Керн. С 1834 г. был женат на Е. П. Бакуниной, первой любви Пушкина-лицеиста.

IV

Однажды актер П. А. Каратыгин, возвращаясь с репетиции, проезжал в фургоне со своими товарищами мимо дома Всеволожского по Екатерингофскому проспекту. В окне показался молодой человек с плоским, приплюснутым носом, большими губами и смуглым лицом мулата, который, раскланиваясь с проезжающими, сорвал с бритой головы парик и помахал им, как шляпой. П. А. Каратыгин с удивлением узнал от своего спутника, что это Пушкин, имя коего было уже тогда известно многим. Поэт был обрит во время болезни. Он теперь спешил наверстать потерянное время кутежами у Никиты Всеволожского, амфитриона¹⁶⁵ «Зеленой лампы».¹⁶⁶ Это было тоже «тайное общество», но с целями менее серьезными, чем «Союз благоденствия». Правда, декабрист М. А. Фонвизин в своих записках упоминает, что вожди «Союза благоденствия», озабоченные распространением своих идей, старались вести пропаганду в организованных литературных обществах и кружках, и в том числе в обществе «Зеленая лампа». В доносе Бенкендорфа 1821 года «Зеленая лампа» также упоминается как приятельский кружок, на который «Союз благоденствия» рассчитывал влиять политически. Расчеты эти, однако, не оправдались, и когда велось следствие по делам тайных обществ и восстания 14 декабря, «Зеленая лампа» оставлена была без внимания по своей политической невинности. В этом кружке занимались пьянством с таким усердием, что едва ли мог бы выйти толк, если бы нашлись охотники использовать участников этих собраний для революционных целей, не компрометируя оных. Легенда, сочиненная в недавнее время о революционном значении «Зеленой лампы», так же несостоятельна, как и легенда старая, согласно коей «Зеленая лампа» была тайным сенаклем,¹⁶⁷ где устраивались ужасные оргии, где будто бы разыгрывались кощунственные и бесстыдные мистерии и чуть ли не процветал какой-то сатанинский культ. На самом деле в доме Никиты Всеволожского, эпикурейца и богача, балетомана и эстета, не было вовсе ни политической серьезности, ни темных оргий. На заседаниях «Зеленой лампы» читались поэтами стихи, дурные и хорошие, а также театральные рецензии некоего поручика Баркова,¹⁶⁸ ничем не примечательного, кроме знаменитой своей фамилии; произносились шуточные речи по поводу закулисных интриг и пелись хором песни, чаще всего непристойные, а иногда и непочтительные по отношению к тогдашним властителям. Каков был стиль этих собраний, можно судить по тому, что за ужином прислуживал мальчишка-калмык, который обязан был подходить к гостю и говорить «здравия желаю» каждый раз, когда гость произносил непечатное слово. По-видимому, бедному калмыку работы было немало.

Пушкин не брезговал «Зеленой лампой», как он не брезговал и сомнительными альковами. Если обратить внимание на список завсегдаев «Зеленой лампы», станет ясным характер этого кружка. Там бывали красавец лейб-улан Юрьев, «любимец ветреных Лаис»; поручик лейб-гвардии Конно-егерского полка П. Б. Мансуров, тот самый, которому Пушкин посвятил бесстыднейшие строки; А. О. Родзянко,¹⁶⁹ автор плохих порнографических стихов, а позднее автор стихотворного доноса на Пушкина; В. В. Энгельгардт, «Венеры набожный поклонник и наслаждений властелин», известнейший богач и азартный игрок; Як. Н. Толстой, замешанный, правда, в делах тайных обществ, но оправдавшийся в глазах правитель-

¹⁶⁵ Амфитрион – греческий царь, муж Алкмены, обманутый Юпитером, принявшим вид самого Амфитриона.

¹⁶⁶ «Зеленая лампа» – литературное общество в Петербурге (1819–1820).

¹⁶⁷ Сенакль – зала, где проходила Тайная вечеря. В переносном смысле собрание посвященных.

¹⁶⁸ Барков Дмитрий Николаевич (1796–1855) – офицер лейб-гвардии Егерского полка в 1813–1823 гг. С 1826 г. чиновник петербургской таможни. Театрал, переводчик пьес.

¹⁶⁹ Родзянко Аркадий Гаврилович (1793–1846) – поэт, богатый помещик. Привлекался по делу декабристов. Известен своими эротическими стихотворениями.

ства как усердный агент Третьего отделения. И все прочие – Щербинин, Каверин, Дельвиг и другие никогда ничем значительным не проявили себя в политической жизни. С. Трубецкой¹⁷⁰ и Н. Муравьев были случайными гостями «Зеленой лампы». Вольнодумствовал по-настоящему только Пушкин. Но, может быть, именно участие его в кружке «Зеленой лампы» было одной из серьезных причин, почему И. И. Пущин не решился ввести поэта в настоящее тайное общество. Здравый смысл должен был предостеречь Пущина от этого неосторожного шага. В самом деле, была ли возможна какая-нибудь конспирация в обстановке «Зеленой лампы», где пьяные гвардейцы и дамы полусвета убивали праздное время в самых нелепых кутежах? На этот вопрос может быть только отрицательный ответ.

«Зеленая лампа» была связана не с революционными организациями, а с театром и с театральными кулисами. Правда, большинство членов веселого общества интересовалось не столько искусством, сколько любовными приключениями с воспитанницами театрального училища, но были и настоящие знатоки театра. Никита Всеволожский сочинял и переводил пьесы; А. Д. Улыбышев¹⁷¹ писал серьезные музыкальные рецензии, а значительно позднее издал большую книгу о Моцарте, получившую известность не только в России, но и в Европе; Пушкин в те годы очень интересовался театром. Об этом свидетельствуют, между прочим, его оставшиеся в черновике «Мои замечания о русском театре». В них есть любопытная страница с характеристикой тогдашнего зрительного зала. «Что такое наша публика? – пишет Пушкин. – Пред началом оперы, трагедии, балета молодой человек гуляет по всем десяти рядам кресел, ходит по всем ногам, разговаривает со всеми знакомыми и незнакомыми. «Откуда ты?» – «От Семеновы,¹⁷² от Сосницкой,¹⁷³ от Колосовой,¹⁷⁴ от Истоминой¹⁷⁵».

«Как ты счастлив!» – «Сегодня она поет – она играет – она танцует – похлопаем ей вызовем ее! она так мила! у нее такие глаза! такая ножка! такой талант!..» Занавес подымается. Молодой человек, его приятели, переходя с места на место, восхищаются и хлопают. Не хочу здесь обвинять пылкую, ветреную молодость, знаю, что она требует снисходительности. Но можно ли полагаться на мнения таких судей?..»

Участники «Зеленой лампы» едва ли не те самые молодые люди, которых изобразил здесь Пушкин. Поэт скептически относился к репутациям актеров: «Трагический актер заревет громче, сильнее обыкновенного; оглушенный раек приходит в иступление, театр трещит от рукоплесканий».

Значит, и раек не лучше партера. Солидные зрители кресел, пожалуй, хуже и молодых повес, и буйного райка. Эти солидные люди, «носящие на лице своем однообразную печать скуки, спеси, забот и глупости», суть самые вредные зрители, охлаждающие актеров своим тупым и надменным равнодушием. Но истинный талант побеждает даже эту убийственную косность привилегированного общества. Такова Семенова. Она обладает талантом оригинальным. «Бездушная французская актриса Жорж¹⁷⁶ и вечно восторженный поэт Гнедич могли только ей намекнуть о тайнах искусства, которое поняла она откровением души».

¹⁷⁰ Трубецкой Сергей Петрович (1790–1860) – князь, полковник, один из руководителей Северного общества, осужден на 20 лет каторги.

¹⁷¹ Улыбышев Александр Дмитриевич (1794–1858) – переводчик Коллегии иностранных дел, музыкальный критик.

¹⁷² Семенова Екатерина Семеновна (1786–1849) – трагическая актриса. Ушла со сцены в 1826 г. Жена князя Ивана Алексеевича Гагарина (1771–1832).

¹⁷³ Сосницкая Елена Яковлевна (1794–1871) – петербургская актриса на ролях субреток и бойких барышень.

¹⁷⁴ Колосова Александра Михайловна (1802–1853) – петербургская драматическая актриса.

¹⁷⁵ Истомина Евдокия (Авдотья) Ильинична (1799–1848) – ведущая танцовщица петербургской труппы, исполняла партии в балетах на пушкинские сюжеты, упомянута в «Евгении Онегине».

¹⁷⁶ Жорж (Mademoisell Georges, 1787–1867) – сценический псевдоним Жозефины Веммер, трагической актрисы, с большим успехом игравшей роли цариц в классических трагедиях.

Пушкин перечисляет достижения ее репертуара: «она украсила несовершенные творения несчастного Озерова¹⁷⁷», она воскресила гений французских классиков в стихах Катенина, «полных силы и огня, но отверженных вкусом и гармонией», «Семенова не имеет соперниц». В этих заметках Пушкин полемизирует с определенной партией. Это видно из его оценки Колосовой, которую поддерживал Катенин. Пушкин напоминает об ее дебюте. Колосова выступила при плесках полного театра – «молодая, милая, робкая». «Семнадцать лет, прекрасные глаза, прекрасные зубы (следовательно – частая, приятная улыбка), нежный недостаток в выговоре обворожил судей трагических талантов». «Чем же все кончилось? Восторг к ее таланту и красоте мало-помалу охолодел». Он объясняет снижение Колосовой не дурным вкусом публики, а ее отношением к искусству. Она, оказывается, должна менее «заниматься флигель-адъютантами его императорского величества, а более своими ролями». Она должна подражать не внешним приемам Семеновой, а «присвоить и глубокое ее понятие о своих ролях». Кажется, у Пушкина было и личное раздражение против Колосовой. Он посвятил ей эпиграмму, в которой потом раскаивался. Как бы скептически Пушкин ни относился к зрительному залу и к любимцам публики, сам он любил театр. Сосланный на Юг, он скучает без «игр Мельпомены». Гнедичу он писал: «Мне брюхом хочется театра».

«Зеленая лампа» и театр сочетаются во что-то нераздельное в его тогдашнем представлении. Так, Як. Толстому он пишет: «Что Всеволожские? Что Мансуров? Что Барков? Что Сосницкие?¹⁷⁸ Что Хмельницкий?¹⁷⁹ Что Катенин? Что Шаховской? Что Ежова?¹⁸⁰ Что граф Пушкин?¹⁸¹ Что Семеновы?¹⁸² Что Завадовский?¹⁸³ Что весь Театр?»

«Весь Театр» и участники «Зеленой лампы» – это нечто нераздельное. Уланы, гусары, актеры, игроки – все смешалось в беспорядке ночного кутящего Петербурга. И позднее, в 1823 году, когда Пушкин писал первую главу «Онегина», эти годы испытанного им увлечения театром соединялись в его воображении с нравами «золотой молодежи». Онегин, пообедав не с кем иным, как с Каверинным, спешит в театр, где он, «непостоянный обожатель очаровательных актрис, почетный гражданин кулис», с такою же небрежностью, как и все прочие члены «Зеленой лампы», «идет меж кресел по ногам».

Двойной лорнет скоясь наводит
 На ложи незнакомых дам;
 Все ярусы окинул взором,
 Всё видел: лицами, убором
 Ужасно недоволен он;
 С мужчинами со всех сторон
 Раскланялся, потом на сцену
 В большом рассеянье взглянул,

¹⁷⁷ Озеров Владислав Александрович (1769–1816) – драматург, член литературного кружка неоклассиков. Говоря о «несчастном Озерове», Пушкин имеет в виду душевную болезнь драматурга, начавшуюся в 1809 г.

¹⁷⁸ Елена Яковлевна Сосницкая и ее муж Сосницкий Иван Иванович (1794–1871) – исполнитель ролей первых любовников, особенно любимый Пушкиным.

¹⁷⁹ Хмельницкий Николай Иванович (1789–1845) – драматург, создатель водевилей.

¹⁸⁰ Ежова Екатерина Ивановна (1788–1836) – петербургская комическая актриса, гражданская жена князя А. А. Шаховского с 1817 г.

¹⁸¹ Мусин-Пушкин-Брюс Василий Валентинович (1773–1856) – действительный камергер, был тесно связан с театральными кругами Петербурга в 1800–1820 г.

¹⁸² Семеновы – сестры Екатерина Семеновна и Нимфодора Семеновна – оперная певица, которой Пушкин посвятил шуточное стихотворение «Желал бы быть твоим, Семенова, покровом!» (1817–1820).

¹⁸³ Завадовский Александр Петрович (1794–1856) – граф, сын фаворита Екатерины II графа Завадовского (1738–1812), любовник балерины Истоминой, из-за которой дрался на дуэли и убил штаб-ротмистра В. В. Шереметева. Крупный игрок, состоявший на особом учете тайной полиции.

Отворотился – и зевнул.
И молвил: «Всех пора на смену;
Балеты долго я терпел,
Но и Дидло мне надоел».

Но самому Пушкину Дидло¹⁸⁴ не надоел. Недаром он сделал примечание к этой главе: «Балеты Дидло исполнены живости, воображения и прелести необыкновенной. Один из наших романтических писателей находил в них гораздо более поэзии, нежели во всей французской литературе». Сам Пушкин не был тем блазирванным повесой, каких вокруг него было немало. Сам он своей артистической душой любил театр и не зевал в нем, как его Онегин. Об этом три незабываемые строфы первой главы XVIII–XX. Они предвосхищают труд биографа:

Волшебный край! там в стары годы,
Сатиры смелый властелин,
Блистал Фонвизин, друг свободы,
И переимчивый Княжнин;
Там Озеров невольны дани
Народных слез, рукоплесканий
С молодой Семеновой делил;
Там наш Катенин воскресил
Корнеля гений величавый;
Там вывел колкий Шаховской
Своих комедий шумный рой,
Там и Дидло венчался славой.
Там, там под сению кулис.
Младые дни мои неслись.

Нет, Пушкин увлекался не только легкостью закулисных нравов. Если он ухаживал за актрисами, балагурил и сквернословил, подчиняясь стилю какого-нибудь Мансурова или Щербинина, это еще не значит, что для него театр исчерпывался интересами алькова или светской моды. Портрет Истоминой в XX строфе первой главы тому доказательство:

Блистательна, полувоздушна,
Смычку волшебному послушна,
Толпою нимф окружена,
Стоит Истомина; она,
Одной ногой касаясь пола.
Другую медленно кружит,
И вдруг прыжок, и вдруг летит.
Летит, как пух от уст Эола;
То стан совет, то разовьет,
И быстрой ножкой ножку бьет.

Он смотрит на Истому главами артиста прежде всего. Кроме «Зеленой лампы» был еще один театральныи центр в столице. Это «чердак» Шаховского. Автор комедий, направленных против Карамзина и Жуковского, теперь не кажется Пушкину таким ничтожным и

¹⁸⁴ Дидло Карл (1767–1837) – известный петербургский балетмейстер.

вредным писателем, как это ему казалось в лицее. Впрочем, и в лицее в 1815 году, записывая свои «мысли о Шаховском», он замечает, что он «неглупый человек».

Катенин уговорил Пушкина поехать на «чердак». Шаховской принял его с распростертыми объятиями. Этот толстый, пузатый урод с крючковатым носом, несколько шепелявый, считал себя знатоком сцены и обучал актеров их ремеслу. Ежова, о которой справлялся Пушкин у Як. Толстого, была сожительницей Шаховского. Она играла комических старух. Чета была гостеприимна и любезна. Пушкин был доволен своим новым знакомством. Позднее, в письме к князю Вяземскому, он писал про Шаховского: «Он, право, добрый малый, изрядный автор и отличный сводник». Последнее замечание было не лишено оснований. На «чердаке» бывали не только театралы, но и актрисы всех возрастов и рангов. Шаховской нередко покровительствовал любовным интригам.

И вот на этом самом «чердаке» бывал и встречался с Пушкиным граф Федор Иванович Толстой, прозванный Американцем, которого Лев Толстой, его двоюродный племянник, считал «необыкновенным, преступным и привлекательным человеком». Он видел своего двоюродного дядюшку в детстве. У него было «прекрасное лицо, бронзовое, бритое, с густыми бакенбардами до углов рта, и также белые курчавые волосы». Этот «преступный» человек провел жизнь, полную странностей и приключений. Он участвовал в кругосветном плаваньи, побывал в русских американских колониях, за что-то был высажен адмиралом не то на Камчатке, не то на Алеутских островах, и чуть ли не пешком вернулся в Петербург после всевозможных авантюр. Он был дерзкий бретёр,¹⁸⁵ азартный игрок и, может быть, «игрок наверняка». Вместе с тем он был даровит и остроумен. Пушкин считал его своим приятелем, но незадолго до высылки поэта на Юг по Петербургу распространили о поэте нелепую сплетню.¹⁸⁶ Пушкин последний узнал, что автором этой сплетни был Толстой-Американец, и несколько лет тщетно ждал с ним встречи, чтобы вызвать его на поединок.

¹⁸⁵ Бретёр (от фр. *bretteur* – дуэлянт, забияка) – человек в состоянии постоянной готовности затеять драку, вызвать на дуэль.

¹⁸⁶ В Петербурге распространился слух, что Пушкин был высечен в полицейском участке.

V

По преданию, первые строки «Руслана и Людмилы» Пушкин писал на стенах карцера, куда его посадили за какую-то шалость. Сам Пушкин в предисловии ко второму изданию поэмы писал: «Автору было двадцать лет от роду, когда кончил он «Руслана и Людмилу». Он начал свою поэму, будучи еще воспитанником Царскосельского лицея, и продолжал ее среди самой рассеянной жизни...» Однако Пушкин много работал над поэмой. Каждая песня поэмы читалась и обсуждалась друзьями поэта. Три года Тургенев, Жуковский, Карамзин, Батюшков, Вяземский следили внимательно за созданием «Руслана и Людмилы».

В день окончания поэмы Жуковский подарил Пушкину свой портрет с надписью: «Победителю-ученику от побежденного учителя в тот высокаторжественный день, в который он окончил свою поэму «Руслан и Людмила». 1820, марта 26, великая пятница».

Поэма была событием не только в жизни самого Пушкина, но и в истории русской литературы. Тогда, в 1820 году, стихи романтической поэмы прозвучали для современников так же неожиданно, как стихи символистов в первые годы нашего века. Литературным старове-рам казался непозволительным и дерзким новшеством легкий, прозрачный, вольный стиль этой поэтической шутки. Жуковский и прочие друзья поэта простили Пушкину его пародию на «Двенадцать спящих дев».¹⁸⁷ Поэма была оправдана как победа романтизма. Пушкину не ставили в укор, что все сюжетные элементы поэмы заимствованы из разных источников. Эпизод с живою головою, очарованный замок, шутовская характеристика Людмилы – все это было предметом поэтических высказываний до Пушкина. Поэт воспользовался и «Неистовым Роландо» Ариосто,¹⁸⁸ и «Девственницей» Вольтера, и сказками, собранными Михаилом Чулковым,¹⁸⁹ и сказками Гамильтона,¹⁹⁰ и повестью о Еруслане Лазаревиче, и поэмою Н. Радищева¹⁹¹ «Альоша Попович»... В поэме не было ничего оригинального ни в сюжете, ни в идее. В сущности, идеи и вовсе не было. Это было до странности «безыдейное» произведение. И вот, однако, эта поэма была событием! В чем же тайна этого очарования? Спустя четверть века критики писали о Пушкине: «Стих русский гнулся в руках его, как мягкий воск в руках искусного ваятеля; он пел у него на все лады, как струна на скрипке Паганини». В самом деле, в этой певучей стихии пушкинской поэзии читатель упивался гармонией, не смея требовать от автора ни оригинальной фабулы, ни значительной идеи. Все пушкинское творчество 1817–1820 годов по сравнению с тем, что было сделано Пушкиным позднее, нам теперь кажется детским лепетом. Но для своего времени это был гениальный лепет.

Друзья были в восторге. Надо было печатать поэму. Но тогда обстоятельства сложились так, что Пушкину не пришлось самому участвовать в ее печатании. Над Пушкиным собрались грозные тучи. По городу ходили слухи, что правительство сошлет поэта в Соловецкий монастырь. Оказывается, вольнодумство Пушкина обратило на себя внимание властителей.

Сам император Александр помнил Пушкина очень хорошо. Как же! Это тот самый лицеист, который поцеловал по ошибке фрейлину Волконскую! Но не только это помнил Александр Павлович. До него дошли слухи о вольных стихах поэта. Генерал Васильчиков¹⁹²

¹⁸⁷ Поэма В. А. Жуковского.

¹⁸⁸ Ариосто Людовико (1474–1553) – итальянский поэт, автор поэмы «Неистовый Роланд». Ее содержание заимствовано из рыцарских романов.

¹⁸⁹ Чулков Михаил Дмитриевич (1743–1792) – русский писатель. Известны литературно обработанные им «Русские сказки».

¹⁹⁰ Гамильтон Антоний (1646–1720) – французский писатель, автор «Записок герцога де Граммона» и восточных сказок.

¹⁹¹ Радищев Николай Александрович (1778–1829) – русский поэт, переводчик, сын А. Н. Радищева, офицер, чиновник.

¹⁹² Васильчиков Илларион Васильевич (1776–1848) – князь, генерал от кавалерии, командир Отдельного гвардейского

показывал ему в прошлом году «Деревню» Пушкина. Так посоветовал Чаадаев в расчете на то, что царю понравится упоминание о нем, Александре, как о будущем «освободителе» народа.

Но в стихотворении были очень сильные обличительные строки:

Не видя слез, не внемля стона,
На пагубу людей избранное судьбой,
Здесь барство дикое, без чувства, без закона,
Присвоило себе насильственной лозой
И труд, и собственность, и время земледельца.
Склонясь на чуждый плуг, покорствуя бичам,
Здесь рабство тощее влачится по браздам
Неумолимого владельца.
Здесь тягостный ярем до гроба все влекут,
Надежд и склонностей в душе питать не смея,
Здесь девы юные цветут
Для прихоти бесчувственной злодея...

Эти стихи могли бы прозвучать как революционные, но заключение пьесы делало ее невинной. Поэт восклицает:

Увижу ль, о друзья! народ неугнетенный
И рабство, падшее по манию царя...

Эти последние строки, конечно, понравились Александру Павловичу. Он сказал генералу: «Поблагодарите Пушкина за добрые чувства, которые внушают его стихи».

Казалось бы, все складывалось очень благополучно для поэта, но, как нарочно, появилось еще несколько эпиграмм и пьес, у которых не было таких мирных концовок, лестных для государя. Все эти пьесы приписывали Пушкину. «Рождественская сказка» («Ура! в Россию скачет кочующий деспот...») метила в самого императора. А тут еще целый поток эпиграмм на архимандрита Фотия,¹⁹³ на князя А. Н. Голицына, на графа Аракчеева, на А. С. Стурдзу¹⁹⁴... Некоторые из этих эпиграмм, не без основания приписываемых Пушкину, были очень удачны. Вот, например, на А. С. Стурдзу, яростного реакционера, чья звезда особенно ярко горела во время Аахенского конгресса:¹⁹⁵

Холоп венчанного солдата,
Благодари свою судьбу:
Ты стоишь лавров Герострата
Иль смерти немца Коцебу.

Обиженные скрежетали зубами и требовали уничтожения Пушкина. Друзья умоляли поэта побережь себя. Но Пушкин как будто сам хотел какой-то развязки той оппозиционной

корпуса, впоследствии председатель Государственного совета.

¹⁹³ Фотий (1792–1838) – известный церковный деятель, выступал против масонства. Эпиграмма Пушкина «На Фотия» начиналась словами «Полу-фанатик, полу-плут» (1824).

¹⁹⁴ Стурдза Александр Скарлатович (1791–1854) – сын бывшего правителя Бессарабии, служивший в Министерстве иностранных дел, автор многочисленных книг по религиозным и политическим вопросам.

¹⁹⁵ Аахенский конгресс (прав. Ахенаи) – состоявшийся в 1818 г. в Ахене конгресс Четверного союза, куда входили Россия, Пруссия, Австрия, Англия.

кампании, которую он вел открыто и дерзко. В поведении Пушкина было что-то непонятное. Он громко в обществе острит над Александром Павловичем. Однажды в Царском Селе был переполох. Сорвался с цепи медведь. Боялись, что он в парке бросится на царя. Пушкин говорил по этому поводу: «Нашелся один человек, да и тот медведь!» Когда кто-то советовал ему быть осторожнее, он смеялся громко: «Теперь самое безопасное время – по Неве лед идет», то есть Петропавловская крепость отрезана от центра. В театре он показывал соседям портрет Лувеля,¹⁹⁶ убийцы герцога Беррийского,¹⁹⁷ с надписью: «Урок царям».

В 1825 году, в плену Михайловской ссылки, Пушкин собирался писать Александру I письмо, которое, по счастью, не послал. В черновике, объясняя свое поведение, писал он между прочим: «Мне было двадцать лет в 1820 году...» «Разнесся слух, будто бы я был отведен в Секретную канцелярию и высечен. Я последним узнал об этом слухе, который стал уже общим. Я увидел себя опозоренным в общественном мнении...» Далее Пушкин признается, что готов был или покончить жизнь самоубийством, или убить царя. «Я решился тогда, – пишет Пушкин, – вкладывать столько неприличия и столько дерзости в свои речи и в свои писания, чтобы власть вынуждена была, наконец отнестись ко мне, как к преступнику: я жаждал Сибири или крепости, как средства для восстановления чести...»

Здесь все странно. Странно то, что Пушкин в такой мере был связан сословными представлениями о чести; странно, что он собирался посылать царю столь откровенное письмо; странно, что мысль об убийстве царя приходила ему по такому личному поводу... и, однако, это не сказка, а самая настоящая быль, и Пушкин в самом деле весной 1820 года был в отчаянии, и ему казалось, что его «честь» пострадала, что какие-то предатели и враги преследуют его тайно.

Пушкин узнал имя одного из «предателей», распутивших смешной и «позорный» слух о розгах в Секретной канцелярии: это был Федор Толстой-Американец.

Репрессии, впрочем, не заставили себя долго ждать. За Пушкиным учрежден был надзор, и друзья поэта узнали, что правительство намерено его арестовать. Чаадаев явился к Карамзину и заставил себя принять в неурочное время, хотя историограф никого и никогда не принимал во время своей работы. Надо спасти Пушкина во что бы то ни стало. Ему грозит Сибирь или Соловки. Карамзин надел свою ленту и поехал к царице, Марии Федоровне, хлопотать за поэта. А в это время Пушкин имел объяснения с Михаилом Андреевичем Милорадовичем,¹⁹⁸ военным генерал-губернатором, боевым генералом суворовской школы, веселым балетоманом, убитым 14 декабря 1825 года на Сенатской площади рукою Каховского.¹⁹⁹ При Милорадовиче чиновником особых поручений состоял Ф. Н. Глинка, поэт, которому Пушкин посвятил стихотворение «Когда среди оргий жизни шумной», где он называет его «великодушным гражданином» и даже «Аристидом».²⁰⁰ Ф. Н. Глинка явился к Милорадовичу как раз после допроса Пушкина. «Милорадович, лежавший на своем зеленом диване, окутанный дорогими шальями, – рассказывает Глинка, – закричал мне навстречу: «Знаешь, душа моя! У меня сейчас был Пушкин! Мне ведь велено взять его и забрать все его бумаги; но я счел более деликатным пригласить его к себе и уж от него самого вытребовать бумаги. Вот он и явился очень спокоен, со светлым лицом, и когда я спросил о бумагах, он отвечал:

¹⁹⁶ Лувель Луи Пьер (1783–1820) – рабочий-седельщик, заколовший 13 февраля 1820 г. герцога Беррийского, наследника французского престола.

¹⁹⁷ Герцог Беррийский Шарль Фердинанд (1778–1820) – второй сын графа д'Артуа, впоследствии французского короля Карла X и Марии Терезии Савойской.

¹⁹⁸ Милорадович Михаил Андреевич (1771–1825) – российский генерал от инфантерии, участник Отечественной войны. С 1818 г. военный губернатор Петербурга. Смертельно ранен П. Г. Каховским во время восстания декабристов.

¹⁹⁹ Каховский Петр Григорьевич (1797–1826) – декабрист, поручик в отставке, член Северного общества.

²⁰⁰ Аристид (ок. 540 – ок. 467 до н. э.) – государственный деятель Древней Греции, прославившийся своей справедливостью и честностью, полководец.

«Граф! Все мои бумаги сожжены! – у меня ничего не найдете в квартире, но если вам угодно, все найдется *здесь* (указал пальцем на свой лоб). Прикажите подать бумаги; я напишу все, что когда-либо написано мною (разумеется, кроме печатного) с отметкою, что мое и что разошлось под моим именем». Подали бумаги. Пушкин сел и писал, писал... и написал целую тетрадь... Вот она (указывая на стол у окна), полюбуйте! Завтра я отвезу ее государю. А знаешь ли? Пушкин пленил меня своим благородным тоном и манерою обхождения...»

Пушкину, однако, вопреки его собственным словам в черновом письме 1825 года не очень хотелось попасть в Соловецкий монастырь или в Сибирь, и он полагал, что менее жестокая кара будет достаточна для восстановления его «чести». Он поехал к Карамзину поблагодарить его за хлопоты. Историограф взял с него слово не писать против правительства по крайней мере два года. Поэт обещал. Однако «Кинжал» был написан в июне 1821 года. Пушкин, вероятно, не считал, что он нарушил слово, данное Карамзину, потому что в пьесе прославляется кинжал, карающий не только коронованных тиранов, но и деятелей якобинского террора. «Кинжал» не против правительства писан», – оправдывался Пушкин в письме Жуковскому из Михайловского в 1825 году. Едва ли, впрочем, это утешило Николая Михайловича Карамзина.

Правительство решило покарать Пушкина очень мягко и снисходительно. Его высылка из Петербурга была устроена под предлогом «перевода по службе». Его назначили в распоряжение генерал-лейтенанта Инзова, попечителя колонистов Южного края России. Начальник Пушкина, граф И. А. Каподистрия, написал генералу Инзову письмо, в коем объяснял довольно запутанно и неясно, что Пушкин политически неблагонадежен, но что его надо беречь и что правительство рассчитывает на такт генерала Инзова. «Нет той крайности, в которую бы не впадал этот несчастный молодой человек, как нет и того совершенства, которого не мог бы он достигнуть высоким превосходством своих дарований...» Письмо было одобрено царем и подписано министром иностранных дел графом К. В. Нессельроде.

Хлопоты Чаадаева, Карамзина, Жуковского, А. И. Тургенева увенчались успехом. В Соловецкий монастырь поэт не попал. 6 мая 1820 года Пушкин выехал в Екатеринослав.

Глава пятая Южный берег

I

Когда милый Дельвиг и забавник Яковлев, провожавшие Пушкина до Царского Села, простились с ним и поэт остался один, он почувствовал, что началась новая жизнь.

В сущности, эта «ссылка» не так уж страшна. Жизнь в Петербурге, в нескладной и неудобной квартире на Фонтанке у Калинкина моста, ежедневные встречи с подозрительными и беспокойными глазами папаша, Сергея Львовича, сомнительное веселье собутыльников «Зеленой лампы», снисходительное внимание светских красавиц и уклончивая дружба тех немногих, которых Пушкин считал деятелями тайного общества, куда его не принимали, – все это покинуть не так уж мучительно. Ну а театральные кулисы и «крестницы Киприды» слишком утомительны, и – поживи он так еще год-другой – от этих «приапических затей»²⁰¹ у него, пожалуй, не останется вовсе ни физических, ни душевных сил, чтобы создать что-нибудь важное. А Чаадаев уверяет, что Россия ждет от него, Пушкина, какого-то произведения позначительнее «Руслана и Людмилы». Для этого надо «в просвещении стать с веком наравне», а главное, дать себе отчет в смысле совершающихся событий и в своей нравственной ответственности за них. Может быть, Чаадаев в самом деле прав. К тому же подлые сплетни, сочиненные на «чердаке» князя Шаховского, ставили Пушкина в смешное положение мальчишки, с которым правительство не желает серьезно считаться. Но теперь обстоятельства изменились. Пушкин доказал, что он не боится ни коварных и тупых ханжей, толпившихся вокруг трона, ни дерзких бретёров и насмешников, распустивших про него клевету.

Было бы скверно, конечно, если бы его отправили в Соловецкий монастырь или в Сибирь, но получить командировку на Юг не так уж плохо. Его начальник, граф Каподистрия, кажется, сообразил, что Пушкин не совсем обыкновенный чиновник. И, конечно, через год или два поэта вернут в столицу. Он привезет с собою, быть может, поэму или трагедию, и Чаадаев, пожалуй, не станет упрекать его в том, что он расточил напрасно свой талант.

В самом деле, «легкокрылая любовь и легкокрылое похмелье» не исчерпывают жизни. Царское Село давно уже позади, быстро мелькают верстовые столбы, ехать до Екатеринослава надо примерно дней десять-двенадцать. Пушкин еще не думает о том, как у него сложится жизнь там, на Юге. Он еще связан петербургскими впечатлениями. «Руслан и Людмила» печатается. Друзья будут наблюдать за этим делом. Можно издать еще сборник стихов. Пушкин приготовил его к печати, но рукопись у Никиты Всеволожского. Поэт проиграл в карты амфитриону «Зеленой лампы» что-то около пятисот рублей. Рукопись он оценил в тысячу рублей и, получив под нее часть денег, едет сейчас на Юг, не очень уверенный, что меценат позаботится об издании сборника.

По мере того как тройка уносила Пушкина все дальше и дальше от северной столицы, у него возникали мысли и планы о новой жизни. Милый Николай Раевский с отцом и сестрами едет на Юг. Есть какая-то надежда, что они встретятся. Пушкин дорожит этой дружбой.

И вот наконец Екатеринослав. Пушкин поселился недалеко от Днепра на Мандрыковке в небольшой корчме. Он явился к генералу Инзову с письмом Каподистрии, подписанным

²⁰¹ «Приапические затеи» – по имени Приапа – греческого бога плодородия, полей и стад, садоводства и виноделия, покровителя чувственных наслаждений и мужской силы.

министром. Старик Инзов понравился поэту. Этот добродушный генерал, по-видимому, не будет обременять поэта служебными делами. Пушкин заглянул раза два в канцелярию и, убедившись, что ему там делать нечего, вооружился толстою палкою и гулял по окрестностям. На нем красная русская рубашка и поярковая шляпа. Он чувствует себя романтическим героем. Берег Днепра очень живописен. Вековые деревья шумят глухо. Совсем близко от хаты Пушкина тюрьма. Как раз в эти дни случилось удивительное происшествие. Два разбойника бежали из этого узилища, переплыв Днепр в кандалах. Пушкин очень запомнил рассказ об этих смельчаках. Это была тема для поэмы «Братья разбойники».²⁰²

Однако в Екатеринославе было скучновато. После шумной петербургской жизни как-то странно это безлюдье. Однажды к Пушкину явились два обывателя. Они церемонно объяснили ему, что пришли с целью «посмотреть на знаменитого стихотворца». Их физиономии почему-то не понравились поэту. Он сидел в это время в своей хате и ел икру, запивая ее красным вином. «Ну, видели? – сказал он. – Теперь до свидания...»

Он чувствовал себя плохо. По-видимому, возобновилась лихорадка, которая мучила его в Петербурге. Вероятно, он сам был в этом виноват, потому что выкупался в Днепре. Вода была еще холодная. Небритый, бледный и худой, в жару, валялся он на жестком деревянном диване в душной хате. Таким его нашли здесь Раевские, отец и сын. Они заехали в Екатеринослав из Киева. Николай Николаевич Раевский, знаменитый своими подвигами 1812 года, ставший при жизни легендарным героем, оказался человеком прямым, добрым и равнодушным к своей бранной славе. Николай Раевский-младший рассказал отцу, что Пушкин его друг, что этот Саша Пушкин поэт и подает немалые надежды, что, пожалуй, у него сейчас, после смерти Державина, нет соперников и что, главное, у него благородное сердце, но правительство недовольно им за эпиграммы на высокопоставленных лиц. Негодует на него и государь. Он не может простить поэту страшных стихов в его оде «Вольность». Пушкин дерзнул напомнить об этой ужасной ночи, когда караул семеновцев пропустил убийц в спальню к императору. За семеновцев отвечал он, наследник.

Врата отверсты в тьме ночной
Рукой предательства наемной...

Но Пушкин дал теперь слово Карамзину не писать против правительства два года. Главное – он гениальный поэт, и он так нужен России...

Старик Раевский сам пришел на Мандрыковку в грязную корчму, где лежал Пушкин. За больным ухаживал его Никита.²⁰³ Он, конечно, верный ему человек, но все-таки нельзя же оставить поэта здесь, в Екатеринославе, без друзей и близких. Решено было взять Пушкина с собою на Юг. Генерал Раевский ехал в трех экипажах с дочерью Марией²⁰⁴ и маленькою Софи.²⁰⁵ Их сопровождали доктор, компаньонка, гувернантка и слуги.

Пушкину казалось, что его все покинули, и когда он увидел Раевских, он был расстроган. Нет, у него есть друг. Это – Николай Раевский. Он и в Петербурге доказал уже Пушкину свою дружбу. А его отец – прекраснейший человек. Доктор говорит, что, если принимать какие-то порошки, лихорадка перестанет его мучить. Раевский переговорил с генералом Инзовым, и новый начальник Пушкина без всяких колебаний отпустил вверенного ему молодого человека на Юг. Он может отдыхать месяца два.

²⁰² «Братья разбойники» – поэма, над которой работал Пушкин в 1821–1822 гг.

²⁰³ Никита Андреевич Козлов – слуга и камердинер Пушкина.

²⁰⁴ Раевская Мария Николаевна (1805 или 1807–1863) – жена декабриста С. Г. Волконского.

²⁰⁵ Софи – Софья Николаевна Раевская (1806–1881) – младшая дочь Н. Н. Раевского.

Участие Раевского и докторские порошки помогли Пушкину. Он скоро поправился. Путешественники ехали по Мариупольской дороге. Они переправились через Днепр ниже порогов. Перед ними открылась степь, «чистого серебра волнующееся море», как писал с дороги старик Раевский своей старшей дочери. Вскоре они увидели и настоящее море.

Пушкин, не выдавший ничего, кроме псковской деревни и в детстве подмосковного Захарова, кажется, был рад новым впечатлениям. Но не только степь и море его интересовали. Черноглазая, смуглая, похожая на цыганенка Мари Раевская пленила Пушкина. Спустя много лет в своих воспоминаниях Мария Николаевна Раевская-Волконская откровенно рассказала об этом. Несмотря на то, что ей тогда шел всего лишь пятнадцатый год, она уже почувствовала, что поэт неравнодушен к ней. «Мне вспоминается, – писала она, – как во время этого путешествия, недалеко от Таганрога, я ехала в карете с Софьей, нашей англичанкой, русской няней и компаньонкой. Завидев море, мы приказали остановиться, вышли из кареты и всей гурьбой бросились любоваться морем. Оно было покрыто волнами, и не подозревая, что поэт шел за нами, я стала забавляться тем, что бегала за волной, а когда она настигала меня, я убегала от нее; кончилось тем, что я промочила ноги. Понятно, я никому ничего об этом не сказала и вернулась в карету. Пушкин нашел, что эта картина была очень грациозна, и, поэтизируя детскую шалость, написал прелестные стихи...»

Какие же это стихи? Мария Николаевна думает, что XXXIII строфа первой песни «Евгения Онегина» посвящена ей:

Я помню море пред грозою:
Как я завидовал волнам,
Бегущим бурной чередою
С любовью лечь к ее ногам!
Как я желал тогда с волнами
Коснуться милых ног устами!..

Мария Волконская уверена также, что некоторые стихи «Бахчисарайского фонтана» относятся к ней же. Она, правда, перепутала теперь, когда она пишет свои мемуары, эти строки, ей посвященные, но легко догадаться по ее неточной цитате, о чем она говорит: это портрет Заремы:

Вокруг лилейного чела
Ты косу дважды обвила;
Твои пленительные очи
Яснее дня, чернее ночи...

Почему Мария Николаевна Раевская-Волконская решила, что Пушкин, воспевая Зарему, думал о ней, о черноглазом подростке? Ошибалась она или нет – неважно. Важно только одно: Пушкин был в нее влюблен. В этом она не сомневалась нисколько. Но любопытно, что эта женщина, «самая замечательная из всех, каких я знал», как сказал про нее ее отец, когда она уже была в Сибири, угадала в Пушкине не только его увлечение, но и тайну его любви вообще: «В сущности, он обожал только свою музу и поэтизировал все, что видел...» Да и начинает она свои воспоминания о Пушкине замечанием пронизательным: «Как поэт, он считал своим долгом быть влюбленным во всех хорошеньких женщин и молодых девушек, с которыми он встречался...» Это замечание, пожалуй, ближе к истине, чем все бесплодные гадания о «северной любви» Пушкина или о «любви южной»... Пушкин «любил любовь», но, кажется, таинственная NN его «донжуанского списка» не разгадана не только нами, но и самим поэтом. Мария Николаевна права. Он сам в своей записной книжке

1820–1822 годов признался однажды: «Я влюблялся более или менее во всех хорошеньких женщин, которых я встречал в своей жизни...»

В самом деле, голова может закружиться от одного списка этих возлюбленных поэта. И в этой удивительной хронологической таблице, понятной только неистовому донжуану, решительно нет места для какой-то одной прочной и верной привязанности. Пушкина легко себе представить, когда он под палящим южным солнцем шагает без шляпы по голой степи, забыв все, изнемогая от ревности и страсти, но в его биографии решительно нет места для какой-то одной «утаенной» любви. Нет, он каждый раз с полной искренностью верил, что та прекрасная дама, ножки которой его пленили, и есть как раз предназначенная ему судьбою единственная и несравненная. Пушкин был по природе своей донжуаном. Он влюблялся в гордых красавиц, в диких цыганок, в увядающих немолодых кокеток, в невинных двенадцатилетних девочек, в бесстыдных блудниц, в целомудренных матрон, в страстных жриц Терпсихоры, в женщин, похожих на кукол, ко всему равнодушных.

В каждом женском лице он искал и находил какое-то чудесное воспоминание о райской красоте, утраченной, но возможной. Бесплодно и неразумно заниматься изысканиями и гаданиями, имя какой женщины утаил Пушкин. Еще неразумнее непременно, во что бы то ни стало приурочивать то или другое стихотворение к определенному лицу. Даже такие стихи, как «Я помню чудное мгновенье...» посвящены вовсе не одной Анне Петровне Керн, а в той же мере и многим другим. И «гений чистой красоты» являлся поэту не только в доме гостеприимного Оленина, где Пушкин играл в пти-жэ с Анной Петровной,²⁰⁶ но и в иные часы его жизни.

Итак, Пушкин путешествовал в обществе умного ветерана наполеоновских войн, его девятнадцатилетнего сына, черноглазого пленительного подростка Мари и младшей ее сестры Софьи. Они ехали на Кавказ, где их ждал старший сын Раевского, Александр. В начале июня они были уже на Горячих водах, посетили Железноводск, Пятигорск и Кисловодск. Пушкин купался в серных горячих источниках, и ему казалось, что они в самом деле целебны. Ванны находились в лачужках, наскоро построенных. «Источники, большею частью в первобытном своем виде, били, дымились и стекали с гор по разным направлениям, оставляя по себе белые и красные следы». Путешественники черпали кипучую воду ковшиком из коры или дном разбитой бутылки. Поэт видел великолепную цепь ледяных вершин, которые издали на ясной заре кажутся странными облаками, разноцветными и недвижимыми. Он поднимался на Бешту,²⁰⁷ Машук, Железную гору, Каменную и Змеиную. Знойная граница Азии была ему любопытна. Но не только природа интересовала Пушкина. Он был неравнодушен к русской военной и колониальной политике на Кавказе. Он не сомневается в необходимости его завоевания. Имя генерала Ермолова²⁰⁸ кажется ему славным. Он гордится его «благотворным гением». Все эти его сочувствия русскому империализму отразились в эпилоге к «Кавказскому пленнику». Позднее он писал брату:²⁰⁹

«Дикие черкесы напуганы; древняя дерзость их исчезает. Дороги становятся час от часу безопаснее, многочисленные конвои – излишними. Должно надеяться, что эта завоеванная сторона, до сих пор не приносившая никакой существенной пользы России, скоро сблизит нас с персиянами безопасною торговлею, не будет нам преградою в будущих войнах и, может быть, сбудется для нас химерический план Наполеона в рассуждении завоевания Индии...»

²⁰⁶ Пти-жэ (прав. пети-же от фр. petit jeu) – салонная игра, фанты.

²⁰⁷ Бешту – Бештау, пятиглавая гора-лакколлит близ Пятигорска.

²⁰⁸ Ермолов Алексей Петрович (1772–1861) – генерал, отличившийся в Отечественной войне 1812 г. Придерживался оппозиционных настроений по отношению к Александру I.

²⁰⁹ Льву Сергеевичу Пушкину.

Нет ничего удивительного в этих откровенных притязаниях Пушкина на развитие колониальной политики России: многие декабристы усматривали в завоевании Кавказа не только историческую необходимость, но и видели в русской политике цивилизаторскую миссию, не расходясь в этом отношении с империалистическими планами царского правительства.

Пушкин любовался казаками, проезжая по сторожевым станицам на берегах Кубани. Ему нравилось, что казаки «вечно верхом, вечно готовы драться, в вечной предосторожности». Раевского и его спутников сопровождал военный отряд. За путешественниками тащилась заряженная пушка с зажженным фитилем. С полуострова Тамани, древнего Тмутарканского княжества, открылись берега Крыма. Дальше до Керчи путешественники ехали на корабле.

Керчь основана на развалинах Пантикапеи, греческой колонии, существовавшей с V века до нашей эры. Позднее Митридат,²¹⁰ царь понтийский и босфорский, неудачно сражавшийся с римлянами, покончил с собою на горе, которая сохранила название «Митридатовой гробницы». Там, среди груды камней, поэт сорвал цветок для памяти и на другой день потерял его без всякого сожаления. Развалины Пантикапеи не сильнее подействовали на его воображение. Из Керчи путешественники ехали в каретах до Кефы, то есть до Феодосии, а от Феодосии до Юрзуфа²¹¹ морем. Они выехали на военном бриге, вероятно, вечером 18 августа.

Всю ночь Пушкин не спал. Луны не было. Блестали звезды. В тумане тянулись полуденные горы. В эту ночь в душе Пушкина сложилась элегия, которую он в издании 1826 года назвал «Подражанием Байрону». Элегия в самом деле напоминает некоторые строфы «Чайльд-Гарольда».²¹² Но ее смысл – в лирических признаниях самого Пушкина.

Поэт мечтает о новой жизни. Ему кажется, что он добровольно покинул Север. Он проклинает свою недавнюю жизнь.

Я вас бежал, отечески края;
Я вас бежал, питомцы наслаждений,
Минутной младости минутные друзья;
И вы, наперсницы порочных заблуждений,
Которым без любви я жертвовал собой,
Покою, славою, свободой и душой,
И вы забыты мной, изменницы молодые...

Только под утро Пушкин заснул. Между тем корабль остановился в виду Гурзуфа. Проснувшись, поэт увидел «и блеск, и воздух полуденный». Сияли горы. Татарские хижины издали казались ульями, прилепленными к прибрежным скалам.

В Гурзуфе Пушкин прожил три недели. Здесь ожидали путешественников: жена генерала Раевского и две старшие дочери – Екатерина²¹³ и Елена.²¹⁴

24 сентября 1820 года Пушкин, уже из Кишинева, писал брату: «Мой друг, счастливейшие минуты жизни моей провел я посреди семейства почтенного Раевского. Я не видел в

²¹⁰ Митридат VI Евпатор (132–63 до н. э.) – царь Понта. Вел борьбу со скифами. Подчинил все побережье Черного моря. В войнах с Римом был побежден и покончил с собой.

²¹¹ Юрзуф – Гурзуф – татарская деревня и курорт в Крыму.

²¹² Поэма Д. Байрона «Паломничество Чайльд Гарольда».

²¹³ Раевская Екатерина Николаевна (1797–1885) – старшая дочь генерала Н. Н. Раевского. О ней Пушкин отзывался как о «женщине необыкновенной».

²¹⁴ Раевская Елена Николаевна (1804–1852) – вторая дочь генерала Н. Н. Раевского. Ее болезненность послужила Пушкину источником элегии «Увы! Зачем она блистает».

нем героя, славу русского войска, я в нем любил человека с ясным умом, с простой прекрасной душою; снисходительного, попечительного друга, всегда милого, ласкового хозяина. Свидетель Екатерининского века, памятник двенадцатого года; человек без предрассудков, с сильным характером и чувствительный, он невольно привяжет к себе всякого, кто только достоин понимать и ценить его высокие качества. Старший сын его будет более нежели известен. Все его дочери – прелесть, старшая – женщина необыкновенная. Суди, был ли я счастлив: свободная, беспечная жизнь в кругу милого семейства; жизнь, которую я так люблю и которой никогда не наслаждался...»

Последнее признание чрезвычайно значительно. Как! Этот беспокойный гуляка, этот бретёр, этот буйный вольнодумец и насмешливый безбожник, этот, наконец, слишком ревностный почитатель «общедоступной Афродиты», признается вдруг в том, что он ценит и любит тихую жизнь в кругу милого семейства, где нет ни жаркого хмеля, ни буйных страстей! Возможно ли предположить неискренность в этом признании? Едва ли. Он пишет к брату Левушке, и ему нет никакой необходимости кривить душою. А что, если все эти беспокойные увлечения «минутной младости» вовсе не отвечают сокровенным душевным силам поэта? Письмо дополняет как будто мотивы ночной элегии «Погасло дневное светило...». Пушкин знает, оказывается, что горько жертвовать собою без любви «наперсницам порочных заблуждений». Да. Он презирает теперь «питомцев наслаждений». Пушкин мечтает о тишине и благообразии. Эту безмятежную и тихую жизнь он нашел в семье Раевских, жизнь, «которой он никогда не наслаждался». Это прямой и откровенный укор его собственной семье, укор суетливому, нескладному, крикливому дому господ Пушкиных.

Но вот что любопытно: дом Раевских, который казался Пушкину осенью 1820 года таким благообразным, тихим, счастливым и мирным, на самом деле уже таил в себе злую беду. Дом этот построен был на песке. И социальной буре ничего не стоило опрокинуть его и обратить в жалкие развалины. Пушкин не знал тогда, что через пять-шесть лет любимая дочь Раевского поедет в Сибирь за своим закованным в кандалы мужем, что друзья дома будут арестованы, что не причастные к заговору и оправданные сыновья Раевского в конце концов все-таки попадут в опалу, что дочь Елена будет чахнуть в болезни, что сын Александр станет жертвою своей сумасшедшей страсти, что даже материальное благополучие семьи пошатнется...

Но Пушкин этого не предугадывал. Всю жизнь он с совершенной искренностью верил в возможность какого-то благополучного устройства и душевной жизни, и внешнего быта – и никогда этого счастья не находил.

II

Во время совместной жизни с Раевскими Пушкин учился английскому языку и читал в оригинале Байрона, с которым он был уже знаком по французским переводам. Это чтение положило начало освобождению поэта от влияния французской литературы. Так называемый здравый смысл, легкое отношение к жизни, поверхностная эротика, скептическая оценка истории и веселая ирония, позволяющая самые важные вопросы решать, не задумываясь над их глубиной, – все это в конце концов утомило ум и сердце поэта. Здесь, в Гурзуфе, Пушкин нашел в библиотеке Ришелье сочинения Вольтера и перечитывал его. «Измуряющий смех» этого недавнего властителя дум казался теперь чем-то недостойным. Правда, Пушкин до конца дней своих признавал Вольтера несравненным остроумцем и удивительным стилистом, но идейным и моральным авторитетом он для него уже перестал быть. Явилась потребность взглянуть на мир не такими холодными и лукавыми глазами, какими смотрели на него дворяне-вольтерианцы конца XVIII века.

Поэзия Байрона, хотя и не заключала в себе никакого положительного решения вопроса о смысле бытия, однако, по крайней мере, ставила этот вопрос без того циничного легкомыслия, каким щеголяли Вольтер и его менее даровитые подражатели. Афоризм Вольтера по адресу католической церкви: «Уничтожьте негодницу!» имел свой определенный политический смысл и отвечал интересам тех социальных групп, которые возникли в Европе на развалинах феодализма, но этот лозунг в глазах Пушкина в те дни утратил свою остроту. Байрон так же, как и Вольтер, был непримиримым врагом средневекового мировоззрения, но он уже понимал, что дело не в том, что жирные монахи развратничают, а римская курия²¹⁵ интригуется, а в том, что новый человек не хочет мириться даже с «истиной», если она не принимается свободно, а навязывается ему авторитетом. Но и политическая деятельность Вольтера, всегда двусмысленная, его вольнодумство, соединенное с бесстыдной лестью монархам, должна была вызвать в душе страстного поэта прямое негодование. Иное дело Байрон. Его независимость была пленительна. Кроме того, Пушкин чувствовал в его личности какое-то сходство с ним, с Пушкиным. Оба поэта претендовали на знатность своего рода, и оба находились в конфликте с теми социальными условиями, в каких пришлось им совершить свой жизненный путь. Оба противопоставляли идею свободы государственной тирании, однако оба не могли и не хотели порвать связи с национальными и классовыми пристрастиями. Увлечение Байрона карбонариями было не более глубоким, чем увлечение Пушкина будущими декабристами, в коих тогда, в 1820 году, поэт мог только угадывать политических заговорщиков. Наконец, самое вольнодумство поэтов определялось прежде всего крайним индивидуализмом, гордостью независимой личности. И самые противоречия, от которых никогда Байрон не освобождался, были свойственны и Пушкину. И в силе, и в слабости эти поэты похожи были друг на друга. В годы создания «Кавказского пленника», «Бахчисарайского фонтана» и «Братьев разбойников» Пушкин был на тех же путях, на каких блуждал и великий английский поэт.

В это время судьба сблизила Пушкина с одним человеком, который, хотя и не думал подражать Байрону, однако по своему культурно-психологическому типу весьма походил на разочарованных байроновских героев. Это был Александр Николаевич Раевский. Пушкин встретил его на Кавказе, на минеральных водах, где он лечился. Они сблизились. Спустя девять лет, попав на Кавказ, Пушкин вспоминал о нем: «Я ехал берегом Подкумка. Здесь, бывало, сиживал со мною Александр Раевский, прислушиваясь к мелодии вод...» Поэт, кажется, создал в своем воображении байронического героя и отождествил его с личностью

²¹⁵ ...римская курия... – совокупность центральных учреждений папской власти.

этого отставного полковника. Александр Раевский, однако, не так был значителен, как представлял его себе поэт. Характеристика, которую дал этому «загадочному» человеку его отец, едва ли не ближе к истине. Н. Н. Раевский в письме к дочери Екатерине жалуется: «У него ум наизнанку; он философствует о вещах, которых не понимает, и так мудрит, что всякий смысл испаряется...» «Он не верит в любовь, так как сам ее не испытывает и не старается ее внушить».

Итак, в семействе Раевских не все было ладно, и Пушкин, быть может, напрасно завидовал сомнительному благополучию этого дома. Александр Раевский был «демоном» семьи. Когда спустя три года Пушкин написал свое обратившее на себя внимание стихотворение «Демон», все знавшие Александра Раевского решили в один голос, что поэт дал именно его характеристику в этой своей примечательной пьесе. Но Пушкин отрицал это, справедливо полагая, что его демон значительнее и умнее, чем этот самолюбивый молодой полковник. Существует портрет Александра Раевского. Художник сделал его красивым, но современники уверяют, что он был худой, костлявый, с небольшой головой, с лицом темно-желтого цвета, со множеством морщин и складок. У него на губах была постоянно саркастическая улыбка. Маленькие изжелта-карие глаза его были насмешливы. Он носил очки. Несмотря на некрасивую внешность, ему удавалось покорять женские сердца. При этом, кажется, он не брезговал никакими средствами для достижения своей цели. В этом пришлось убедиться Пушкину позднее, когда они жили в Одессе.

Когда Раевские и Пушкин покинули Кавказ, Александр Раевский остался там, продолжая курс лечения.

В Гурзуфе Пушкин наслаждался южной природой «со всем равнодушием и беспечно-стью неаполитанского лаццарони²¹⁶». Он любил, проснувшись ночью, слушать шум моря. Он заслушивался им целыми часами. В двух шагах от дома рос молодой кипарис. Каждое утро он навещал его и «к нему привязался чувством, похожим на дружество».

Так в семье Раевских Пушкин прожил три недели, «счастливейшие в его жизни». В первых числах сентября Пушкин со стариком Раевским покинули Гурзуф. Они ехали верхом по западной части берега, а потом горными тропинками. Иногда им приходилось карабкаться по скалам, держа за хвост татарских лошадей. Это забавляло Пушкина и «казалось каким-то таинственным восточным обрядом». Они посетили Георгиевский монастырь. Пушкин видел баснословные развалины храма Артемиды. Поэт вспомнил предание об Ифигении, которая спасла своего брата Ореста и его самоотверженного друга Пилада, обреченных на казнь за попытку похитить статую богини. «Видно, мифологические предания счастливее для меня воспоминаний исторических, – признавался Пушкин спустя четыре года, – по крайней мере, тут посетили меня рифмы. Я думал стихами». Однако некоторые сомневаются, что послание к Чаадаеву («К чему холодные сомненья...») написано в самом деле в 1820 году, как утверждал сам поэт. Едва ли эти сомнения основательны. Содержание пьесы соответствует тому душевному строю, о котором Пушкин свидетельствовал несколько раз, вспоминая о тишине и «умилении», усыпивших его сердце на Южном берегу. Мы теперь знаем, как непрочно было это сердечное «умиление» и какие страстные бури увлекли его снова на опасный путь. Но тогда он верил, что «вражда свирепой Эвмениды²¹⁷» побеждена «святым торжеством» любви и дружбы. Два года до того он предлагал Чаадаеву написать их мятежные имена «на обломках самовластья», а теперь он их пишет «на камне, дружбой освященном».

²¹⁶ Название бедняков и бродяг в Неаполе.

²¹⁷ Эвменида – одна из трех девственных древнегреческих богинь, мстительница за всех оскорбленных и обиженных.

Из Георгиевского монастыря путешественники отправились в Бахчисарай. Туда Пушкин приехал больной. Его мучила лихорадка. Он увидел здесь фонтан Слез²¹⁸ – «странный памятник влюбленного хана».

8 сентября Пушкин был уже в Симферополе. Семья Раевских ехала в экипажах другим путем. 21 сентября Пушкин был уже в Кишиневе, куда перевели попечительный комитет о колонистах и где проживал теперь генерал Инзов, временно исполнявший обязанности начальника Новороссийского края.

²¹⁸ Фонтан Бахчисарайского дворца.

Глава шестая Кишинев

I

В Кишиневе Пушкин поселился со своим Никитою в небольшом домике в три окошка. Вокруг домика росли акации, под окнами на грядках цветы. «Теперь я один в пустынной для меня Молдавии», – писал он брату 24 сентября 1820 года, значит, на третий день по приезде в Кишинев. В письме, однако, упоминает он о Михаиле Орлове, с которым он познакомился в Петербурге. Поэт знал его как «арзамасца», но он не знал, что этот самый М. Ф. Орлов, бывший тогда в Кишиневе командиром 16-й дивизии, – один из вождей «Союза благоденствия». Он не знал этого, а это было важно, потому что благодаря знакомству с Орловым у Пушкина завязались отношения и с другими заговорщиками. Так он познакомился и с майором В. Ф. Раевским,²¹⁹ «первым декабристом». В эти же дни познакомился он с братом Орлова, Федором Федоровичем,²²⁰ бретёром, кутилой, участником Отечественной войны, потерявшим ногу в одном из сражений. Федор Орлов не был членом «Союза благоденствия», и братья смотрели на него как на человека легкомысленного. Впоследствии, замышляя «Русский Пелам»,²²¹ Пушкин хотел сделать его героем этого приключенческого романа. Здесь, в Кишиневе, вскоре после приезда у Пушкина случилась с этим Федором Орловым трагикомическая история. Дело было в ресторане какого-то Гольды, где Пушкин был в обществе Орлова, полковника А. П. Алексеева²²² и И. П. Липранди.²²³ Орлов с Алексеевым играли на бильярде. Пили сначала портер, а потом жженку все четверо. Охмелевший Пушкин стал мешать игрокам, а когда они обозвали его «школьником», немедленно спутал им шары и вызвал обоих на поединок. В десять часов утра противники должны были встретиться. Но многоопытный Липранди сумел уладить недоразумение, и поединок не состоялся к общему удовольствию. Это было, кажется, первое из многочисленных кишиневских приключений Пушкина.

²¹⁹ Раевский Владимир Федосеевич (1795–1872) – поэт, майор 32-го Егерского полка, один из вождей бессарабской ячейки «Союза благоденствия».

²²⁰ Орлов Федор Федорович (1792–1835) – известный игрок и кутила, масон. Отставной полковник лейб-гвардии Уланского полка.

²²¹ «Русский Пелам» – условное обозначение первой главы и нескольких планов не озаглавленного самим Пушкиным большого романа, над которым он работал в 1834–1835 гг.

²²² Алексеев Алексей Петрович – областной почтмейстер в Кишиневе, участник Отечественной войны, отставной полковник.

²²³ Липранди Иван Петрович (1790–1880) – участник Отечественной войны, отставной полковник с 1822 г., историк. Оставил воспоминания о Пушкине. Послужил прототипом Сильвио в пушкинском «Выстреле».

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.